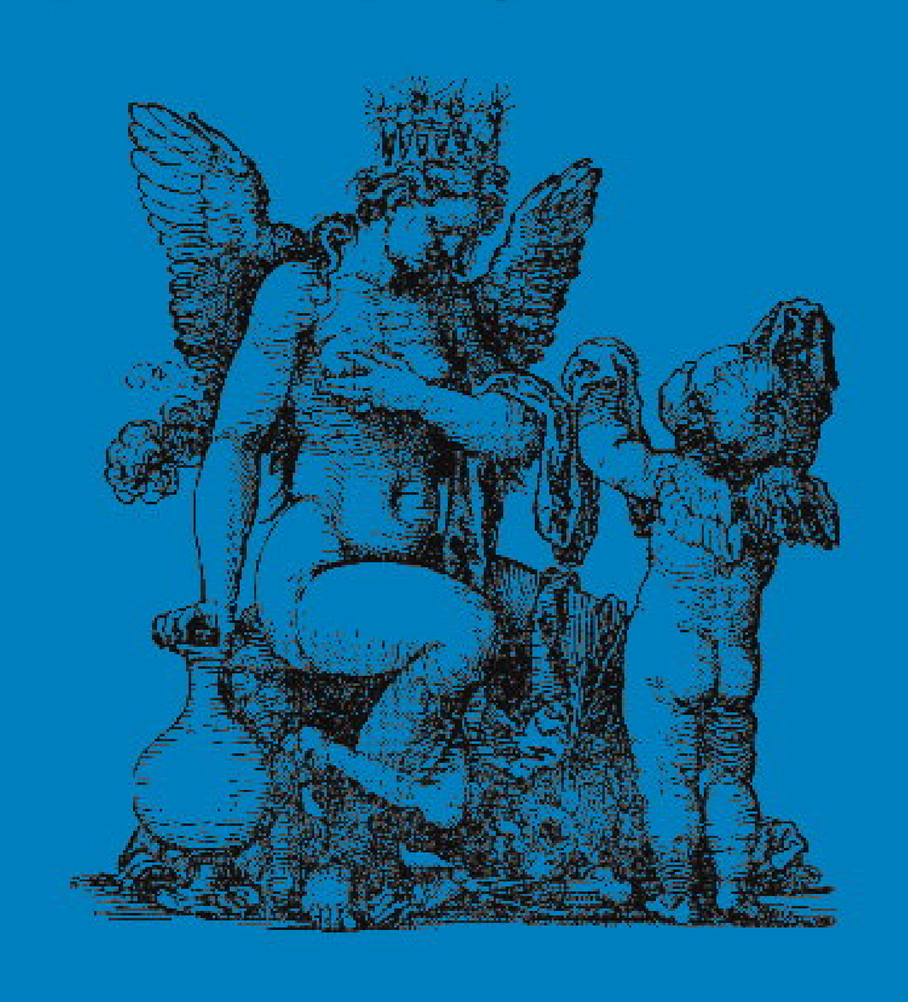
Gemma magica

Генрих Корнелий Агриппа

Рассуждение о монашеской жизни

О благородстве и преимуществе женского пола

Жозеф Орсье

Агриппа Неттесгеймский
Знаменитый авантюрист XVI века

Salamandra P.V.V.

GEMMA MAGICA

Материалы и исследования по истории магии и оккультизма

Новая серия
IV

Salamandra P.V.V.

Генрих Корнелий

АГРИППА

из Неттесгейма

РАССУЖДЕНИЕ О МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ

О БЛАГОРОДСТВЕ И ПРЕВОСХОДСТВЕ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Жозеф

ОРСЬЕ

АГРИППА НЕТТЕСГЕЙМСКИЙ

Salamandra P.V.V.

Агриппа Г. К., Орсье Ж.

Генрих Корнелий Агриппа из Неттесгейма. Рассуждение о монашеской жизни. О благородстве и преимуществе женского пола. Ж. Орсье. Агриппа Неттесгеймский. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 126 с. — (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма. Новая серия, вып. IV).

В издание вошли два небольших трактата прославленного немецкого гуманиста, натурфилософа и эзотерика Генриха Корнелия Агриппы из Неттесгейма (1486-1535) «Рассуждение о монашеской жизни» и «О благородстве и преимуществе женского пола», а также отрывки из сочинения «О недостоверности и тщете наук и искусств». Все эти произведения были переведены на русский язык в конце XVIII в. и переиздаются впервые. Вторую часть книги составила монография французского ученого Ж. Орсье «Агриппа Неттесгеймский», русский перевод которой был впервые издан в 1913 г. под редакцией и с обширными примечаниями и сопроводительными статьями Валерия Брюсова. К изданию приложена впервые переведенная глава об Агриппе из последней прижизненной книги знаменитой Фрэнсис Йейтс (1899-1981) «Оккультная философия елизаветинской эпохи».

CORNEL AGRIPPA à Nettesheim

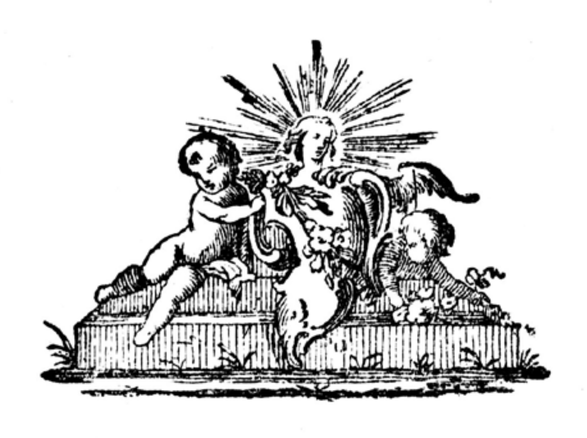
РАССУЖДЕНИЕ
О
МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ

ГЕНРИХА КОРНЕЛІЯ

АГРИППЫ

РАЗСУЖДЕНІЕ

МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Переводъ съ Латинскаго.

Печатано въ Москвѣ въ привилегирован-
ной типографіи у Мейера, 1783 года.

ЕГО

ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ

И Л А Р И О Н У

ЕПИСКОПУ

ПЕРЕЯСЛАВСКОМУ

И

БОРИСПОЛЬСКОМУ.

ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ ВЛАДЫКО!

Высокомилостивый Архипастырь!

Скоротекущее время всех веков и всегдашняя перемена во нравах людей, живущих в надежде большего дня на день просвещения, имело и всегда поставляет единственным предметом то, чтобы или опровергать изобретенное уже и уничтожать испорченное, или изыскивать новые следы к просвещению и выводить из того свои умозаключения, или возобновлять древностию похищенное и издавать в свет забвению преданное.

Посему и случается между людьми, что одни издают по своему понятию новые системы вещей, другие к старым истинам присовокупляют свои рассуждения, а третьи, приноравливаяся ко времени своего века, стараются исследованную умами многих справедливость каким бы то ни было образом предать и потомству.

Как же рассуждение о монашеской жизни столь славного ученостию своею в свете писателя Агриппы есть такое, которого в рассуждении теперешнего нашего состояния древность не опорочила, средний век ничего к нему не прибавил, а новейшие наши времена, научаясь ежедневными примерами гремящих своими добродетелями и славящихся своею жизнию монахов за непреоборимую почитают истину.

Для того я, за излишнее почитая похвалять то, что остроумнейшим своим рассуждением Агриппа обстоятельно исследовал и доказал, почел ко мне только относящимся оное всякого приятия достойное Агриппы рассуждение о монашеской жизни перевесть на российской язык; сие же особливо для того, чтобы не знающие Латинского языка, видя оное на своем природном, могли употребить в свою пользу.

Но здесь, Ваше Преосвященство, меня спросите, почему я Вам, а не другому кому осмелился поднесть сей перевод? Поистине должен признаться, что я Вами более прочих тронут и одолжен; ибо Ваше Преосвященство, кроме живо представленных в сем рассуждении монашеских добродетелей, кроме нищеты, говорю, целомудрия и послушания, имеете по Епископскому своему сану и вящие, а наипаче Вами оказываемую из единственного своего человеколюбия многим милость и благодеяние; чему очевидным доказательством могу служить я и под покровительством Вашим находящиеся мои братья.

Сии столь изящнейшие в роде человеческом добродетели кого не удивят и не обяжут, а паче столь много Вашим Преосвященством облагодетельствованного и долг имеющего изъявить Вам свою чувствительнейшую признательность. Но чем же могу я оную доказать и на самом деле свиде-

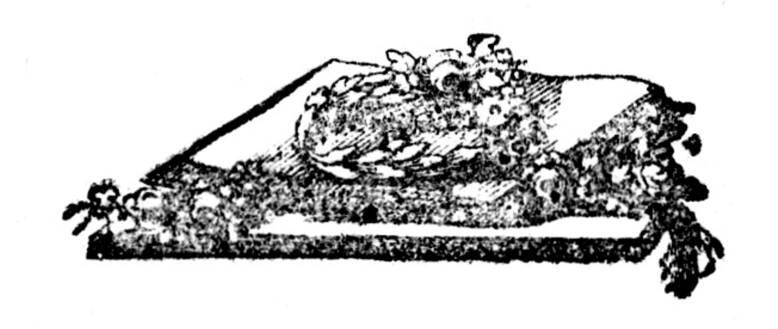
тельствовать? Как не приписанием имени Вашего Преосвященства всех добродетелей и преимуществ, в сем славного Агриппы рассуждении находящихся.

Примите, Ваше Преосвященство! сие мое приношение в знак той моей чувствительнейшей благодарности и Ваших Архипастырских добродетелей высокопочитания, с которыми я вечно пребуду.

Высокомилостивый Архипастырь!

ВАШЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

Нижайшим слугою
Л. М.

ГЕНРИКА КОРНЕЛІЯ
АГРИППЫ
Разсужденїе
о
МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Мне не безызвестно (почтеннейшие, жизнию, нравами и ученостию прославившиеся отцы), сколь трудно говорить и торжественно рассуждать пред вами о божественных вещах, особливо ж, что к сему делу приступать должно с согласия всех вас красноречивейшему, в науках искуснейшему и такому человеку, который бы в помощь приводить Авторов (для свидетельства необходимо нужных) всегда был в состоянии; ибо, по справедливому некоторых мнению, без красноречия и самые таинства теряют свою важность, а без предания предков, догадки собственного нашего ума не только бывают ложные, но еще нередко и великую наносят опасность. Итак, я, чувствуя себя недостаточным к сему предприятию, сказав с Пророком Иеремием: «Отрок есмь, и не вем глаголати. Грешник есмь, и не дерзаю прорещи закон Божий устами моима». Охотно бы желал препоручишь сие звание другому, который бы, преисполнен будучи Исаиевым духом, предстал к оному с сими словами: «Се аз есмь, послите мя»; однако, как ваше могущество и ваше повеление, возложившее на меня сию должность, недоведомою мне Серафимскою силою отверзло мои уста и прогнало мой страх, а повиновение возвратило мне ту смелость, которую слабость сил моих у меня было отняла; то я, оными будучи ободрен, с помощиею Божиею и приложу старание, чтобы сие мое рассуждение не показалось предпринятым мною или совсем

без причины, или без пользы. Все же сие я так исполнить должен, особливо когда вы по своему снисходительству дозволили мне торжественно о сем разглагольствовать, что прежде, нежели я приступлю к оному, во-первых, покажу вам, о чем и по какой причине я о том говорить буду.

Я намерен Вам теперь предложить «о деятельной и умозрительной жизни». Ибо, когда монашеская жизнь есть не иное что, как беспрестанное покаяние и поучение в законе Господни день и нощь, то я и почел за полезнейшее всего рассуждать об оных; которые добродетели сколько мы хранить обязаны, столько, напротив того, многие из нас их совсем не знают. Притом и сего, я думаю, пропускать не должно, что у древних за правило принято было, чтобы при начинании каждого дела молиться, особливо ж при отправлении священных и божественных дел сие исполнять повелевает в книге своей «О именах Божиих» Дионисий Ареопагита. Как же мы здесь говорить будем о таинствах священной монашеской жизни, для того сперва, преклонив колена, припадем к Господу и в единомыслии призовем Его с сею молитвою: «Сниди душе святый на нас, верных рабов Твоих, вселися в сердца наши, и светом любви твоея озари я, иже разными глаголы собрал еси языки в единомыслии веры».

И во-первых, приступая к нашему предприятию, т. е. говорить о «деятельной и умозрительной жизни», дабы не подумали вы, что я сие хочу начинать с человеческих изобретений и премудрости сего мира и основываться на непостоянных человеческих мнениях, то я с самого источника жизни, который есть истинный наш живот и свет всех людей, с самого, говорю, распятого Назарянина Иисуса Христа положу начало моему рассуждению. Ибо, когда мы ведаем, что между учениями смертных нет ни одного, которое бы не подвержено было погрешности, так как учение Христово есть всесовершенно, незыблемо, справедливо и не ложно; того ради пусть будут предложением и моего рассуждения сии Евангельские слова: «Вниде Иисус в весь некую; жена же некая, именем Марфа, приять его в дом свой, и сестра ей бе, нарицаемая Мария, яже седши при ногу Иисусову, слышаше слово его. Марфа же молвяше о мнозе службе, ставши же, рече: Господи! небрежеши ли, яко сестра моя едину мя остави служити; рцы убо ей, да ми поможет; отвещав же, Иисус рече ей, Марфо! Марфо! Печетися и молвити о мнозе; едино же есть на потребу, Мария же, благую часть избра, яже не отримимется от нея». В сем святом Евангельском изречении предлагается нам четвероякая жизнь людей; что тем удобнее будет доказано, чем первее всего я вам представлю, что сия весь знаменует мир, а дом значит церковь. И потому жизнь, которую люди провождают в веси, но вне дому, по справедливости назвать можно мирскою, жизнию неверных, и такою, которая чрез покорение плотским, земным и мирским страстям готовит для себя погибель, не приемлет и не признает Христа по слову Иоанна Евангелиста: «В мире бе, и мир тем бысть, и мир его не позна, во своя прииде, и свои его не

прияша»*. Итак, кто желает жить со Христом, тот пусть не обитает в веси, но да идет по следам Христовым в дом Марфы. Ибо живущий в веси не живет со Христом; но о сей жизни больше говорить не дозволяет нам теперешнее наше предприятие. И для того, оставя весь, приступим к самому дому. Дом, как я выше сего сказал, означает церковь, в которой обитают только верующие во Иисуса Христа, т. е. Марфа и Мария, показывающие нам опять двоякую жизнь. Марфа представляет нам деятельную жизнь, т. е. жизнь покаяния и очищения, которая, очищая чрез покаяние душу свою, делает из нее достойную Иисуса Христа гостиницу, и прежде всех приемлет Иисуса Христа. Мария же представляет умозрительную жизнь, жизнь учения, которая, очистив свою душу чрез слышание и приятие слова Божия, преселяется во свет божественные премудрости. Сию-то жизнь сам Христос восприял, ей учил, ее озарил своим светом и оставил навсегда при себе. Того ради рассмотрим мы теперь природу деятельной и умозрительной жизни из слов того же Евангелия. Деятельная жизнь приемлет Христа, а умозрительную он сам приял. Деятельная должна еще удовлетворять за грехи, поелику мы все должники покаяния и грешники, беспрестанно молящиеся: «Остави нам долги наша». Напротив того, умозрительная жизнь есть жизнь свободы, поелику не только свободно избирает всякое благо и не страждет под игом покаяния о своих соделанных беззакониях, но еще по любви к Творцу своему всечасно помышляет о будущем наилучшем своем поведении, говоря из свободной любви: «Я избрала истинную жизнь». Ибо, где находится любовь божественного духа, там и свобода в избрании заповедей Божиих, нет там ни страха наказаний, ни самого наказания; но все производимо бывает по воле. Посему деятельная жизнь есть жизнь рабская, пребывающая во всегдашнем исполнении заповедей, принужденная к умерщвлению своей плоти, как говорит Апостол Павел: «Наказующая тело свое и порабощающая». А умозрительная жизнь есть жизнь сыновняя, по словам того же Апостола: «Не приясте духа работы паки в боязнь; но приясте духа сыноположения». Умозрительная жизнь всегда пребывает в тишине, наслаждается спокойствием, сидит у ног Господних вместе с прочими Апостолами и учениками, слушает слово Божие и подкрепляема бывает его покровительством. Но деятельная жизнь есть непостоянна, возмутительна и колеблющаяся, потому что она не имеет ни от кого никакой помощи. Деятельная жизнь опять разделяется, и есть обуреваема либо мирскими суетами, либо страстьми и похотениями; напротив того, умозрительная жизнь, по распятии плоти, по укрощении страстей и по побеждении искушений и диявола, покоится в душевной тишине, непоколебима и одна в единственной любви ко Иисусу Христу; при том же, она есть так нужна, что без умозрительной деятельная жизнь вовсе не может спасти. Ибо ежели кающий-

---

* Иоан., гл. I, ст. 10.

ся не рассуждает о изящности самой Христианской истины, когда восхищается ее любовию, или ежели она не с тем намерением ненавидит беззаконий, чтобы за оные принесть покаяние, то всуе кается, и никогда в том не успеет. Я говорю здесь о Христианской истине, которая происходит от верования во Иисуса Христа, а не о истине человеческой, которая, какая бы она ни была, всегда подвержена сумнению, кроме того, что умозрительная жизнь есть самая лучшая и некрадомая, поелику и познание Бога и любовь с нею продолжаться будут вовеки; когда, напротив того, деятельная жизнь занимается меньшим, маловременнейшим и оканчивающимся с самою смертию благом, и после оной покаяния иметь не может.

Итак, П. О., вы теперь слышали от меня, под видом некоторого противоречия, Евангельское сравнение жизни деятельной и умозрительной, которые, хотя по взаимному между собою несходству и противными быть кажутся, однако сходствуют и в одну жизнь соединяются во Иисусе Христе наподобие двух оных Моисеевых Херувимов, которые, хотя один на другого с противной стороны смотрят, однако и с отвращенными лицами согласны в умилостивлении Бога. Итак, отсюда происходит четвертый род жизни (понеже мы назвали первую жизнь грешною, а другие две деятельною и умозрительною), жизнь, говорю, совершенная, жизнь примерная, жизнь Иисуса Христа, заключающая в себе обе вышепомянутые, жизнь в смерти, смерть в жизни, действие в умозрении, умозрение в действии; трудящаяся в покое, беспокоящаяся в спокойствии, спокойная в беспокойствии, многоразличная и одна, касающаяся до одного и многого, до большего и меньшего блага, исчезающая в рассуждении труда, но пребывающая и вечная в рассуждении умозрения и столь безопасная, что какой бы она ни коснулась тьмы, никак не помрачается, но всегда пребывает непорочною. Посему она не оскверняется между грешными, но омывает свои грехи между прокаженными, и никак язвою не заражается; очищает проказу, и никакою силою не преломляется; наступает на змеи и скорпии и на всю силу вражию, и ничто ей вредить не может; такая жизнь прилична особливо нам, монахам, умершим миру и святою верою посвятившим себя Иисусу Христу, и торжественно обещавшимся ему строжайше последовать. Монахам, говорю, прилично всегдашним покаянием, чтением, размышлением, поучением и рассматриванием дел Божиих, чистым сердцем, горячайшею любовию и точнейшим подражанием с ним соединившись и совокупившись, уделять несколько времени от размышления о Божием существе, чтобы весть жизнь совершенно примерную, производящую всегдашний плод веры и истины входящих во тьме неведения, и служить им примером в подражании Иисусу Христу. Вот истинная монашеская жизнь, по примеру которой издревле в ветхом завете и до времен Давида, по смерти жреца Илия, Самуил Пророк завел общество, совсем отличное состоянием от прочего народа, как о том видеть можно в Царствах и у Иосифа, первейшего из историков и

древностей писателя. Подобно сему, учинил и Елисей Пророк после взятия на небо Илии: то есть, согласив с собою многих сыновей Пророческих и сделав им, наподобие оставленной ему от Илии милоти, священную одежду, на горе Кармильской вел монашескую жизнь с великою святостию; по нем многие святые Пророки ее провождали до времен Иоанна Крестителя, который также присоединил к себе учеников своих сим же священным союзом. Хотя то, впрочем, сия их вера не была еще истинная, ниже совершенная, но только истинной и совершенной веры тень и некоторое спасительное прообразование в рассуждении имевшего тогда прийти Иисуса Христа, который сам, будучи Господь Бог, начальник истинной веры, призвал по монашескому обряду в Апостолы и ученики непорочнейших, беднейших и послушливейших; и они сами, имея у себя все общим, по сошествии Святого Духа учредили многие монашеские обители, что можно видеть в деяниях Апостольских; а в церковной Истории упоминается о Марке Евангелисте, что и он благоговейнейших своих учеников, в Александрии находившихся, соединил между собою сим же монашеским союзом. Сначала произошла истинная жизнь обоего пола монахов, затворников, пустынников, отшельцев и других премногих благочестивых людей, которые, не будучи подвластны никаким особенным узаконениям, соединясь между собою какими-нибудь обетами, по своей воле удалились от сего мира и пребыли в единомыслии не для чего иного, как только для единодушного последования Иисусу Христу. Потом, когда спустя несколько времени невинная оная простота и благоговейное подражание Иисусу Христу переменилось и монахи начали уже поступать по обыкновению светских, то опять некоторые из них, как-то отцы Венедикт, Бернард, Августин, Василий Великий и многие другие, почитавшие за нужное восстановление истинной монашеской жизни, оную поправили и другие оставили премногие спасительные узаконения, которые касались до нравов и обращения, жизни и одеяния, пищи и поста, отдохновения и труда, молитвы и чтения, молчаливости и речи, общежительства и уединения и тому подобных, как кому за благо рассудилось по мере их просвещения с тем единственно, дабы восстановить как деятельную, так и умозрительную жизнь. Наконец, были из св. отцов и такие, которые, желая обязать своих монахов к наблюдению сих своих установлений Папскою присягою и торжественною клятвою, приводили в доказательство узаконения; отчего произошло в Римской церкви двадцать четыре секты монахов, которые, хотя обыкновениями, обрядами, учреждениями и установлениями различествовали между собою, однако, что касается до древнего оного Апостольского заведения, все были единодушно согласны, а особливо в трех вещах: «нищете, целомудрии и послушании», без которых никто не может быть истинным монахом, поелику они так тесно и естественно с верою сопряжены, что ни сами вероначальники или (как говорят) ни самые Патриархи не могут их от оных отдалить без нарушения и уничто-

жения самого существа монашества. Итак, кто хочет быть монахом, тому необходимо должно клясться и присягать во всегдашнем оных добродетелей наблюдении; понеже на сих трех началах основывается предмет, существенность и конец всей монашеской жизни; и оные добродетели так заключают в себе деятельную, покаянную, умозрительную, самую совершенную и примерную жизни, и их сохраняют, что без сих трех принадлежностей, «без нищеты», говорю, «целомудрия и послушания» ни к которой из вышеписанных приступать не можно; ибо чрез нищету монах от всего удаляется, для всех умирает, от всего отрицается, все презирает и самого себя, истинно кается и достигает истинного грехов попрания, надеясь на одно токмо милосердие и благодать Христову, получает отпущение грехов и венчается от оправдающего правосудия за его терпение и надежду на милосердие Господне несумнительным упованием на Иисуса Христа, которого без нищеты сыскать никто не может, по оному Еклесиаста слову: «Многих погуби злато и сребро, и любящий оные не спасется; горе тем, иже гонятся за оным».

Монах также должен сохранять целомудрие, которое, сколь есть неудобонаблюдаемо, столько, напротив того, очень для него нужно; потому что без него все дела несовершенны, и как Иероним пишет (33 вопр. 5 гл.), оно сохраняет любовь и заставляет человека презирать свое поврежденное естество; а в покаянии так терпеливо и непоколебимо, что лучше снесет все бедствия, нежели согласится на какое-нибудь зло, как то признает Августин (32 вопр. 5 гл.).

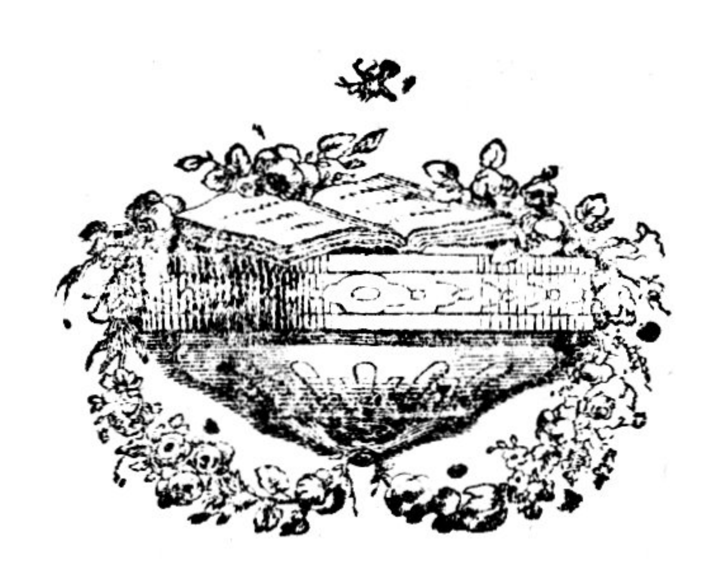
Монах, наконец, должен быть послушливым, ибо послушание есть всему начало, и без него никакое добро быть не может; оно заслуживает воздаяние за веру, и без оного все правоверные неверными почитаются, как упоминает Григорий (8 вопр.), ибо нищета сопряжена с надеждою, целомудрие с любовию, а послушание с верою. Следовательно, блаженна временная нищета в надежде вечности, поелику ее богатство есть царство небесное; а послушание блаженно по вере во Иисуса Христа , поелику все его дела суть добрые. Сие сказано только о деятельной жизни; что же сии три добродетели нужны также и в умозрительной жизни, сие докажу я в следующем. И во-первых, когда нищета есть победительница всего мира, когда она дух наш предохраняет от великого множества различных похотений и страстей, освобождает наконец от всякого житейского попечения и делает нас ни к чему не привязанными, ничего не ищущими, ничего не желающими, ничего не чающими, кроме определенного провидением Божиим: то нет сумнения, что она великую силу и важность имеет в умозрительстве, поелику душа наша, духовною нищетою от всего противного и вредного очищенная, участницею бывает божественных вдохновений, получает Божию премудрость и дух пророчества. Что же касается до целомудрия, оно, умертвивши плоть и преодолевши слабость человеческого естества, благоговей-

но почитает Бога и, возлюбивши превосходнейшею тела своего частию, то есть, разумною душою, высочайшее существо, делает ее храмом всегдашнего Божия присутствия и других духов, в ней всегда во всяком благополучии и премудрости участвующих. Послушание же, напротив того, как оно со всем своим почитанием и преданностию много способствует рассуждению о Боге, заставив душу нашу более верить, нежели полагаться на чувства, прогоняет диявола и открывает нам все то, чего мы прежде не понимали.

Итак, желающие достигнуть монашеского совершенства в деятельной и умозрительной жизни, оградившись твердою верою, несомненною надеждою и горячайшею любовию, должны быть послушными, целомудренными, любить нищету и так победить диявола, мир и плоть, чтобы всегда исполнять монашеские уставы, презирать все мирские суеты и ни в какие плотские страсти и искушения не вдаваться. Ибо сии одни только добродетели могут сделать истинным монахом; следственно, оные всякому монаху наблюдать непременно должно. Ежели же кто из монахов их не исполняет, тот пусть знает, что он погибнет, как изменивший Христу и церкви, как преступивший монашеский обет, как не соответствующий своему имени и одеянию, которое он сам на себя принял; и пусть ведает, что он не только не может называться монахом, но еще вечной подлежит казни и есть раб материи.

Вот, почт.<енные> от.<цы>, что я мог кратчайшим образом вам представить из Евангельской истины о деятельной и умозрительной жизни. Сверх того, также я упомянул, каким образом из соединения обоих сих родов жизни произошла наша монашеская, в которой будучи, многие святые отцы многие оставили нам уставы, отчасти для уединения, отчасти ж для восстановления оные, нужные, спасительные и такие, которые относятся к трем существенным правилам монашеской жизни, чрез которые каждая, и деятельная и умозрительная жизнь, поправ плоть, мир и диявола, взаимно между собою соединяются в некоторую совершенную жизнь, монашескою называемую; однако, не думайте, чтобы я мог вам объяснить все их предания и учения, поелику сие мое рассуждение не к тому клонилось, чтобы мне вас, которые сие гораздо лучше и обстоятельнее меня знаете, и на самом деле без упущения исполняете, для моего единственно тщеславия наставлять; но я хотел только вкратце и по поверхности напомянуть, чтобы вы из сего в немногих словах состоящего рассуждения по своему благоразумию могли выводить другие важнейшие следствия. Итак, наконец, ежели все сие, что я ни говорил, справедливо и всем нравится, то я сию похвалу не мне, но вам приписываю; ибо вы мне о сем предмете рассуждать и притом справедливо говорить дозволили; следственно, мне и вам должно принесть благодарение Всемогущему Богу, как Источнику всех благ. Или, ежели я по слабости человеческой несовершенно доказал и не красноречиво истолковал вышесказанное, то и в сем случае вы равномерно со мною долж-

ны молить всесильного Бога, чтоб Он для изъяснения столь высоких вещей , требующих высочайшего понятия, даровал нам мною доказанную «жизнь», познание и красноречие.

О БЛАГОРОДСТВЕ

И

ПРЕИМУЩЕСТВЕ ЖЕНСКОГО ПОЛА

О БЛАГОРОДСТВѢ

И

ПРЕИМУЩЕСТВѢ ЖЕНСКАГО ПОЛА.

Сія книга переведена въ Москвѣ подъ руководствомъ Московскаго Архангельскаго собора протоіерея Петра Алексѣева.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
иждивеніемъ Императорской Академіи
Наукъ 1784 года.

Преблагий и всемогущий Бог, Творец мужеского и женского пола с благотворным их плодородием, сотворил человека себе подобного, как мужа, так и жену. Различие же пола состоит не в чем ином, как в несходстве телесного членов расположения, которого детородство необходимо требовало; в прочем, такую же душу разумную и совершенно подобную вселил не только в мужа, но и в жену, по которой ни малого не обретается различия в поле. Таковой же жена, как и муж, имеет смысл, разум и речь, к той же стремится цели блаженства, где не будет никакого различия пола. Ибо по силе истины Евангельской, воскресшие в собственном поле должностей пола отправлять не будут, но обещается всем Ангелов подобие. И, так как никакого по сущности души между мужем и женою одного пред другим преимущества, но в обоих равного достоинства врожденно свободное произволение. Что же принадлежит до прочего, кроме сущности души в человеке, в том женский знаменитый род превосходит суровых мущин бесконечно. Истина сия тем бессумнительнее покажется, когда оная (в чем состоит и намерение наше) невымышленными и украшенными словами, ниже логическими хитросплетенными речениями, коими многие Софисты других уловлять обыкли, но сколько свидетельством превосходных писателей, истинными повествованиями и ясными доводами, не меньше священным писанием и обоего права узаконениями доказана будет. Итак, во-первых, чтоб приступить к самому делу, жена тем превосходнее мужа, чем превосходнее оного получила *имя*. Ибо Адам значит *землю*, напротив того, Евва *жизнь* знаменует. Чего ради, сколько самая жизнь земли превосходнее, столько жена должна быть предпочтена мужу. Но не почел бы кто слабым сие доказательством, чтоб из имен заключать о вещах самых. Особливо знаем мы, что вышний Творец вещей и наименователь оных познал прежде вещи, нежели именовал оные, которой как наималейшей не мог учинить погрешности, то такие имена дал оным, которые бы естество, свойства и употребление вещей изображали. Ибо первоначальных имен есть такая истина, как утверждают то и римские законы, что оные совершенно с самыми вещьми сходствуют и весьма ясно означают оные. И потому производимые из имен доказательства как у Богословов, так и Юрисконсультов почитаются за весьма важные, как от Навале написано: по имени своему есть *безумен* и безумие есть с ним. Отсюда Павел в послании ко Евреям, показывая Христово преимущество, употребляет таковое доказательство: *Толико лучший есть Ангел, елико преславнее их наследовал имя.* И, инде: *даде ему имя, еже паче всякого имени; да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних.* К сему, немалая сила обеих прав заключается в обязательствах слов, их знаменованиях, условиях и доказательствах, в условиях приданных, также им подобных прениях и в заглавиях

Доказательство превосходства от имени.

прав, как в них самих и им подобных обеих прав титулах видеть можно. Ибо таким образом в правах убеждаем мы истолкованием имени, силою слова и названия; сверх сего, производством слова, смыслом имени и слов порядком. Особливо, что самые права прилежно наблюдают имен знаменования, чтоб из них что вывесть. И Киприан против Иудей доказывает, что первый человек получил имя от четырех стран света, то есть: *ἀνατολή, δύσις, ἄρκτος, μεσημβρία,* которые значат: *Восток, Запад, Север и Юг.* Подобно в той же книге толкует тоже имя Адам, понеже земля плоть бысть: хотя таковое изложение не сходствует с преданием Моисеевым, потому что у Евреев сие имя не четырьмя, но тремя буквами изображается. Однако таковое изложение в сем святом муже порицать не должно, который не знал Еврейского языка, коего многие и другие святые мужи и священного писания истолкователи извинительно не знали. Ежели мне не позволено будет подобным образом по мнению моему в честь женского пола имени Еввы сходственное вывесть производство, по крайней мере хотя одно сказать невозбранено б было, взятое из Кабалистических таинственных знаков. Самое имя *жены,* по колику есть четвереписанное, больше сходства имеет с неизреченным (неизреченное имя Божие Иеговаг по-Еврейски, вместо которого Иудеи выговаривают *Адонаи*) именем всемогущего Бога; напротив того, мужеское имя к оному же ни знаками, ни изображением, ни числом не подходит. Но здесь мы остановимся. Ибо довольно, что хотя мало показали, а еще меньше знать дали о том, что требует пространнейшего описания, нежели здесь вместить можно. Между тем, превосходность жены не от одного имени, но и от самых вещей, должностей и заслуг исследовать будем. Итак, испытаем писания, как говорится, и от самого начала сотворения начнем, сколько преимущества жена в первом порядке творения пред мужем получила. Каждому известно, что все сотворенные всеблагим и всемогущим Богом существа тем наипаче различествуют, что некоторые из них неразрушимы пребывают вечно, а некоторые разрушению и переменам подвержены, и в творении сих Бог поступал таковым порядком, что от одного превосходного дела начиная, преставал на другом превосходнейшем. Итак, во-первых, Бог сотворил бесплотных Ангелов, а потому и нетленных, и человеческие души. Ибо там Августин мнит, что душа первого человека прежде произведения тела сотворена с Ангелами купно. Потом сотворил неразрушимые тела, как то небеса, звезды и стихии, говорю, неразрушимые, впрочем, разным переменам подлежащие, из которых все прочие, разрушению подверженные, создал, от низших по степеням достоинства восходя обратно к совершению всего света. Отсюда, во-первых, произошли минералы, потом растущие, то есть древа и былия, наконец, животные, то есть звери пресмыкающиеся, плавающие, летающие и четвероногие; последи же сотворил подобных себе двух человек, мужа, говорю, прежде, а потом жену, в которой приведены к окончанию созданием небеса, земля и все ее украше-

От порядка творения.

ния, ибо Творец, создав жену, опочил от дел творения, и в ней совершилась вся премудрость и власть создателя, сверх которой не находится более твари, ниже выдумана быть может. Итак, понеже жена есть последнее из сотворенных, конец и дополнение всех дел Божиих и совершение всего света, то кто поспорит, чтоб она не была превосходнейшая всех тварей, без которой свет, будучи уже совершен конечно и во всем достаточен, остался бы несовершенным, каковым он не инако мог учиниться, как в твари далеко всех совершеннейшей. Ибо несогласно с разумом и думать противно, чтоб Бог хотел совершить такое и толикое дело некоторым несовершенным. Особливо, когда свет сам по себе, как всецелый и совершеннейший круг от Бога создан, то надобно было ему такою частицею приведену быть ко окончанию, которая бы из всех первое с последним неразделимым некоторым союзом в себе соединяла. Так жена в сотворении света по времени между всеми тварьми была последняя, но она же с превосходством и достоинством во самом божеском расположении была и первая, как о ней писано чрез пророка, прежде, нежели небеса создана быша, избра ю Бог, и предизбра ю. И потому есть общее философов мнение, что конец в намерении есть всегда первой, но в произведении последней; жена же была последнее дело Божие, введена от него в свет, как царица в чертоги, ей предуготованные, украшенные и во всем совершенные, и так по достоинству ее вся тварь любит, почитает и наблюдает, и по достоинству ей вся тварь подвергается и повинуется, которая всех тварей есть владычица, также конец, совершение и слава совершенная. Почему о ней Соломон говорит: высоту рода ея прославляет имеяй сообщество в Богом, но и всех господь возлюби ю.

От места.

Ибо сколько в рассуждении места, на котором жена сотворена, преимуществом рода превышает мужа, священное писание весьма достаточно свидетельствует, когда объявляет, что жена в раю, превосходнейшем и наипрекраснейшем сотворена месте; напротив того, муж вне оного на простом поле с животными и зверьми вместе, а потом уже для созданной жены в рай введен был. Почему жена особенным естества даром, как бы приобыкши к высочайшему сотворения своего месту, с высоты вниз смотря, не чувствует ни малой робости и происходящей от того перемены, ниже слабеет зрак ее, как делается с мущинами; кроме того, когда случится тонуть женщине вместе с мущиною, не имея уже ни малой посторонней помощи, она больше бывает на поверхности воды, а мущина опускается ко дну скорее. Что же преимущество места много дает преимущества человеку, гражданские законы и священное писание ясно утверждает; не меньше также обыкновенно у всех народов наблюдается, что не только люди, но некоторые животные и самые вещи, чем которые из знатнейшего происходят места, тем изящнейшими почитаются, вследствие чего Исаак запретил сыну своему Иакову брать жену из земли Ханаанской, но из Месопотамии в Сирии с лучшим состоянием. Подобно читаем у Иоанна, когда Филипп говорит: *обретохом*

Иисуса сына Иосифова, иже от Назарета. Отвеща ему Нафанаил: *от Назарета может ли что добро быти*. Теперь к другому поступим, превосходит жена мужа веществом творения, потому что она не из неоживотворенной некоей и простой сотворена земли, как муж, но из материи очищенной, оживленной и одушевленной; души, говорю, разумной, участвующей божественного смысла. К сему следует, что муж из земли, которая по своему естеству всех родов животных производит, содействующей небесной силе, создан от Бога; жена же выше небесного в течении и естества способносте без всякой содействующей силы сотворена единственно от Бога, во всем о себе сведуща, цела и совершенна; а муж, с своей стороны, чувствует недостаток в лишении ребра, из которого жена соделана, когда Адам погружен был глубоким сном, так что не чувствовал, что оное из него взято было Богом и жене дано. Вследствие сего, муж есть естества дело, а жена единственно Божие. И потому жена Божеского сияния в себе показывает более мужа, и всегда исполнена оного бывает, что и доселе ясно видеть можно в чистоте ее и красоте удивительной. Ибо самая красота есть не что иное, как Божеского лица и света сияние, вещам дарованное и блистающее в телах прекрасных. Оное всемерно обитает и наполняет более жен, нежели мужей. Отсюда женское тело как по взору, так и по осязанию есть наинежнейшее, цвет блистательный и белый, кожа тончайшая и прозрачная, голова стройная, кудри прекрасные, волосы мягкие, светлеющиеся и длинные, взор милый и взгляд веселый, лице всего прекраснее, шея белизною молоку подобная, лоб порядочный и пространный, глаза имеет пленяющие и сияющие, в которых усмотреть можно любезную веселость, с благосклонностию соединенную, выше их брови, представляющие два тонких полукруга, а при том с приличною плоскостию и пристойным расстоянием разделенные, от средины которых начинается нос, ровный и порядочный; под оным уста, блестящие и нежными губами украшенные, между которыми в случае приятного смеха сверкают зубы, маленькие и ровные, слоновой кости подобные, коих у женщин обыкновенно бывает числом меньше, нежели у мущин, почему первые не столько проестливы и грызливы; вкруг скулы возвышенные и щеки нежной мягкости, розового цвета, наполненные стыдливости, и округлый подбородок с пристойною впадиною. Под оным шея тончавая, из плеч возвышающаяся, горло нежное и белеющееся, толстоты посредственной, голос и речь приятнейшая, грудь пространная и высокая, облеченная телом равной крепости, как и сосцы, чрево как сии круглое, бока мягкие, спину ровную и возвышенную местами, концы у рук и ног округлые и все члены, наполненные соком, к сему шаг и походка скромная, движение приличное, помавания пристойные, сверх того всего тела расположением, стройностию и способностию во всем надмеру жива и казиста, и из всех тварей нет ни одного толь удивительного предмета, ниже чуда, столько зрение привлекающего, так что разве слепой один

От вещества.

Что пред мужем жена от Бога получила.

видеть не может, что Бог все, что только свет имеет в себе прелестного, соединив, снабдил жену изобильно, дабы для того ей вся тварь удивлялася, любила и почитала до того, что, как самим происходило делом, бесплотные духи к некоторым женам жестокою любовию пылали, которое мнение не ложно, но многим искусством утверждается; я то оставляю, что стихотворцы о любовных обращениях Богов с их любовницами нам сообщают, как то Аполлона и Дафны, Нептуна <и> Салмонеи, Геркулеса <и> Ибы, Эола <и> Олифалы и прочих Богов любовницах и самого Иовиша весьма многих, а представлю то, что сей божественной красоты дар, богам и человекам любезный, священное писание в женах пред прочими вышними дарованиями на многих местах торжественно похваляет, откуда в Бытиях читаем, что, видя сыны Божии дщери человеческие прекрасные, избрали от них жен себе по своему изволению. Чтем там и о Сарре, жене Авраамовой, которая была красна от всех жен земных, или лучше прекрасная. Подобно, раб Авраамов, как узрел Ревекку, что она была девица красоты превосходной, сказал сам в себе: сия есть, юже уготова Бог сыну Авраамову Исааку; и Авигея, жена Навала, мужа скверного, была благоразумна и добросерда, равно как и прекрасна, почему соблюла она и жизнь и имение мужа своего от ярости Давидовой, и злой муж помощию жены прекрасной спасся. Ибо сими словами ей говорил Давид: иди с миром в дом твой, се услышах глас твой, и почтих лице твое; особливо, как красота есть или душевная, или словесная, или телесная, то Авигея вся была прекрасна, и благоразумием духа, сладкоречием и пригожством тела, почему она, овдовевши, сделалася едина от жен Давидовых. И Вирсавия была весьма прекрасна, так что Давид, в нее влюбяся, по смерти ее мужа удостоив ее быть своею женою, почтил ее пред прочиими Царским достоинством. III Reg. I. v. 5. Так Ависага Сумантяныня, что она была девица прекраснейшая, избрана была для того, чтоб в престарелом уже Давиде теплоту восставить, чего ради Давид, стар уже будучи, имел ее в великом почтении, и по смерти его за сильную Царицу она была почитаема. Сюда ж принадлежит, что мы читаем о удивительной красоте Царицы Васти, также о Эсфире, которая ей предпочтена, и была ее превосходнее красотою и лепотою лица своего. Иудифину красоту умножил Господь до того, что смотрящие на нее от удивления в восторг приходили; наконец о Сусанне, которая была, как довольно известно, нежна и лицем прекрасна. То же усматривая мы, когда читаем, что Иову, по разных его искушениях и несчастиях, кроме прочего, что он примерным своим заслужил терпением, даровал Господь трех дщерей наипрекраснейших, которых красивее по всей земли ни одна из жен не обрелася. Пройдем наконец святых дев истории; конечно, удивимся, сколь превосходной красоты от всех дщерей человеческих православная церковь, торжественно восхваляя оных, быть описует. Прежде же всех начальницу пренепорочную Богородицу Деву Марию, которые красоте солнце и луна удивляются, и от

коея пресветлого лица толикая совокупно воссияла лепоты чистота и святость, что хотя всех зрение и мысли пленяла, при всем том никто и никогда из смертных ее прелестьми ниже малейше в мысли поползнулся. Впрочем, о сем пространнее объявляется в священной Библии, где во многих местах о красоте упоминается, о чем и я точными почти объявил словами для того, чтоб мы ясно разумели, что красота жен не только от человека, но и от Бога почтена много; равномерно и инде мы в священном писании находим, что Бог заповедал убивать всяк пол мужеской и детей не исключая, а повелел сохранить одних жен прекрасных, и во Второзаконии позволяет сынам Израилевым избирать из дев пленных лепых в жены себе. Кроме красоты удивительной, жена снабдена некоторым достоинством благопристойности, которого в мущинах случается мало. Сама натура более в жен, нежели в мужей, стыдливости вселила. Чего ради весьма часто случается, что из женского пола имеющие болезнь внутри или поблизости детородного уда, охотнее некоторые смерть себе избирают, нежели позволяют смотреть, касаться и лечить врачам оной. Сию же честь стыдливости и доселе, умирая, и умерши сохраняют, как то видеть наипаче можно, которые в водах погибают; ибо свидетельствует Плиний и самое искусство, что жена утопшая всегда ниц сверх воды плавает, как бы натура и по смерти соблюдала их стыдливость. Напротив того, мущины вверх лицем и навзничь. К сему и то, что превосходнейший член человека, коим мы наипаче разнствуем от животных и за Божеское естество почитаем, то есть голова, и во оной лице особливо; голова у мущин безвласием обезображается; напротив того, женщины, к великому преимуществу природы, не бывают безвласны; лице у мущин ненавистною для них самих бородою и гнусными волосами бывает закрыто, так что от зверей едва различить их иногда можно; у женского же пола всегда бывает лице чистое и пристойное. Отсюда законом XII таблиц запрещено женщинам на щеках брить волосы, чтоб со временем борода не выросла, и стыдливость не была б закрыта. Чистоты из всех сие ясным доказательством служить может, что женщина, однажды омывшись чисто, сколько после ни окачивается, вода никакой уже в себе мутности не имеет, муж же, сколько б вымыт ни был, обыкновенно мутная и нечистая вода с него стекает. К тому ж, по распределению естества у женщин каждой месяц излишняя кровь сама собою неведомо другим выходит; напротив того, у мущин в лицо, наружную часть тела, выступает. Кроме того, как из всех животных одному только человеку дано смотреть вверх на небо, то естество и фортуна и в сем удивительное попечение о женском поле имела, и сделала, что ежели по случаю или неосторожности женщине упасть надобно, то она обыкновенно на зад падает или на спину, а никогда лицем и головою не бьется*. При том не видим ли мы, что и в

* Сие отдать автору на веру.

произведении человеческого рода естество пред мужами жен предпочтило. Сие особливо из того явствует, что одно женское семя, по свидетельству Галена и Авиценны, есть вещество плода и пища; но в мужчине совсем находим иное: ибо семя оного, подобно как некоторое случайное, входит в сущность. Откуда, гласит закон, есть весьма важный и отменный долг жен зачинать и соблюдать зачатое, почему и видим, что из рождающихся весьма многие на матерей походят, потому что они произошли от их крови. Сие сходство особливо примечаем мы в составе тела, и всегда уже в обычаях, ибо если матери глупы, то и дети; ежели же матери будут разумны, то и дети таковы ж бывают; но в рассуждении отцов совсем противное выходит, которые ежели сами будут премудры, то родят детей глупых, а глупые отцы детей премудрых производят, только б мать была разумна; не иная тому причина, для чего матери более, нежели отцы, детей любят, как, что оные более своего в них чувствуют и находят, нежели отцы. По той же причине, как думаю, взаимно и в нас всеяно, что мы горячее к матерям, нежели ко отцам бываем, так что кажется, мы ко отцу некоторое только чувствование и склонность, а к матерям всю любовь имеем. Почему и естество матерям дало молоко такой силы, что оным не толико питаются младенцы, но и немощные восставляются, и некоторых взрослых оно иногда жизнь сохраняет. Сего опыт находим в Валерии на некоторой бедной молодой женке, питавшей мать свою молоком собственным, в заключении бывшую, которая бы в противном случае умереть должна была с голоду. За таковое ее горящее усердие жизнь возвращена матери, и обеим храм набожности посвящен был. То же повествуется о другой дочери, которая отца своего престарелого и заключенного, аки младенца, сосцами своими кормила (*Валер. Макс. Кн.* 5 *гла. 4*). Известно же и всем, что почти всегда женщины имеют более сердоболия и жалости, нежели мущины, что и сам Аристотель как собственное отдает женскому полу. Для того, думаю, сказал и Соломон: где нет жены, воздыхает болящий; или, что женщины в услужении и соприсутствии немощным больше имеют ревности и охоты, или, что молоко женское особливо больным, слабым, и при смерти уже находящимся действительным служит лекарством к возвращению жизни. Откуда, как медики объявляют, теплота их сосцов, если оные к груди мущины весьма уже престарелого приложены будут, теплоту жизненную возбуждает, умножает и соблюдает. Что без сумнения и Давид ведал, который, избрав себе Ависагу Сумантяныню, от объятий ее, будучи уже стар, теплоту в себе почувствовал. Наконец, женский пол и тем способнее к той священной рождения должности (сколько всем известно) почитается, что оный десяти лет иногда может выходить замуж, а мужеск пол женится позже. Сверх того, одна женщина из всех плодящихся тварей, обрюхатев и родив, вскоре после родов опять к тому ж бывает расположена; ибо сосудец (именуемый маткою) столько способен к зачатию, что иногда женщины и без соития зачинали,

как повествуют о том естествословцы*. К сему следует и то естества чудо, что беременная женщина, имеющая прихоти, безвредно питается сырым еством, нередко угольем, землею, камнем; также металлы, яд и прочее тому подобное без всякого вреда варит в желудке и превращает в здравую пищу тела. Какие сверх сих еще производит естество чудеса в женском поле, никто удивляться не будет, если кто читал медические и философические книги, из которых один пример здесь представим: в месячной ток крови от лихорадки, от страха воды, падучей болезни, проказы, меланхолических припадков, сумасшествия и многих других жестоких болезней освобождает, и иные премногие не меньше удивительные действия производит; а между прочим, пожар угашает, погоду утишает, волны укрощает, вред отгоняет и бесов прогоняет. О прочих действиях я уже говорить оставляю. Одно то придам вместо прибавления, что в женщинах, по преданиям философов и медиков, наблюдениями утвержденным, находится особенный дар божественный, удивления достойный, по которому они сами собою во всех родах болезней собственным своим пользуются лекарсгвом с желаемым успехом, не употребляя никакого другого внешнего средства. Но что из всех удивительных есть удивительнее, что жена сама собою, без мужа, плод произвести может, чего не дано мужу. Сие самое у Турок или магометан весьма известно, что многие зачинали без мужеского семени, каковых детей они на своем языке *Нефесогли* называют. Повествуется также о островах некоторых, на которых обитающие женщины зачинают от ветра, чего, однако ж, мы не утверждаем; ибо одна пресвятая Дева Мария, одна, говорю, она без мужа зачала Христа и родила сына от своей собственной сущности и естественного плодородия. Ибо преблаженная Дева Мария есть истинная и естественная Христова матерь, и сам Христос истинный и естественный по колику человек, паки естественный сын Девы, понеже самая Дева не была тлению естества подвержена; чего ради она ни родила в болезнях, ниже под властию мужа состояла; такое ее от предварительного благословения плодородие, что для зачатия не имела нужды в мужеском семени. Между же зверьми и животными известно, что некоторые самки родят без самцов, как то вороны, как из истории Ориген предает против Фавста. А при том и древность нам сообщает, что кобылицы от дыхания зефира единственно зачинали, о чем так стихи гласят.

На высоких утесах гор стоят, обратясь рылом к зефиру, приемлют тонкий воздух и часто без всякого схождения бывают жеребны; что уже скажу о словесности, том божественном даре, которою одною человек разнствует наипаче от прочих животных и которую Трисмегист Меркурий равно ценит с бессмертием, и Исиод наивящим человеческим сокровищем называет. Не достаточнее ли в речах женщина мущины, не свободнее ли и изо-

---

* Если только не суесловцы.

бильнее. Не все ли люди от матерей и кормилиц говорить учатся? Поистине, само естество, премудро в сем печася о человеческом роде, сим даром женский пол одарило, так что едва где немую женщину найти можно. По справедливости приятно и похвально в том превосходит пол мужеской, чем оный превосходит прочих животных.

От благочестия.

Но от светских преданий к священному писанию обратимся, и от самых благочестия начнем источников. Во-первых, знаем мы без сумнения, что ради жены благословил Бог мужа, которого он, как недостойный, не заслуживал, доколь жена не сотворена была. С чем согласует оная Соломонова притча: *Кто обрящет жену благую, благое обретает, и почерпает благословение от Бога*. Также оное Экклезиатство: *Жены благой блажен жуж, число лет их сугубо*. И никакой человек не может в достоинстве с тем сравниться, который удостоился иметь жену добрую. Ибо, как говорит Экклезиаст, благая жена есть благодать возблагодать. Откуда Соломон в притчах называет ее *венцом мужа*, а Павел *славою*. Определяется же слава обыкновенно дополнением и совершенством вещи, покоящейся и довольствующейся собою, то есть, когда вещи ничего более придано быть не может, чтоб служило к приумножению ее совершенства. Вследствие чего жена есть дополнение, совершенство, благополучие, благословение и слава мужа: также, как Августин говорит, первое человеческого рода в сей жизни общество. Чего ради должно ее любить всякому человеку, а если кто ее не любит, или еще ненавидит, тот чужд есть добродетелей и благостей, тем наипаче человечества. Сюда некоторым образом относятся оные Кабалистическия таинства, что Авраам получил благословение чрез жену свою Сарру, отнятием от имени жены последней литеры h[1] и приданием имени мужа, и назван Абрагам. Также, что Иаков снискал благословение посредством жены, то есть матери своей. Много такого находится в священном писании, но мы здесь всего исследовать не будем. Итак, благословение дано ради жены, а закон для мужа; закон, говорю, гнева и проклятия. Ибо мужу запрещен был плод от древа, а не жене, которая еще и не сотворена была. Ее Бог от начала создал свободною, почему муж согрешил падением, а не жена; муж навлек смерть, а не жена, и мы все согрешили в Адаме, а не Еве, и первородному греху не по матери-жене, но по отце-муже подлежим. Вследствие чего по ветхому закону повелевается обрезывать всяк пол мужеской, а не женский, в знак того, что первородный грех в том поле должен быть наказуем, который согрешил. Сверх того, Бог и не винил жену за то, что она вкусила, но за то только, что она подала к тому случай и то неумышленно, потому что она сама искушена была от диавола, чего ради муж согрешил, ведая, а она согрешила в неведении и будучи обманута. Ибо ее прежде принял намерение искусить и диавол, зная, что она из всех тварей была пре-

[1] Прежде Sarah, Abraam, потом Sara, Abraham.

восходнейшая, и как Бернард говорит: видя диавол удивительную красоту ее и ведая, что она была такова, каковую прежде познал в Боге, и которая пред всеми Ангелами удостоена была разговаривать с Богом, устремил зависть свою на нее единственно за ее преимущество. Почему Христос, будучи на земли, имел на себе образ смиреннейший, дабы своим смирением упразднить гордость греха первородного: восприял пол мужеской простейший, а не женский, высочайший и благороднейший. Кроме того, понеже мы подверглися наказанию за преступление мужа, а не жены, благоволил Бог, чтоб, в котором воспоследовал грех поле, в нем же было и избавление, а который по неведению обманут, чрез оный бы последовало отмщение. Почему змию сказано, понеже жена или, как читается, понеже *семя жены сотрет главу его*, а не муж и не семя мужеское. И отсюда думать можно, для чего чин священнический церковию поручен мущинам, а не женщинам. Потому что всякий священник Христа представляет, а Христос первого человека-грешника, то есть самого Адама. Из сего уже разумеется то правило, которое начинается: сей образ (говоря о жене) не по образу Божию создан, то есть не по телесному подобию Христову. Однако не благоволил Бог сам, говорю, Христос, быть Сыном мужа, но жены, которую почтил столько, что от единые жены плоть восприял: ибо по жене Христос назван сыном человеческим, а не по мужу. Сему самому великому чудеси веьми удивляяся, пророк возглашает: понеже жена облеже мужа, то есть, когда пол употребляется от девы, и Христа носит во плоти. Также и по воскресении своем Христос первее женам явился, а не мужам. Не меньше известно, что по смерти Христовой некоторые из мужей отступили от веры; но нигде не находим, чтоб жены когда от веры и благочестия Христианского отступили. Наконец, никакого гонения веры, никакой Ереси, никакого заблуждения в благочествии от жен не происходило, а от мужей обыкновенно Христос предан, продан, куплен, обвинен, осужден, пострадал, пригвожден, наконец предан смерти, от мужей, но что вяще, самый Петр его отрекся, а прочие все ученики оставили; напротив того, жены до креста и до самого гроба ему споследовали. Самая жена Пилатова, будучи впрочем в язычестве, старалась более соблюсти Иисуса, нежели каждый из тех мужей, которые ему веровали. К сему, что все почти множество богословов утвеждает, церковь в то время не более как у одной жены, разумей Деву Марию, пребывала, почему праведно называется пол женский благочестивым и священным. Ежели же кто с Аристотелем скажет, что во всех родах животных мужеской пол бывает крепче, смышленнее и лучше, такому ответствует далеко превосходнейший учитель Павел, говоря: *Буяя мира избра Бог, да премудрыя посрамит, и немощная избра Бог, да посрамит крепкая, и databodная мира и уничиженная избра Бог и несущая да сущая упразднит.* Ибо кто бы имел в себе когда из мужей более от естества дарований, как Адам, но жена и того умалила; кто сильнее Самсона? но жена его крепость

одолела; кто непорочнее Лота? жена привела его к кровосмешению; кто благочестивее Давида? однако жена и его святость поколебала; кто премудрее Соломона? жена его обманула; кто терпеливее Иова, которого диавол лишил всего имения, погубил семейство и сыновей, и самого болезнию и язвами тело его исполнил, однако от прежнего праводушия и твердости не мог привести к негодованию, жена то учинила, и тем превзошла самого диавола, которая его до злословия раздражила. Ежели только можно в сем случае привести в сравнение самого Христа, которого нет ничего сильнее, ничего премудрее, когда он есть предвечная Божия Премудрость и сила; не попустил ли и он некогда победить себя жене Хананейской, как сам говорит: *Не добро отъяти хлеба чадам и поврещи псам*. Она ему ответствовала, напротив: *Господи! ибо и пси ядят от крупиц падающих от трапезы господей своих*. Видя же Христос, что сим доказательством убедить ее не мог, он благословил ю, глаголя: *Буди тебе, якоже хощеши*. Кто ревностнее в вере первого от Апостол Петра? жена сего великого церкви пастыря довела к тому, что он Христа отрекся. Пусть говорят Канонисты как хотят, что церковь их обмануться не может, однако Папа-женщина изрядным обманом им противное доказала. Впрочем, может быть, кто скажет, что все сие более в поношение жен служит, нежели в похвалу, которому женщины такой ответ дать могут: ежели кому из нас надобно будет в случае потерять или жизнь, или имение, то я лучше хочу тебя погубить, нежели сама от тебя погибнуть. Примером в сем случае служит нам Нонентий III, Папа римский, который в некотором своем письме к Кардиналу Легату Римского престола так изъяснился: ежели надобно будет мне или тебе прийти в замешательство, изберу я тебя лучше в оное. Кроме того, живущим женам в гражданстве позволяется сохранять себя с других утратою. И в самом священном писании не часто ли благословляется и похваляется злодейство жен, нежели муж благотворят. Не похваляется ли Рахель за то, что она отца своего, ищущего идолов, изрядною выдумкою обманула. Также Ревекка, что понеже Иаков обманом получил благословение отца своего, то поступал после осторожнее, уклонялся гнева брата своего. Раав-блудница обманула тех, которые посланы были от Иисуса Навина для разведывания, и вменися ей в правду. Изыде и Иаиль в сретение Сисаре и рече ему: вниди ко мне, господи, и просящу ему воды, даде млеко из сосуда пити; спящу же Сисаре, вошед тайно, удари его палицею во главу, и уби оного, который поручил себя ее верности в сохранение, и за сие великое вероломство благословенна, говорит писание, в женах Иаиль, и да благословится в жилище своем. Прочтите историю Юдифи и приметьте слова ее к Олоферну: приими, говорит, глаголы рабы твоей; егда убо сим последуеши, совершит тя Господь, пришед возвещу ти вся, и проведу тя в среду Иерусалима, и имети будеши весь народ Иизраиля, яко овцы без пастыря, и не возлает на тя ни един пес яко сия ми глаголана чрез провидение Бога. И сими ласкательствами усы-

пив Олоферна, и ударив мечом в выю, усече ему главу. Какой совет сего беззаконнее, какие жесточе сети, какое хитростнее предательство выдумано быть может. Однако за сие священное писание ее благословляет и превозносит, и злодейство ее почтено больше, нежели муж благотворящ. Не хорошо ли, по-видимому, делал Каин, принося плоды первые и самые лучшие; но за то самое отвержен от Бога. Исав не хорошо ли делал, когда от истинного повиновения ловил зверей в пищу престарелому отцу своему, между тем, обманут в благословении, и ненавидим был от Бога; Озия, что от ревности к благочестию наклоняющийся и почти упадающий поддержал ковчег завета, нечаянною поражен смертию; царь Саул, когда готовил тучнейшие из Амалепиидских приношения в жертву Богу, лишен царства, а при том предан злому духу. Извиняются в кровосмешении со отцом дочери Лотовы, но отец не извиняется, который то сделал в пьянстве, и потомки его изгоняются из церкви Божией. Извиняется кровосмесившаяся Фамар, и почитается праведнее Патриарха Иуды, и хитростным кровосмешением заслуживает продолжение рода спасителя. Подите, приступите теперь, мужи крепкие и сильные, вы, люди ученые и лаврами увенчанные схоластические главы, и толикими же примерами противное сему мнение докажите, то есть, что лучше злодеяние мужа, нежели жена благотворящая. Поистине, не возможете защитить оного, разве прибегнете к аллегориям; но и тогда равная жены с мужем найдется важность. Но обратимся: превосходства толь счастливейшего женского пола для всех сие ясным доказательством быть может, что достойнейшая всех тварей, которой никогда превосходнее не обреталося и не будет, жена была, сама, говорю, преблаженная Дева Мария, которая если зачата без Греха первородного, то ни сам Христос, что принадлежит до человечества, не выше ее найдется. Ибо есть весьма сильное на сей случай доказательство у Аристотеля. Таковое: из которого рода наилучшее есть выше наилучшего другого рода, тот и род выше другого. И женском роде наилучшая есть Дева Мария, в мужеском же не восста более Иоанна Крестителя; сколько же сего превосходит Святая Дева, превознесенная паче всех чинов Ангельских, каждому правоверному довольно то известно. Подобное и с противной стороны винословие учинить можно: из которого рода наихудшее есть хуже наихудшего другого рода, тот и род будет ниже; а как мы знаем, что наипорочнейшая и наихудшая из всех тварей есть муж, будет ли он Иуда, который Христа предал, и о котором сам Христос говорит: добро было человеку тому, аще бы он не родился; или еще хуже оного, имеющий родиться Антихрист, в котором вся власть сатанинская пребывать имеет. Кроме того, о многих мужах писание объявляет, которые осуждены на вечное мучение; напротив того, ни о одной жене не упоминает. К сему служат и прочих животных в рассуждении естества некоторые преимущества. О фениксе, одинакой птице, Египтяне объявляют, что она самка; напротив того, змий-царь, которого называют Василиском

и который из всех ядовитейших есть вреднее, всегда самец бывает, а притом и за невозможное почитается ему родиться самкою. Кроме того, превосходство женского пола, доброта и невинность доводами сими довольно доказана быть может: понеже начало всех зол от мужей произошло, а не от жен, ибо первый праотец Адам дерзнул преступить заповедь Божию, заключил врата небесная, и всех нас греху подвергнул и смерти, потому что все мы согрешаем и умираем во Адаме, а не в Еве. Его грех первородный отверз вход в преисподняя. Каин первый завистливый и человекоубийца, первый братоубийца, первый отчаявшийся милосердия Божия; первый двоеженец Ламех, первый пьяный Ной, первый показавший срамоту отца своего Ноя Хам, первый властолюбец (тиран), похититель вольности и идослужитель Нимврод, первый прелюбодей муж, первый кровосмеситель муж: сверх того, первые мужи в союз с демонами вступили и скверные изобрели искусства. Мужи, дети Иакова, отца превосходного, продали брата своего; фараон, царь Египетский, первый побивал младенцев. Первые мущины против естества плотоугодия делали, как свидетельствуют то Содома и Гоморра, которые за мужеские беззакония погибли. О знатных в древности городах читаем, что мужи везде были безрассудно сластолюбивы, двуженцы, многобрачные, многоложные, прелюбодеи и блудодеи; так, многих жен и наложниц имели Ламех, Авраам, Иаков, Исав, Иосиф, Моисей, Самсон, Елкан, Саул, Давид, Соломон, Ассур, Ровоам, Авиа, Халев, Агасфер и бесчисленные другие, из которых каждый многих жен, а сверх того блудниц и наложниц имел; но и так не довольствуйся для удовольствования своей похоти, и с рабынями оных смешение имели. Из жен же, выключая одну Вирсавию, нигде не находим, как только, что каждая одним довольна всегда была мужем. Не сыщешь ни одной двумужней, ежели она от первого мужа плод имела. Ибо жены, в рассуждении стыда и чистоты, гораздо мужей воздержнее, так что, ежели которые были бесплодны, те воздерживался от соединения с мужьями, а других употреблять в оное позволяли. Как Сарра, Рахиль, Лия и другие многие бесплодные, которые рабынь своих мужьям в сожитие давали, чтоб восставить в них потомство. Но кто, говорю, из мущин, сколько б он был ни стар, холоден, неплоден и неспособен, поступил бы столько благочестно с своею женою, чтоб другому иметь с нею сожитие позволил, который бы плодоносным своим семенем оросил ее чрево. А хотя мы и читаем о Ликурге и Солоне, что они некогда законы издали, что ежели кто или стар и неспособен к супружеству, или нерадив о плодородии, поймет за себя девицу, то позволено было жене такового избирать одного юношу из родственников, в крепости и нравах известного, который бы с нею играл приятно и веселился, чтоб только плод она принесла мужу. Почему рожденное таким образом не чужим и не зазорным почиталося; однако, хотя таковые и были законы, но не находим, чтоб они наблюдаемы были, не столько по грубости мужей, сколько жен воздержанию. Есть при-

том бесчисленные знаменитейшие жены, которые сверх великой, сродной их полу стыдливости, супружескою любовью мужей своих далеко превосходили. Из которых суть Авигея, супруга Навалова, Артемизия Мовзолова, Алгия Поллиника Фивейского, Юлия, жена Помнеева, Порция Катонова, Корнелия Грагова, Мессалина Сулпициева, Алцеста Адметова, Ипократея, супруга Мифридата, Царя Понтийского, Дидона, построительница Карфагены, римская Лукреция и Сулпиция, жена Лентулова. Есть бесконечное число и других, коих девства и стыда непорочность не могла быть и самою смертию нарушена: из сих примерами нам себя представляют Афланта Каледонская, Камилла Волская, Ифигения Гречанка, Кассандра и Кризе; прибавь к сим девиц Лакедемонских, Спартанских, Милесских, Фивейских и других бесчисленных, о которых нам дают знать Еврейские, Греческие и Варварские истории, которые девство предпочитали не только царскому достоинству, но и самой жизни. Если же будем искать примеры почитания и любви к своим родителям, между прочими оных находим опыты в Клавдии, Вестальной девице, к отцу своему, и простой той женке, о которой выше упомянуто, к своей матери. Но противоположит, может быть, сим Зоил некакой Самсоново, Язоново, Деифобово и Агамемноново пагубные супружества и подобные несчастные приключения. Однако если оные рассмотрим прилежно, найдется, что жены обвиняются ложно, особливо, что злой жены иметь хорошему мужу никогда не случается. Напротив того, обыкновенно злым мужьям злые попадаются жены, а нередко злым мужьям случаются жены добрые, но заражаются их пороками. Можешь ли ты думать, что ежели бы позволено было женскому полу сочинять законы, писать истории, какие бы они сочинили трагедии о чрезмерных мужей злодействах, из которых сыщется много человекоубийц, воров, хищников, обманщиков, зажигальщиков, изменников, которые еще во времена Иисуса Навина и Давида-царя в великом множестве разбои производили, так что и предводителей своих имели, но и доселе в безмерном числе находится оных, почему все темницы наполнены мущинами, повсюду места казней покрыты трупами мужескими. Напротив того, женщины всех свободных наук, всякой добродетели и благотворения были изобретательницы, что доказывают самые тех вещей наименования женские; к сему и то примечания достойное служит, что и самый сей свет женскими именами называется, как то *от Азии* нимфы, *от Европы,* Агеноровой дочери, и Ливии, дочери Эпафовой, которая также и Африкою называется. Наконец, если разберем все вообще добродетели, жена первое занимает место; ибо, во-первых, жена была, которая девство свое посвятила Богу, самая Дева Мария, которая за то удостоилася быть Материю Божиею. Пророчицы-жены всегда имели более божеского вдохновения, нежели мужи, что видим в Сивиллах, по свидетельству Лактантия, Евсевия и Августина; подобно Мариам, сестра Моисеева, была пророчица; по пленении Иеремии жена его дяди Олда, при на-

ступающей конечной погибели Израиля, выше сил мужеских восстала оному пророчица. Испытаем священные писания и увидим, что жена за постоянство в вере и прочих добродетелях превыше мужей восхваляется, как то Юдиф, Руф и Эсфирь, которые столь были в них славны, что имена оных внесены в священные книги. Авраам, которого хотя за твердость в вере писание и именует праведным, понеже верова Богу, однако подлежал жене своей Сарре, и гласом господним повелевается оному в следующих словах: *вся, яже речет ти Сарра, послушай гласа ея*. Так Ревекка, твердо веруя, вопрошала Бога, и удостоена будучи ответа, услыша чудо: два языка во чреве твоем, и два народа от чрева твоего разделятся. И вдова Сарептанская верова Илии, хотя он ей говорил и невероятно. Так Захария, обличаем в неверстве своем от Ангела, бысть нем, и жена его Елисавет пророчествует чревом и гласом, и похваляется, понеже верова твердо, которая наконец ублажает преблагословенную Деву, говоря: блаженна веровавшая глаголанным ши от Господа. Так Анна-пророчица, по бывшем откровении Симеону, исповеда Бога и говорила о нем всем хотящим послушати, которые ожидали искупителя Израилю. Были и у Филиппа четыре дщери-девы пророчествовавшие. Что скажу о той Самаритянке, с которою Христос беседовал при кладезе, и насытися верою верующие отверже брашно. Сюда принадлежит вера жены Хананейской, и жены, страдавшей течением крови. Не сходна ли была вера и исповедание Марфы с Петровым, и Мария Магдалина какую имела твердость в вере, из Евангелия нам известно: ибо она, как книжники и Иудеи Христа ко кресту пригвоздили, и при кресте точила слезы, приносит помазания, ищет во гробе, вопрошает вертоградаря, познает Бога, течет к Апостолам и возвещает о воскресении. Те сумневаются, но она верит. Что скажем о Прискилле, жене святейшей, которая Аполлона, мужа Апостольского и в законе ученейшего Коринфского Епископа научила; но и не предосудительно было Апостолу от жены учиться, которая учила в церкзи. Прибавим же к сему тех жен, которые терпением мучения и презрением смерти свидетельствовали о своем постоянстве в вере, коих число найдется мужей не меньше. Не можно в молчании оставить той удивительной матери, достойной памяти вечной, которая на погибающих жесточайшим мучением седмь чад своих не только взирала спокойно, но мужественно уговаривая, укрепляла к принятию смерти, и сама, во всем на Бога твердо уповая, после детей своих за законы отеческие смерть подъяла. Сверх сего, не Феоделина ли, дочь владетеля Баварского, Лонгобардов? Грензилла, сестра цесаря Генриха I, Венгерцев? Хлотилда, дочь Короля Бургундского, Французов? и некоторая незнатного происхождения женщина, именем Апостола, Гибернян? каждая бесчисленный народ ко Христу обратила. А чтоб кому сумнителино не показалось, что от естества женщины все то же могут, что и мущины, то мы представим примеры и увидим, что нет никакого во всех родах совершенств и добродетелей знаменитого действия, кото-

рое бы с толикою ж славою от жен, как и от мужей производимо не было. В жертвоприношении славна была некогда у язычников Мелисса Зибела, по которой имени после прочие жрицы Мелиссами назывались, также и Пекаветрия была священница Минервы, Мера Венеры, Ифигения Дианны, и жены Бахусовы, жрицы, под многими именами славные, как то Уиады, Менады, Бахи, Элиады, Мималлониды, Эдониды, Эвбиады, Вассариды, Триатериды; у Иудеев сестра Моисеева Мариам купно с Аароном в святилище вход имела, и как священница была почитаема. В нашем благочестии, хотя женщинам сан священства и возбраняется, однако знаем из истории, что некогда женщина в образе мущины на высочайшую степень Папского достоинства вступила. Не незнатны и из наших многие святейшие игумены и монахини, которых древность не устыдилась бы назвать священницами; славны были в прореченнях у всех исповеданий народов Кассандра Сивиллы, Мариам, сестра Моисеева, Девора, Гулда, Анна, Елисавет, четыре дщери Филипповы и многие другие в новейших временах святые жены, какова у римлян есть Бригида и Гилдегардисс. Кроме того, в Магии, благих и злых духов сильной науке пред прочими Цирцы, и Медея в свое время более чудесного сделала, нежели сам Зороастр, хотя его некоторые и Изобретателем сей науки почитают. В философии знаменитее других были Феана, жена Пифагорова, также дочь ее Дама, которая прославилась истолкованием неудобовразумительных пословиц отца своего, также Аспазия и Диотима, Сократовы ученицы, Мантинея, Филезия и Аксиохия, ученицы Платоновы. Не меньше Плотин превозносит Гемину и Амфиклею, Лактанций похваляет Емистию, прославляется Христова церковь в святой Екатерине, которая одна, будучи младая девица, все того века премудрых учение посрамила. Не можно оставить в молчании и Зиновии-царицы, ученицы Лонгина-философа, которая ради великого своего знания в науках получила имя Эфиниссы и которой превосходные сочинения Никомах издал на Греческом языке. Поступим к оратории и стихотворству, тотчас встречаются нам Армезия, прозываемая Андрогениею, Гортенсия, Лукреция, Валерия, Копиола, Сафо, Коринна, Корнифиция, Романа и Оримна, Телия или Фесбия, прозванная Эпиграмматиссою. И у Саллустия Семпрония, у Юрисконсультов Калпурния. Но ежели бы и ныне было в употреблении обучаться наукам женскому полу, далеко бы оной в знании превзошел мужеской, когда от самой природы женщины превосходят самих наук изобретателей. Грамматики не почитают ли себя учителями говорить чисто: однако мы гораздо лучше говорить научаемся от кормилиц и матерей, нежели от грамматиков. Не Корнелия ли, мать Грахов, сделала сама собою их столь красноречивыми, и Силу, сына Скифского царя Арипифа, не мать ли Истринея Греческому языку научила? Не всегда ли в введенных селениях у внешних народов родившиеся дети матерей своих держалися речи? Не для иной какой причины Платон и Квинтилиан столь попечительно о выборе хоро-

ших кормилиц к детям установили, чтоб их язык и речь правильно и ясно устрояемы были. Теперь поступим далее; стихотворцы в своих замыслах и баснях, как и диалектики в своей вздорной болтливости, не уступают ли верх женщинам? Нигде столь хорошего и счастливого оратора сыскать не можно, которому бы в речах уступила светская женщина; какой арифметик, хотя сделать начет неправильно в уплате долга, женщину обмануть может? и какой музыкант в приятности пения и голоса с женщиною сравниться может? Философы, Математики, Астрологи в своих предсказаниях и предузнаниях не часто ли деревенским уступают бабам? а еще чаще старухи верх берут у медиков. Сам Сократ, муж премудрый, если Пифиеву свидетельству верить можно, будучи уже стар, не считал за стыд учиться еще у Аспазии так, как и Аполлос-богослов хотел учиться у Прискиллы. Ежели искать будем в женах благоразумия в правлении, примером нам служит Опись, в число богинь включенная, Плотина, супруга Траянова, Амалазунфа, Остроготфская королева, Эмилия, жена Сципионова; по сих Девора, благоразумнейшая женщина, супруга Лабидафова, которая сама, как чтем в книгах судей, несколько времени судила Израильским народом, и прихождаху к ней сыны Израильские для рассуждения на всяко время. Она же, как Варух не хотел вступать в сражение, избрана будучи вождем Израильского войска, побив и прогнав неприятелей, одержала победу. Чтем также в истории царей, что Афалея царствовала и судила чрез седмь лет Иерусалимом. Семирамида по смерти Нина управляла разными народами 40 лет. И все царицы Ефиопские Кандакии были в правлении благоразумны и сильны, о коих упоминается в деяниях Апостольских. Чудное сверх того о них объявляет достоверный древности описатель Иосиф. Сюда же принадлежат Никавла, царица Савская, которая прошед от конец земли послушати премудрости Соломоновой, и по свидетельству Господню, осуди вся мужи Иерусалимские. Была также Технида, некая премудрая жена, которая Царя Давида вопросом своим сделала безответным, притчею научила и примером Божиим укротила. Не можно пройти в сем месте также Авигею и Вирсавию, из которых первая свободила мужа от гнева Давидова, а по смерти оного учинилася царицею и супругою Давидовою; другая, мать Соломонова, испросила благоразумно сыну своему царство; наконец, в изобретении вещей есть примером Изис, Минерва, Никострата. В установлении Империи и строении городов Семирамида, обладавшая одна целым светом, Дидона, Амазонки в воинских подвигах, Томира, Массаретская царица, которая победила Кира, Персидского Монарха, также Камилла от народа Волсков, Валиска Богемская, обе сильные Царицы. Не меньше Индийская Панде, Амазонки, Кандакии, Лемиеские, Фокинские, Хиосские и Персидские женщины. Читаем и о других многих женах преславных, которые удивительными средствами все свое отечество в крайнем его отчаянии соблюли невредимым. Между сими Юдиф, которую блаженный Иероним сими сло-

вами возносит, говоря: возьмите Юдиф-вдовицу в пример чистоты, и торжественными похвалами, всегдашними желаниями ей последовать оную прославляйте. Сию бо не токмо в подражание женам, но и мужам даде, ибо чистоты наградитель таковую ей подаде силу, что она победи непобедимого всеми, и одоле неодоленного. Чтем еще, что некая жена мудрая призва Гоава и даде ему в руки главу Сива, врага Давидова, да соблюдет град Абелу, которая была мать всех градов во Израиле. Также некая жена, бросив отломок жерновного камня, ударила в голову Авимелеха и сокруши мозг его, исполнительница мщения божеского над Авимелехом, понеже он сотвори зло пред Господем против отца своего, побив седмьдесять братьев на одном камне. Подобно Эсфирь, жена царя Агасфера, не токмо народ свой свободила от поноснейшей смерти, но сверх того великою честию украсила; равным образом, как народ Волский под предводительством Кн. Марка Кориолана Рим осадили, которого осажденные оружием защищать были не в силах, Ветурия, мать Кориоланова, соблюла поношением сына. Артемизия, как Родяне нападение учинили, не только лишила их флота, но и остров усмирила, поставив при том статую на оном, которая вечное пятно сему острову делала; но кто довольно похвалить может благороднейшую ту девицу (хотя, впрочем, она была и простого происхождения), которая в 1428 году, по занятии Агличанами французского Королевства, наподобие Амазонок, взяв оружие и ведя первую колонну, столь храбро и счастливо сражалась, что на многих баталиях, победив Агличан, Королю французскому потерянное уже возвратила Королевство; в знак вечной памяти сего происшествия близ города Генаба, который ныне называется Орлеаном, на мосту, находящемся на реке Лагере, статуя девице поставлена. Мог бы я бесчисленных привесть жен из Греческих, Латинских и Варварских, как древних, так и новейших историй; но чтоб сие сочинение не вышло великою книгою, для того я за благо рассудил сокращенно представить, особливо же, что писал о них Плутарх, Валерий Бонас и другие многие. Отсюда явствует, для чего о похвалах жен я писал столь мало, а умолчал более, потому, что я о себе не столь много думаю, чтоб мог бесчисленные жен преимущества и совершенства заключить в сей моей толь краткой речи; да и кто в состоянии найдется начислить похвалы жен бесконечные, от которых мы все имеем и от которых продолжение человеческого рода зависит, который бы в противном случае скоро пресекся, как и всякое семейство и гражданство. О чем знал довольно и построитель города Рима, который, не имея жен в своем народе, похитив дочерей у Сабинян, не усумнился вступить в жесточайшую войну с сим народом, ведая, что его владение, если недоставать будет в нем женского пола, постоит недолго. Потом, по занятии от Сабинян Капитолии, как среди площади кровопролитнейшее продолжилось сражение, посредством приспевших жен между обоим народом сражение престало; и по заключении мира, также утверждении союза в вечное дру-

От законов человеческих.

жество Сабиняне и Римляне между собою вступили. Вследствие чего имена жен Ромул внес в ратуши, и по желанию римлян на народных доках сделано для жен исключение, чтоб им ни молоть, ни стряпать; также запрещено было, чтоб ни муж жене, ни жена мужу ничего под видом дара уступать не могли, чтобы знали, что все имение их есть общее. Отсюда наконец вошло обыкновение, что отдающие невест, говорить им приказывали следующия слова: *когда ты, я*, изъявляя тем: *когда ты* господин, *и я госпожа*, когда *ты* хозяин, *и я* хозяйка. Потом, как царская власть отменена в Риме, и народе Вольский под предводительством Марка Кориолана за пять только поприщ от Рима стан свой утвердили, жены от погибели римлян свободили, за которое благодеяние знатнейший храм Фортуне женской посвящен был. Сверх сего великие, по определению сената, чести и достоинства знаки даны им, как то, что на дороге честнейшее занимали место. Сверх того, мущины, какая бы женщина ни шла мимо, вставать должны были и уступать место. При том, женам позволялось носить пурпуровые одежды с золотом, употреблять драгоценные бисеры, серьги, перстни и ожерелья. По времени и Императоры законами утвердили, что ежели когда воспоследует запрещение носить известное платье или украшения, женщины от того свободны. Снабдены были последованием в наследстве и имениях; законами также позволено было женское погребение по подобию знатных мужей отправлять с церемониями и народными хвалами, потому что, как некогда надобно было в исполнение обета Камиллова посылать дар Делфийскому Аполлону, и не сыскалось столько золота в городе, женщины добровольно снесли на то свои украшения. Во время войны, которую Кир производил против Астиага, как Персидское войско в бег обратилося, жен поношением и укоризнами удержано было, и, восстановив сражение, доставило Персам славную победу. За который поступок Кир указ выдал, чтоб Персидские Цари, вступая в город, каждой женщине дарили по золотому червонцу; что самое наблюдая, и Александр Великий, дважды входя в сей город, платил столько же раз; сверх того, беременных дарил вдвое. Таким образом, от самых древних Царей Персидских и римских, и от самого начала Рима женщинам всегда и всякая честь была отдаваема. Потом и от самых Императоров оные не меньше были почитаемы. Отсюда Иустиниан Император при сочинении законов почел за нужное пригласить в совет женщину. Закон гласит и инде, что жене по приличию, в чести иметь сияние должно, чтоб знали о ее достоинстве. Ибо сколько муж возвышается, столько и жена. Так супруга Императорская называется Императрицею и супруга царская царицею, супруга княжеская княгинею и сиятельною, от какого бы рода она ни происходила. По чему, говорит, владетель есть Император, что свободен от законов; Августа же, которая супруга есть Императорская, хотя и подлежит законам, однако супруг ее теми же снабдил ее преимуществами, которые сам имеет. Откуда знатным женщинам суды про-

изводить позволяется, вступать в посредства и уставлять права между вассаллами; к тому же принадлежит, что женщина может иметь слуг собственных, как и муж, и может судить и иностранных[1]. В состоянии также дать имя фамилии так, чтобы сыновья назывались по матери, а не по отце. Имеет и в рассуждении приданого великие привилегии, изображенные в разных местах Иустинианова права. Также запрещается женщин честной жизни и славы за долги сажать в темницу, так что судья наказан быть должен жесточайшим штрафом, ежели который таковую посадит в темницу; когда же на женщину сыщется подозрение в преступлении, такую в монастырь ссылать должно, потому что, как закон гласит, жена есть лучшего состояния, нежели муж, так что, если они в одном каком найдутся преступлении, муж виноватее, нежели жена. Почему муж, в прелюбодеянии обличенный, подлежит казни, а жена прелюбодейная в монастырь ссылается. Многие привилегии собрал Азон в своем сокращении, которое известно под титулом: Ad Senatus consultum Velleianum, и Speculator de renunciationibus. И самые древние законодатели и устроители республик, мужи мудрые и ученые, Ликург, говорю, и Платон, ведая из сокровенных философии, что женщины ни превосходством духа, ни крепостию тела, ни достоинством естества ничем мужей не ниже, но ко всему столько же способны, установили, чтоб жены с мущинами в поединках и в гимназиях упражнялися, и во всем, что принадлежит к воинской дисциплине, в луке, бросании камнем, в стрельбе, в бою ружейном, как в коннице, так и в пехоте, в расположении лагеря и расположении строя и в походе; кратко сказать, во всех тех же упражнениях, какие имели мущины, обращалися наравне и жены. Прочтем древности достоверных писателей, то найдем, что в Гетулии, Бактрах, Галлеции был обычай, по которому мущины в нежности вдавалися, а женщины пахали, в строении, купечестве, ристании, войне и прочем, что ныне делают у нас мущины, упражнялися. У Кантабров мужья женам приданое давали, сестры братьев женили, дочерей наследницами объявляли. У Скифов, Фракиан и Галлов общие были звания у мужей и жен, и когда дело о войне происходило или о мире, жены в рассуждениях и советованиях придавалися, что доказывает утвержденный Аннибалом союз с Келтами: ежели кто из Келтов принесет жалобу в обиде на Карфагенянина, в таком деле Карфагенские власти или полководцы, находившиеся в Ишпании, должны быть судьями; ежели ж кто из Карфагенян обижен будет от Келтянина, в таком случае должны суд производить жены. Но как мущины тиранически, в противность божеского права и законов естественных верх взяли, то данная женам свобода неправедными уже законами отъемлется, истребляется обыкновением и употреблением, а воспитанием вовсе погибает. Ибо женский пол как скоро рождается, то от первых лет со-

[1] Здесь разумеются законы Греческие.

держат его в доме в небрежении, и, как бы неспособному к отправлению важнейших дел, ни за что, кроме иглы и нитки, приниматься не позволяется. А как достигнет лет довольных, предается во власть ревнивую мужа, или в вечную темницу монашества заключается. В народные также возбраняется им вступать звания. В судах ходить за делами, хотя б была женщина и преразумная, запрещается. Сверх того, не допускаются в юрисдикции в посредстве, в усыновлении, в заступлении, в смотрении, опеке и попечительстве в делах по духовным и уголовным. Также возбраняется проповедовать слово Божие в противность явственного писания, в котором обещает им святый дух, чрез пророка Иоиля глаголющ: *и прорекут дщери ваши;* да и во времена Апостол жены пред народов учили, как известно о Анне Симеоновой, дщерях Филипповых и Прискелле Акилиной. Но и нынешних законодателей такая несправедливость, которые отвергли повеление Божие за предания, что объявили жен быть худшего состояния каждого мужа, хотя, впрочем, оные и превосходством естества и достоинством их благороднее. Итак, по силе сих законов женщины, как бы побеждены будучи войною, уступать должны победителям не по естественной или сверхъестественной какой нужде или причине, но по обыкновению, воспитанию, фортуне и насильственному некоему случаю. Кроме того, есть некоторые, которые из самого благочестия власть себе над женами выводят и из священного писания доказывают свою тиранию, у коих всегда оное проклятие Евы в в устах обращается: *под властию будеши мужа, и той да обладает тобою.* Ежели же им в ответ сказано будет, что Христос отъял то проклятие, то они приведут паки из слов Апостола Петра, с коим согласуется и Павел: *жены мужам да повинуются, жены да молчат в церкви.* Но кто знает разные писания тропы и его свойства, удобно усмотрит, что сии слова повидимому только противоречат; ибо такой есть чин в церкви, что в служении мужи женам предпочитаются, так как Иудеи Грекам в обещании: однако Бог не лицеприимец, особливо же что о Христе ни мужеской пол, ни женский, но нова тварь; а хотя нечто мущинам по жестокости сердца в рассуждении жен и позволено, так как Иудеям позволены были некогда разводы, что, однако ж, нимало не умаляет жен достоинства. А при том, когда мужья их оставляют и заблуждают, то жены, в поношение оных, власть судить имеют. И сама царица Савская судила мужей Иерусалимских, следовательно, которые оправдившеся верою учинилися чада Авраамовы, чада, говорю, обетования, те подлежат жене, и обязаны оным повелением Бога к Аврааму, обещающего: *вся, яже речет ти Сарра, послушай гласа ея.* Итак, чтоб, сколько можно, сократить речь мою, показали мы превосходство женского пола от имени, от порядка творения, от места, от вещества, и что жена пред мужем получила от Бога, потом от благочестия, от естества, от человеческих законов, от важности свидетельств, причин и примеров довольно, кажется, доказали. При всем том же столь много говорили, сколь боль-

ше еще говорить оставили. Особливо же, что я, не славолюбием побуждаем будучи, приступил к сему делу, но по долгу и истине, дабы не оказаться мне святотатцем, достодолжные похвалы у толь священного пола чрез нечестивое некое молчание отнимающим. Ежели же кто меня любопытнее найдет опущенное мною какое доказательство, которое придать к сему нашему сочинению за благо рассудит, то я почту, что таковой не только меня тем не порочит, но наипаче мне вспомоществует, потому что он доброе сие наше дело своим разумом и учением сделает совершеннейшим; итак, чтоб сие наше сочинение большею книгою не вышло, здесь оное окончиваем.

–––––––

Для нас, Россиан, довольно одного беспримерного примера благословенные в Порфироносных женах, ВЕЛИКИЕ по всему ЕКАТЕРИНЫ II, так как для жителей вселенные единого дневного светила. Ее душевные и телесные дарования толь превосходны пред царями земными, как солнечное в сравнении звезде сияние, и сравниться только могут с ЕЕ к России благодеяниями.

Из трактата

«О НЕДОСТОВЕРНОСТИ
И
ТЩЕТЕ НАУК И ИСКУССТВ»

Дворянина Генрика Корнелия Агриппы фон-Нетсгейма, златого руна кавалера, обоих прав Доктора, Римско-Цесарского коллежского Советника, и государственных архив Директора, из книги о *Суете Наук:* глав. 4.

Рассуждение о стихотворстве

Стихотворство само, по свидетельству Квинтилияна, есть часть грамматики, и тем самым неумеренно гордо, что в древности театры и амфитеатры, великолепнейшие человеческие здания, не Философами, не Юрисконсультами, не Медиками, не Риторами, не Математиками, не Теологами, но одних Стихотворцев баснями, величайшими иждивениями сооружены. Наука сия не для иного чего изобретена, как чтоб роскошствующими рифмами, числом и важностию слов и потешным имен звуком, услаждать малорассудных людей уши. Представлением лжи и сплетением басней уловлять сердца. Для чего по справедливости оно орудием бредней, и хранилищем развращенных доказательств и примеров называться заслуживает. И что принадлежит до бешенства, глупости, бесстыдства и дерзости, сие все Стихотворству приписывается, и поистине бесстрашное оного ложных вещей уверение, кто может снесть терпеливым духом? Какой угол света от его бреда и вздоров остался празден? Оно, от самого Хаоса начиная, басни лживо пишет о разделении неба, о рождении Венеры, о войне Титанов, о пеленах Юпитеровых, о обманах Реи, о подложностях Аписа, о цепях Сатурновых, о бунтах гигантов, о краже и просьбе Прометеевой, о погрешности Деловой, о трудах Латониных. О убиении Пифона, о хитростях Тира, о потопе Девкалиоповом, о рождении людей из камней, о растерзании Инаха, о притворстве Юноны, о сожжении Семелы, о обоем поколении Бахуса. И все, что о Минерве, Вулкане, Ерихтоне, Борихсе, Орие, Тезее, Егее, Касторе, Поллуксе, похищении Елены, и смерти Иполитовой в Аттических баснях повествуется. Также о заблуждении Цереры, о похищении и сыскании Прозерпины, и все, что о Миносе, о Кадме и Ниове, о Пентее, Аттее, Единоде, о подвигах Геркулеса, о войне Нептуновой с солнцем, о сумашедстве Атамантовом, о превращенной Иое в корову, и о берегшем ее страже Аргосе, убиенном от Меркурия, равномерно; о златом Руне, о Пелее, Язоне, Медее; так, как о смерти Агамемноновой, и о наказании Клитемнестры, и что о Данае, Персее, Горгоне, Каллиопеие, Андромеде, Орфее, Оресте, о странствовании Енея и Улисса, о Цирцее, Телагоне, о Еоле, Паламеде, Навплие, Аяксе, Дафне, Ариадне, Европе, Федре, Пазифее, Дедале, Икаре, Главке, Атланте, Герионе, Тантале, о Пане, Центаврах, Сатирах, Сиренах и других сим подоб-

ными знатными баснословными преданиями наполнило свет. Но не будучи довольно одним человеческих дел ложным описанием, не устыдилось сплести нелепые басни и о действиях самых Богов, описывая их рождение, смерть, ссоры, клеветы, ненависть, гнев, сражения, раны, жалобы, узовязания, любови, сваты, вожделения, прелюбодеяния и любодейства с людьми и скотами, и другие еще срамнейшие и непотребнейшие дела, чем в ядоносных стихах своих, под видом приятных и сладких речей, заражают нежные слухи не только настоящих читателей, но и будущим по себе потомкам сию сладкую оставляют отраву, которая наподобие язвы, от угрызения бешеной собаки учинившейся, тем же ядом и уязвленных поражает; ибо баснословия стихотворческие с такою приятностию сочиняются, что ложные оных описания чтению истинных историй нередко предпочитаются. Что доказывается вымышленным прелюбодейством Енея с Дидоною, и о взятье от Греков Трои, описанных Виргилием. Но находятся некоторые, которые до толикого степени воображений дошли, что и дар пророчества себе приписывают: ибо в старину от Оракулов получали ответы стихами. Почему и называют их пророками, угадчиками и исполненными духом предсказания; а ложные стихотворцев предсказания приемлются за истинные, и как бы самого Оракула пророчение, посему у древних назывались Гомеровыми пророчествами стихи Гомеровы, а Виргилиево стихотворство слыло пророчеством Виргилиевым, о чем упоминает в Адриановой жизни Спартан; но обратимся к Стихотворству: оное Августин полагает вне божеских селений; языческий Платон из своей республики оное изгнал. Цицерон допущать не дозволил. Сократ говорил, что кто хочет не повредить своего имени, честь и славу, тот должен беречься раздражить стихотворцев, которые не так к сочинению похвал, как к ругательству и брани склонность и силу имеют. Минос, Царь, справедливейший из смертных, Изиодом и Омиром прославленный, предприятием противу Афинейцев войны оскорбил трагических стихотворцев, которые его вселили во ад. Пенелопу, за особливое целомудрие Гомером похваляемую, Ликофрон в стихах своих поносит, якобы имела она с некоторыми женихами ее любовное и противное целомудрию обхождение. Дидону, основательницу Карфагена, воздержную и добродетельную вдову, Стихотворец Енний в описываемых им Сципионских делах первый оболгал, якобы она любила Енея, которого она по правильному расчислению времен и видеть никак не могла; но сию очевидную ложь Виргилий после так украсил, что ее за настоящую историческую правду приняли. Напоследок сия в сплетении лжей и поношений дерзость до того дошла, что надобно уже было о сем законы чрез Ценсоров обнародовать, которыми таковые стихотворческие лжи и неистовства запрещаемы были. Почему у древних Римлян самое стихотворство в явном презрении было, и по свидетельству Геллия и Катона, учившиеся Поэзии назывались тягостными в обществе людми. И от М. Катона К. Фулвий истязываем был за то, что

он, будучи послан в Етолию Проконсулом, взял с собою Стихотворца Енния. И Император Юстиниан Профессоров Поезии никакими вольностьми не удостоил. Сам Гомер, всех Стихотворцев Философом, и всех Философов Стихотворцем называемый, как сумасшедший от Афинейцев 50 драхмами был штрафован. А Тихтею Стихотворцу как безумному смеялись. Лакедемоняне книги стихотворца Архилоха из города вынесть приказали, и так многие славные мужи Стихотворство как мать лжей и басней презирали. Стихотворцы, так нелепо бредящие, с прилежностию учатся не говорить и не писать никогда правды, но баснословные соплетая стихи, поют их пред ушами малорассудиых людей, которые такими небылицами услаждаются, и на нелепо сгромаженные дела смотрят тех, о коих негде возгласил Кампанец.

Питаются стихом безумные пииты,
Когда отнимешь ложь, то гладом пропадут,
Им ложь имение едино есть и злато,
И что хотят, то лгут и думают тем верх
Приобрести похвал во лгании искусном.

Сверх того, бывают у Стихотворцев ужаснейшие споры не только о роде стихов, но о стопах, о ударениях, о количестве и качестве слогов, о богатстве рифм и о прочем, о чем и у грамматиков иногда случаются сшибки; но о самых баснях, вымыслах и лжах, как то: о узле Геркулесовом, о заповедном и целомудренном дереве? о письме Гиацинтовом? о детях Ниовиных? о деревах, под коими Латона родила Дианну? тако ж об отечестве и гробе Гомеровом? и сей или Гезиод был превосходнее летами! и старее ли Патрокл Ахиллеса? Каким образом Скиф Анахарзид сыпал? для чего Гомер в стихах своих не выхвалил Паламида? Лукан в числе Стихотворцев или еретиков почитается? у кого крал стихи Виргилий, и в котором именно месяце он умер, и проч. Какой сочинитель писал маленькие елегии, о коих спорят грамматики, и что еще не решено. Впрочем, все стихотворческие сочинения наполнены лжи и врак под видом ласкательства и прикрытия гнуснейших пороков, для услаждения глупых людей писанные. Все, что ни делают стихотворцы, рассказывают, хвалят, призывания творят, вымыслами речь свою украшают, потом противное тому наводят, уязвляют, поносят, вымышлениями упиваются и почти всегда бесятся. Итак, справедливо Демокрит оное не наукою, но бешенством называет. И Платонов приговор о исключении из общества Стихотворцев есть справедлив. И то подлинно, что Стихотворцы, чем более восторга или бешенства имеют, тем высокопарнее и приятнее их песни кажутся, почему Августин называет Стихотворство вином заблуждения, от пьяных учителей проистекшим. Иероним оное называет пищею духов. Наука сама собою голая, и ежели покровом других наук не будет оде-

та, то и безобразна; рукомесло алчное и всегда голодное; и наподобие мышей чужими крохами питающееся. Но со всем тем, не знаю, за какие то басни и бредни с Тифоновымн полевыми кобылками, Ликорскими лягушками и Мирмидонскими муравьями дерзает льститься иметь бессмертную имени своего славу и говорит:

Благополучны вы стихи живите громки!
Не могут вас вовек не почитать потомки?

Слава ж сия или никакая, или бесполезная будет. Но должность сию, т. е. учинить себя вечно славным, у Стихотворцев отнимают Историки, сказуя, что она до них, а не до Стихотворцев принадлежит.

Рассуждение Агриппы фон Нетегейма о картежной игре

Картежная игра[1] давно уже в употреблении на свете. Некоторые пишут, что изобрел ее Аттал Азиатский при обучении числительной науки; а в римских преданиях пишется, что Клавдий Император сочинил об ней особую книгу. Ибо как он, так и пред ним бывший Кесарь Август великие к сей игре были охотники. Но некоторые игры сея ненавистники пишут, что она выдумана нечистыми духами для произведения между людьми обманов, лжей, клятвопреступлений, ссор, драк и самого смертоубийства. Впрочем, сие неоспоримо, что наука сей игры еще и теперь не доведена до своего совершенства, и что упражняющиеся в ней по большей части счастием, нежели искусством предводительствуются. И чем больше кто к оной прилеплен, тем более несчастлив и неискусен бывает. И желая обыграть других, сам проигрывает все, не только свое, но и отеческое имение. По разорении Азии, она перешла в Грецию, а оттуда с просвещением и в других странах Европы внедрилась. В древних повествованиях видим, в каком была сия игра презрении у благоразумных народов, которые публичные о запрещении оной издали законы. Почему Кобилон, лакедемонский чиновник, будучи отправлен послом в Коринф для заключения мира, заставши вождов и старейшин коринфских за столом, в карты играющих, не вступил с ними в переговоры, но, возвратясь в отечество, сказал: я бы помрачил славу храбрых Спартан, если бы стал договариваться о мире с картежниками. Сирийскому царю Димитрию,

[1] У Агриппы на самом деле – игра в кости (*Ред.*).

в поношение ребяческой его легкомысленности, Арсацид, парфянский Царь, прислал золотые лодышки, для забавы его в ссылке игрою оных. Ликург и Солон в законах своих из числа честных людей велели исключать играющих в карты; во всех почти европейских государствах от правительств азартные игры запрещены; но, невзирая на оное, еще и теперь великое число игроков находится в свете, и бесчисленное множество людей лишились чрез то не только имения, но и жизни. А многие, програвши все наличные деньги, проклинают сию игру, закаиваются впредь играть на деньги, а разве для прогнания одной скуки. Ибо закоренелой в человеке привычки не враз истребить можно, как некто из стихотворцев о сем весьма изрядно написал:

Представь картежника в печали,
И зри его смущенный зрак!
Моим всем деньгам уха дали,
Вещает он в досаду так;
Рвет волосы, кусает руки,
И для прогнания лишь скуки
Он обещает впредь играть.
Игра для скуки началася,
И коль счастливо удалася,
То паки станет он мотать.

Жозеф Орсье

АГРИППА НЕТТЕСГЕЙМСКИЙ

Знаменитый авантюрист XVI в.

АГРИППА
НЕТТЕСГЕЙМСКІЙ

МОСКВА /МУСАГЕТЪ/ MCMXIII.

Агриппа Неттесгеймскій. * Знаменитый авантюристъ XVI в.

* Критико-біографическій очеркъ Жозефа ОРСЬЕ. Переводъ Брониславы РУНТЪ. Подъ редакціей, съ введеніемъ и примѣчаніями Валерія БРЮСОВА. Съ приложеніемъ трехъ статей редактора: «Оклеветанный ученый», «Легенда о Агриппѣ» и «Сочиненія Агриппы и источники его біографіи».

ОКЛЕВЕТАННЫЙ УЧЕНЫЙ

Введение Валерия Брюсова

Потомство оклеветало Агриппу. Изо всех его сочинений оно запомнило лишь одно, трактат «О сокровенной философии», которому он сам не придавал никакого значения. Народная молва сделала из Агриппы чернокнижника, мага, и связала с его именем множество фантастических легенд, одна другой нелепей. Ученые, изучая знаменательную эпоху немецкого Возрождения, как-то сторонятся Агриппы, так как он не принадлежал непосредственно ни к одному из кружков гуманистов. Его образ до сих пор не получил надлежащей оценки, и до сих пор он не занял в истории просвещения того места, на какое имеет право.

Надо сознаться, что сам Агриппа не совсем неповинен в таком к себе отношении. Конец XV и начало XVI века разделили людей, особенно население Германии, резко на два круга: проповедников нового, сторонников Эразма и Рейхлина, «гуманистов», и защитников старого, «темных людей», «обскурантов». Агриппа не сумел или не захотел определенно выбрать свое место в одном из двух лагерей. Многими чертами своего характера и своей деятельности он примыкал к гуманистам. Свои профессорские чтения он начал с толкования одного сочинения Рейхлина. С Эразмом он был в переписке и отзывался о нем с величайшим почтением. Всю жизнь он боролся с монахами, естественными защитниками всякого обскурантизма, и не раз подвергался преследованиям с их стороны. При всем том Агриппа был хорошо и разносторонне образован, прекрасно знал древних, легко и правильно писал по-латыни. Но много было в Агриппе и «от старого». Он никогда не мог освободиться от старой, чисто схоластической манеры излагать свои мысли. Он как-то чуждался тех тем, которые привлекали особое внимание гуманистов. Предметом его первого большого сочинения была магия. Само по себе это еще не могло восстановить против Агриппы сторонников нового; в силу магии верили многие образованнейшие умы того времени: Пико де Мирандола написал сочинение, доказывающее существование ведьм, Гемистос Плето изъяснял природу демонов и т. д. Но трактат Агриппы был весь основан на старых сочинениях такого рода, не был свободным исследованием магических явлений, но был переполнен изложением традиционных мнений. Второе большое сочинение Агриппы трактовало о недостоверности познания, тогда как гуманисты выше всего ставили именно просвещение и науку. В жизни Агриппа, замкнутый и суровый, держался особняком и не хотел признавать над собой никаких авторитетов. Он писал к

Эразму как равный к равному и требовал к себе отношения как к учителю (magister), а гуманисты по многим причинам не считали его притязания обоснованными. Все это отделяло, обособляло его от «новых людей».

В жизни Агриппа был типический представитель людей Возрождения. Как все выдающиеся люди той эпохи, он обладал познаниями энциклопедическими, брался за все, от военного дела до магии, от должности инженера до места историографа, был то юристом, то медиком, то теологом, и, не имея на то никаких официальных прав, писал на заглавии своих книг после своего имени «доктор обоих прав и медицины». Непоседливый, тоже как все люди Возрождения, он не мог ужиться подолгу ни в одном городе, исколесил всю Европу в поисках счастья, поочередно избирал местами своей деятельности то Италию, то Францию, то Англию, то Швейцарию, то разные города Германии. Родившись в сентябре 1486 года, в Кельне, он рано вступил на военную службу, в австрийскую армию, совершил походы в Испанию, Италию и Голландию. Потом слушал лекции в Париже, вновь участвовал в испанском походе, а в 1509 году уже сам выступил как профессор в университете в Доле. В эпоху, когда Меланхтон читал лекции 17 лет от роду, это вовсе не было рано. Вскоре Агриппе, по обвинению в ереси, пришлось укрываться в Англии; затем он был профессором теологии в Кельне, придворным в свите императора Максимилиана в Италии, участником церковного собора в Пизе, вновь профессором в Павии и в Турине. Несколько спокойных лет провел он в Меце, на службе у города, как синдик, адвокат и оратор. От преследований монахов ему пришлось укрыться в Женеве; после того он с успехом практиковал как врач в Фрейбурге, перешел на службу к французскому двору и был лейб-медиком королевы-матери в Лионе, в то же время занимаясь изобретением каких-то военных машин; оставив государственную службу, вновь практиковал как частный врач в Антверпене, но был принужден отказаться от медицинской практики за неимением соответствующего диплома. Получив звание придворного историографа императора Карла V, он поселился в Милане, но должен был вскоре бежать из этого города. Потеряв почти всех своих покровителей, он вел после того довольно несчастное существование, дважды был брошен в тюрьму кредиторами, в Брюсселе и в Лионе, и умер, почти одиноким, в Гренобле, в 1535 году. За все время этой тревожной, походной жизни он не переставал учиться и писать, издавал и маленькие памфлеты и большие ученые трактаты, вел огромную переписку со всеми видными людьми своего времени и был постоянно окружен группой учеников, которым расточал свои многообразные познания. Остается добавить, что не бедна была и личная жизнь Агриппы: он был трижды женат, имел несколько человек детей, испытал и в семейной жизни немало тяжелых огорчений.

Сочинения Агриппы столь же разнообразны, как и его жизнь. В собрании его сочинений, вышедшем после его смерти в Лионе, в двух больших томах

очень убористой печати, мы находим трактаты по магии, демонологии, каббале, рассуждения теологические (о таинстве брака, о первородном грехе и т. п.), историческое исследование о коронации Карла V, книгу о пиромахии (огнестрельном оружии), маленький, парадоксальный «опыт» о превосходстве женского пола над мужским, комментарии к сочинениям Раймонда Люллия, комментарии к сочинениям Плиния младшего, немало других «маленьких трактатов» (так их озаглавил сам Агриппа) и, наконец, сочинение «О недостоверности и тщете наук и искусств», в котором разбираются и критикуются положительно все отрасли знания того времени. В сущности говоря, большинство из них не что иное, как остроумно развитые парадоксы. Бесспорный парадокс — сочинение о превосходстве женского пола (между прочим, имевшее наибольший успех среди всех сочинений Агриппы и много раз переведенное на разные языки в течение XVI-XVII веков), парадоксы и многие «маленькие трактаты»; но так же парадоксальны и два основных сочинения Агриппы: «О сокровенной философии» и «О недостоверности наук». Дело в том, что в обоих этих сочинениях Агриппа защищал тезисы, которые сам не разделял. Он, как это видно по его позднейшим письмам, не верил в силы «оперативной магии», считал веру в возможность овладеть силами демонов — предрассудком, а магические церемонии — шарлатанством[1]. Это не помешало ему написать подробное изложение всех знаний, связанных с магией, и постараться привести их в стройную систему, строго по методам науки своего времени. Изложению предпослан род философского вступления, излагающего предпосылки оккультного знания (те самые, на которые, с малыми изменениями, опираются и современные оккультисты): учение о всемирном соответствии, связывающем между собой все явления вселенной и позволяющем через самое малое влиять на самое великое. С другой стороны, Агриппа был убежден, как сам говорит в письме к Эразму, в пользе и высоком значении науки. Однако он постарался добросовестно выискать все доводы, какие только мог найти, против знания вообще и против каждой науки в частности. Его занимала в этом деле борьба с очевидностью, как бы некоторый tour de force ума и остроумия. И надо сознаться, что иные доводы Агриппы (к сожалению, далеко не все) берут вопрос глубоко и подготовляют почву для будущего критицизма.

Бесспорно, личность Агриппы, его сочинения, его взгляды заслуживают внимания историков культуры и историков философии. Но долгое время личность Агриппы оставалась не освещенной наукой: историки, как бы унаследовав вражду гуманистов к «чернокнижнику», проходили мимо его харак-

[1] Одним из благороднейших эпизодов в жизни Агриппы является, между прочим, его защита одной бедной женщины из деревни Войпи, обвиненной в 1519 году в колдовстве. Агриппа взял на себя вести ее процесс, выиграл его и в полном смысле слова спас несчастную из рук инквизитора, может быть, от костра. (См. ниже гл. IV, стр. 64-65, и наше примечание к ней).

терной и далеко не заурядной личности. Бейль был первым, кто в своем знаменитом «Историческом и критическом словаре» (1696 г.) попытался выставить образ Агриппы в истинном свете. В XIX веке были изданы два больших труда, специально посвященных Агриппе, один английский, другой французский: Г. Морлея (1856 г.) и О. Про (1882 г.), в которых сделаны попытки выяснить действительное значение Агриппы для своего времени. Но с появления последней из этих работ прошло уже 30 лет, и громадное количество вновь опубликованных с тех пор исторических материалов настоятельно побуждает пересмотреть многие выводы обоих авторов.

Биографический очерк, предлагаемый теперь в переводе вниманию читателей и принадлежащий перу молодого ученого Жозефа Орсье, не имеет притязания исполнить эту работу. Он почти исключительно основан на сохранившейся переписке Агриппы, которую автор считает «истинной автобиографией» великого авантюриста, — хотя Ж. Орсье и привлек к исследованию некоторые архивные материалы. Но все же Орсье дает яркую и, при всей сжатости очерка, полную картину жизни Агриппы, попутно разъясняя многие темные пункты его биографии. Для русского читателя издаваемая книжка окажется единственным источником для знакомства с одним из значительнейших людей знаменательной эпохи: начала Реформации в Германии.

Мы сочли нужным дополнить биографический очерк Орсье несколькими примечаниями (которые все помечены буквами В. Б. в отличие от примечаний А в т о р а), присоединить к нему очерк о легендах, сложившихся вокруг имени Агриппы (которые Орсье обходит молчанием) и дать краткую библиографию сочинений самого Агриппы и об нем. Добавим еще, что все цитаты из сочинений Агриппы, приводимые Орсье, нами проверены по подлиннику, и довольно свободный перевод, сделанный Орсье, заменен более точным.

ЗНАМЕНИТЫЙ АВАНТЮРИСТ XVI ВЕКА АГРИППА НЕТТЕСГЕЙМСКИЙ

Очерк Жозефа Орсье

Личная жизнь выдающегося человека всегда вызывает некоторый интерес, а чем чаще талантливому писателю приходилось быть предметом резких критических нападок, тем с большим интересом относятся к изучению его биографии, его душевного состояния и его произведений. На исходе XV века и в первой половине XVI, среди группы знаменитых людей, составляющих честь той памятной эпохи, выделяется одна сложная, своеобразная, трудно определимая личность, которую одинаково любопытно изучить как со стороны романтических обстоятельств ее жизни, полной неожиданности, так и со стороны научной. В той отдаленной эпохе, смуты и тревоги которой, как политические, так и религиозные, как будто вновь возрождаются в наши дни, Генрих Корнелис Агриппа[1] занимает место ученого и чудака-бродяги, исполнявшего попеременно самые разнообразные должности: военного, гуманиста, богослова, юрисконсульта, врача, алхимика. Ему был доступен весь круг церковных и светских наук, но общих идей у него было мало; он прежде всего был популяризатор с обширной эрудицией, осложненной неожиданными уклонами исключительного свободомыслия и крайней изменчивости характера. Как и его современнику Парацельсу, бывшему также алхимиком и врачом, Агриппе нравилось пленять публику самыми странными нововведениями и самыми дерзкими учениями. И его жизнь, о которой было написано немало фантастических басен, вполне гармонировала с его парадоксами.

450 Epistolae familiares Агриппы (переписка с друзьями) являются его истинной автобиографией точно так же, как и замечательным документом истории литературы; в этой переписке Агриппа проявил столь же поразительную деятельность, как и на многих других поприщах. Его советов спрашивали все могущественные лица того времени и не было при его жизни

---

[1] Его настоящее имя, упомянутое в современных подлинных документах, — Корнелис; Агриппа же, точно так же как и Неттесгеймский, являются простым прозвищем. В финансовых отчетах Меца между 1517 г. и 1520 г., в то время, как Агриппа находился на жалованье у этого города, значится: «a Maitre Hanry Cornélis dict Agrippa...» (господину Анри Корнелису, по прозвищу Агриппа). *Авт.* Заметим, однако, что на всех подлинных изданиях сочинений Агриппы, выходивших при его жизни и вскоре по его смерти, читаем: Henrici Cornelii Agrippae, позднее с добавлением: ab Nettesheym. *В. Б.*

ни одного важного вопроса, в который он не вмешивался. Поэтому, несмотря на причудливость и непостоянство Агриппы, вошедшие в пословицу, он не заслуживает той насмешки, с которой отнесся к нему Раблэ[1]. Мы слишком часто основываем свои суждения на занимательных легендах и относимся равнодушно к тем полезным поучениям, которые можно извлечь из беспристрастного изучения прошлого, и слишком часто об этом прошлом нам случается читать страницы, искаженные и подтасованные сектантским или партийным духом. Агриппа заслуживает того, чтобы к нему и к его произведениям отнеслись вполне беспристрастно. История его жизни интересна с многих точек зрения: прежде всего, она рисует картину целой частной жизни писателя XVI века; затем, она доставляет ценные сведения о людях и событиях того времени, главным образом, о религиозных и политических вопросах начала Реформации; кроме того, она дает любопытные указания относительно развития оккультных наук в Западной Европе.

I

Почти все, кто писал об этом бродячем ученом, сообщают факты самые противоречивые. При жизни Агриппа пользовался двойной репутацией: образованные считали его человеком большой эрудиции, среди простонародья он слыл волшебником. Говорили, что он происходит из старинной, богатой и знатной семьи.

Старинной его семью нельзя назвать, так как сам автор не начертал своего родословного дерева, — чего также никто не сделал за него; что же касается богатства, то мы вправе думать, опираясь на вполне основательные доводы, почерпнутые из того неверного существования, которое почти исключительно выпало на долю Агриппы (его письма служат убедительным тому доказательством), что оно существовало лишь в воображении его биографов, слишком увлекшихся своим предметом; оспаривались, не без основания, и знатность его происхождения и титул «Неттесгеймский»[2].

---

[1] Раблэ, современник Агриппы, вывел его в своем «Пантагрюэле» в виде комического лица Her Trippa. *В. Б.*

[2] Auguste Prost (Corneille Agrippa. 2 vol. Paris, Champion, 1882. Vol. II, p. 434-436) справедливо доказывает неосновательность притязаний Агриппы на знатность происхождения. M. H. Morley (The life of H. C. Agrippa. London. 2 vol., 1856) говорит об аристократической семье Агриппы. *Авт.* Об этих книгах, как и о трудах, упоминаемых в следующих примечаниях, см. ниже очерк «Сочинения Агриппы». *В. Б.*

По словам Бейля[1], Тессье, ссылаясь на де Ту, утверждал, что Агриппа родился в Неттесгейме, деревне, находящейся к северу от Кельна, принадлежащей ныне к Нейсскому округу, в Дюссельдорфской провинции. Более ранний биограф Агриппы, Тевэ[2], который, между прочим, лишь доверчиво и добросовестно повторял россказни Павла Иовия[3], Мельхиора Адана и некоторых других, уверяет, что Генрих Корнелий Агриппа родился в городе Нестре. Тевэ полагал, вероятно, что пишет историческое исследование. Между тем, истину было легко восстановить по собственным указаниям Агриппы, если бы кто-нибудь справился с его перепиской. Он родился в Кёльне[4], где жили его предки, 14 сентября 1486 года. Его отрочество совпало с началом буйного и исполненного жизненных сил XVI века, обновительные веяния которого он вдохнул в себя при самом их появлении. Следуя традициям своей семьи, Агриппа должен был избрать военное поприще; мы имеем основание предполагать, что оно не было ему противно, вспомнив о превратностях его карьеры и о том воинственном настроении, которым были отмечены все периоды его жизни. Авантюристу по природе, Агриппе должны были нравиться те опасные, но соблазнительные приключения, которые ждали во время бесконечных переездов по всей Европе участников походов неутомимого Максимилиана I, отважного Франциска I или лукавого Карла V.

Так как предки Агриппы служили австрийскому императору, то было вполне естественно, что Агриппа, с самых юных лет, выступал в рядах этого государя. На основании подлинных документов можно догадываться, что те шесть лет (1501-1507), которые Агриппа прослужил в австрийской армии, прошли частью в Испании, частью в Италии, частью в Нидерландах. К сожалению, у нас нет никаких указаний на роль, которую он играл в течение этого первого периода своей жизни. На этот счет он сам отличается большой сдержанностью, нарушенной им лишь рассказом о том, что он был произведен в рыцари на поле битвы после некоего военного подвига[5]. Прослужил ли он в армии все это время беспрерывно, — подлежит сомнению, в виду того, что, оставляя в чине капитана службу у императора, он был уже подготовлен к защите диссертации на звание доктора медицины и «обоих» прав. В своих письмах он говорит об этом с некоторым хвастовством[1]. Он успел многое изучить, много попутешествовать, многое узнать.

---

[1] Dictionnaire Historique et Critique, 1697. Cf. Niceron, 6d. Briasson, Paris, 1732, t. XX, p. 104. *Авт.*

[2] Les vrais portraits et vies des hommes illustres, 1584. *Авт.*

[3] Pauli Iovii Novocomens’s, Elogia virorum litteris illustrium, 1577. *Авт.*

[4] Schelhornius в своих *Amenitates litterariae* (Leipz., 1737-38, t. II, p. 553) приписывает Агриппе бельгийское происхождение. *Авт.*

[5] «Humano sanguine sacratus» (т. е. «посвящен кровью»). *Epist.*, VI, 22; VII, 1. *Авт.*

[1] *Epist.*, II, 19; VI, 22; VII, 21. *Авт.*

II

В 1507 году Агриппа приезжает в Париж; но вскоре, за неимением средств, снова принужден вернуться в Кёльн. Между тем, Париж привлекал Агриппу, и он говорил об нем с сожалением, оставив в нем хорошие и прочные связи, которые ему удалось сохранить. Вернувшись в отчий дом, он занимается оккультными науками, бывшими тогда в моде. Он основывает даже кружок и с к а т е л е й, разветвления которого вскоре распространяются по всей Европе.

Снова призванный на службу императором в 1508 году, Агриппа появляется у подножия Пиренеев. Здесь приходится ему пережить странное приключение, обо всех перипетиях которого он охотно рассказывает потом разные подробности[2]. Во время своей военной деятельности, направленной к подавлению восстания крестьян, Агриппа прибегнул к военным снарядам своего собственного изобретения, применение которых наделало чудес: он и тогда занимался пиротехническими изобретениями, описанными им в особом трактате, которого он, по-видимому, не окончил и, во всяком случае, не напечатал. Среди опасностей, которым подвергался он во время этой экспедиции, он был обязан одному монаху спасением своей жизни. Впоследствии он был обязан другим монахам большею частью своих невзгод.

Весьма вероятно, что после этого похода Агриппа снова вернулся в свой родной город, где понакопил средств, чтобы возобновить свои странствия по свету. Испания и Италия влекли его к себе; он довольно долгое время жил в этих странах, но тайное предпочтение Агриппа питал к Франции. Судя по его письму к другу Ландольфу[3], в котором он упоминает о своем безрассудстве на войне, Агриппа добрался до Авиньона, где жил в обществе нескольких друзей, искавших, как и он, философский камень. Это письмо к Ландольфу помечено 9 февраля 1509 года; 5-го июня того же года, Агриппа появляется в Отене, в Сен-Симфорьенском аббатстве, где по-прежнему интересуется оккультными науками. В том же году, неизвестно какого числа, он поселяется в Доле, в Бургундии.

Тут ему впервые предоставлена кафедра и он выступает перед публикой. Тут также он начинает возбуждать против себя непрекращавшуюся затем ненависть монахов и особенно знаменитого Катилинэ. В ряде лекций, прочитанных перед возбужденной аудиторией, состоящей из всех просвещенных людей города, Агриппа предпринимает толкование сочинения

---

[2] *Epist.*, I, 2. *Авт.*
[3] *Epist.*, I, 10. *Авт.*

Иоанна Рейхлина: D e v e r b o m i r i f i c o[1]. Этот немецкий философ был более известен под именем К а п н и о н а, которым зовется собеседник-христианин в его диалоге и который, между прочим, является переводом на греческий язык корня собственного имени автора.

«Verbum mirificum» есть не что иное, как трактат по сравнительному изучению религий, доказывающий, что изо всех религий католицизм является формой, отвечающей наилучшим образом запросам и тайным исканиям человека. Но в этом произведении автор обнаружил большую свободу суждений, за которую он и подвергся преследованиям духовенства, в течение многих лет отравлявшим его существование. Во всяком случае, Агриппа комментировал эту книгу если не вполне компетентно, то весьма успешно. Он знал, что в этом почти дерзком выступлении его поддержит Маргарита Австрийская, правительница Нидерландов, благоволившая и покровительствовавшая ему. Этой же высокой поддержке он был обязан своим избранием профессором богословия в Коллегии того же города. Признательный за столько благодеяний, Агриппа решил написать книгу О п р е в о с х о д с т в е ж е н с к о г о п о л а н а д м у ж с к и м. Книга была уже в руках типографа, как вдруг монахи, которые были крайне возбуждены против Агриппы, сочли долгом вмешаться. Не существует никакого документа, который мог бы пролить свет на эту интересную борьбу; сохранилась только защитительная речь, опубликованная Агриппою и представляющая собою один из самых блестящих образцов, вышедших из-под пера этого своенравного писателя[2]. В этой защите монах Катилинэ весьма остроумно разбивается его же собственным оружием; Генрих Корнелис, сам вовсе не бывший образцом кротости, весьма ловко приводит своего противника, опираясь на Священное Писание, к смирению, кротости, к духу миролюбия и братства, которые должны быть неотъемлемыми добродетелями духовного лица. Подобная защита заслуживала восторженного оправдания. Но Агриппе не удалось выиграть этого дела и даже пришлось оставить поле сражения за противниками. Он удалился, оставшись под подозрением в ереси, которое с тех пор тяготело над ним всегда, несмотря на все его протесты. Такое подозрение было чрезвычайно важно в ту пору, когда Лютер и его единомышленники начинали насаждать как в Германии, так и во Франции раскол, наделавший впоследствии столько шума.

---

[1] Эта книга вышла между 1494 г. и 1552 г. в пяти изданиях, одно из которых, не помеченное никаким годом, напечатано готическим шрифтом. Она была переиздана в Базеле в 1587 г. в *Artis cabalisticae scriptores*, in-folio. Рейхлин родился в Пфорцгейме в 1455 г. и умер в Штуттгарте в 1522 г. Ср. Dr. Geiger, lohann Reuchlin, sien Leben und seine Werke, Лейпциг, 1871, стр. 488. *Авт.*

[2] Expostulate super expositione sua in librum de verbo mirifico cum Johanne Catilineto... Изложение это было написано Агриппою в 1510 г. в Лондоне, но напечатано только в 1529 г. в Антверпене. *Авт.*

III

Утверждая, что его призывает туда какое-то тайное дело, Агриппа отправился в 1510 году в Англию, где написал свои Толкования на послание апостола Павла.[1] Никто из писавших об Агриппе не нашел нужным выzснить подробности этой поездки. Даже Бейль, самый пылкий защитник Агриппы и самый верный его биограф, довольствуется упоминанием о том, что Агриппа остановился в Лондоне у «известного Жана Колэ» — собрата того самого Катилинэ, на которого он так яростно нападал в Генте, в присутствии Маргариты Австрийской. Сам Агриппа весьма сдержан во всем, что касается сведений, связанных с этим путешествием; не раз у этого причудливого бродяги встречаются умышленные недомолвки, которые, делая несколько загадочным его романтическое существование, тем самым освещают некоторые стороны характера этого хвастуна. Будучи врачом, законоведом, дипломатом, оратором, ученым, алхимиком и философом, Агриппа во всю свою жизнь не сумел отделаться от мундира и самохвальства того капитана, которым он был некоторое время. Несколько лет спустя, во Франции появился его подражатель, который носит не бесславное имя Сирано де Бержерак.

Как бы то ни было, пребывание Агриппы в Англии, у Жана Колэ, не было продолжительным, так как в том же 1510 году Агриппа снова появляется в Кёльне, где получает кафедру богословия[2]. Во время одного путешествия в Вюрцбург он завязывает дружеские сношения с аббатом Тритгеймом, изучавшим оккультные науки. Уже в то время эти жуткие и таинственные проблемы привлекали ум Агриппы, жаждущий новизны. Сближение с аббатом Тритгеймом побуждает его окончить произведение, начатое им давно, произведение, которое он не разработал бы так тщательно, если бы не советы его учителя и друга; я говорю об Оккультной философии, являющейся первой подлинной энциклопедией оккультизма[3].

---

[1] *Commentariola in epistolam Pauli ad Romanos.* Этот труд был начат в 1510 г. в Лондоне и остался незаконченным на VI гл. Он был затерян в Италии, в дни Мариньяно (во время войны французов с швейцарцами); в 1523 г. Агриппа нашел это произведение у одного из своих бывших учеников, но оно не дошло до нас. *Epist.*, III, 40, 41, 42. *Авт.*

[2] Агриппа не был доктором богословия, как он сам это говорит. *Opera omnia*, т. II, стр. 595: «Ego certe theologi nomen mihi arrogare non ausim» (Я не смею присваивать себе имени богослова). См. то же *Op.* II, 628 и *Epist.,* II, 19. В конце 1510 г. Агриппа выставляет свои тезисы для диспута в университете, в Кельне, Placita theologica quae quodlibeta dicuntur. *Авт.*

[3] Начатое около 1508 г., это произведение было напечатано только в 1531 г. частью в Париже, частью в Антверпене и лишь в 1533 г. появилось первое полное издание. У Иоанна Сотера появилось в том же 1533 г. два последовательных издания, в Кельне. *Авт.* Подробности об издании этой книги см. ниже. Недавно переиздан старинный французский перевод этого сочинения: La Phi-

Тут следует упомянуть о первой женитьбе Агриппы, в конце 1514 года, на молодой, красивой, богатой и преданной ему девушке, о которой он сам в своей переписке дает самые трогательные отзывы[1]. Вскоре после этого брака, Агриппа отправляется к Максимилиану в Италию, где мы опять теряем нить его жизни. То он в Милане, то в Бриндизи, то в Казале; он странствует из одного города в другой, ища сильных покровителей, которые раз навсегда вырвали бы его из того бедственного положения, на которое он жалуется с такой горечью. Кардинал де Сент-Круа берет его с собою на вселенский собор в Пизу. Этим Агриппе представляется, наконец, так долго ожидаемый случай применить, в наиболее подходящей к тому обстановке, свои способности. К несчастью, вселенский собор в Пизе, наделавший много шума и мало дела, принужден, в виду войны в Италии, отложить на неопределенное время рассмотрение предложенных на его решение вопросов. Разочарованному Агриппе снова приходится обратиться к профессуре за насущным хлебом, которым он не всегда мог располагать.

Написав о Гермесе Трисмегисте весьма интересное исследование, Агриппа прочел его публично в университете в Павии[2]. В Турине он получил кафедру богословия. Счастье начинало уже улыбаться Агриппе. Отрешившись от излишнего тщеславия, он мог бы рассчитывать на счастливую жизнь в Павии... Как вдруг неожиданно вновь разразилась война, и Агриппа был принужден бежать из города. Второпях ему пришлось даже оставить всю свою домашнюю утварь, обстановку... и также свои долги; дом его подвергся разгрому французской армии. К счастью для Агриппы, он предусмотрительно доверил своему другу, уроженцу Люцерна, Христофору Шиллингу, с которым познакомился в Ломбардии, свои книги и свои рукописи.

Впрочем, еще раньше битвы под Равенной Агриппа имел частые сношения с швейцарцами. У нас есть основания полагать, что именно на Агриппу было возложено поручение вести некоторые дипломатические переговоры. По крайней мере, римский прелат Энний, нунций Льва X, бывший, как и Агриппа, другом кардинала Шейнера и судьи Фалька, докладывал папе об услугах, оказанных Агриппою. В хвалебной папской грамоте, помеченной 1513 годом и подписанной кардиналом Бембо, его святейшество благодарит философа и посылает ему свое апостольское благословение.

---

losophie Occulte ou Magie de Henri Corneille Agrippe. Première traduction française complete. Bibliotheque Chacornac. 2 vol. Paris, 1910-1911. *В. Б.*

[1] *Epist.*, III, 33. *Авт.*

[2] *Oratio habita Paviae In praelectione Hermetis Trismegisti de potestate Dei* была прочтена в 1515 г. в университете города Павии, в присутствии Джованни Гонзага, маркграфа Мантуанского, как вступительная лекция к чтениям Агриппы о *Пимандре* Гермеса Трисмегиста. *Annotationes super Pimandrum* Агриппы (1516 г.) не дошли до лас. *Авт.*

IV

Из Казале, куда Агриппа скрылся с женой и ребенком, он переехал на короткое время в Милан, затем (так как Милан также был занят французами) снова появился в Меце, где его ждала новая судьба. Ему не суждено более было, во время его короткой карьеры, увидеть Италию.

В Мец Агриппа приехал вторично уже не в качестве беглеца. Если он и потерял, по его словам, в Италии и время и деньги, то все же успел завязать там многочисленные, оживленные и тесные знакомства, между прочим, с маркграфом Монферратским, с Вильгельмом Палеологом[1] и со многими другими выдающимися особами, как итальянцами, так и французами — духовными или политическими деятелями. Благодаря их рекомендациям Агриппа был назначен старшиной, адвокатом и оратором этой республики[2]; однако, при его неуживчивом характере, он не мог занимать продолжительное время эти должности.

В сочинениях Агриппы сохранилась для нас речь[3], произнесенная им перед властями города Меца, при вступлении на новые должности: он по-своему истолковывает обстоятельства, заставившие его принять эту службу. Скрывая, под пышной внешностью, то бедственное положение, в котором он находился, покидая Италию, он воздает скромную похвалу братьям Лоренсэнам, которые первыми обратили на него внимание жителей Меца и предоставили ему доходное место. Из переписки Агриппы[4] с обоими Лоренсэнами, Жаном — командором Св. Антония Риверийского в Пьемонте и Понтием — командором Св. Иоанна Мецского, мы узнаем, что эти переговоры начались в октябре 1517 года.

Разъезды, которые Агриппе часто приходилось делать, служа в Меце, а также близость Кёльна, дали ему возможность отправиться туда, чтобы повидаться со своей матерью, сестрой, друзьями[5] и обнять в последний раз своего старика-отца, который скончался в начале 1519 года; этим годом, по крайней мере, обозначено письмо, в котором упоминается об этом собы-

---

[1] Ему он посвятил в 1516 г. свой *Dialogus de homine Dei imagine* — трактат, также утерянный (*Opera*, II, стр. 717; *Epist.*, I, 51). То же посвящение стоит и на *Liber de triplici ratione cognoscendi Deum* (*Opera*, II, 480, *Epist.*, I, 52). В 1518 г. Агриппа послал герцогу Савойскому, не получив никакого ответа, свой *Orationis tomus in laudem serenissimi Ducis Sabaudiac* (*Opera*, II, 728). *Авт.*

[2] На жаловании в 120 ливров или 180 золотых флоринов, что равняется нынешним 3600 франкам. Коллегой Агриппы был Клод Шансоннет, пенсионер Меца. *Авт.*

[3] Opera II, 1090: *Oratio ad Metensium Dominos*. Кроме этого произведения, сохранились еще 3 других речи, с которыми выступал Агриппа в качестве оратора города Меца. *Авт.*

[4] *Epist.*, II, 4 и 9. *Авт.*

[5] *Epist.*, II, 15, 16. *Авт.*

тии; точной даты мы не знаем[1].Несмотря на преимущества своей новой должности, Агриппа не был особенно счастлив, так как по своим вкусам и привычкам он сделался настоящим итальянцем[2]. В Меце, где во главе правления стоял могущественный патрициат, приходилось вести суровый образ жизни. С другой стороны, Мец был городом, в котором монахи проявляли самую тираническую власть, так как им приходилось отстаивать свой излюбленный город от угрожавшего вторжения лютеранского учения. Поэтому прибытие Агриппы в феврале 1518 года они встретили весьма сухо, затаив свой гнев. Агриппе предшествовала его слава писателя-сатирика и свободомыслящего человека: его речи по поводу книги Рейхлина, бывшего в то время жертвой ожесточенных преследований в Германии, не могли не быть замеченными монахами, бдительность и ревнивое честолюбие которых были возбуждены грозной Реформацией, усиливавшейся с каждым днем. В сущности, они угадали опасного врага в Агриппе, на которого была возложена обязанность защищать против духовенства интересы жителей Меца.

Неизвестно, каково было первоначальное поведение новоназначенного синдика, но мы имеем основание предполагать, что он не замедлил обнаружить свой беспокойный и неуживчивый нрав, тем более, что вражда стала открытой и обеим партиям хотелось привлечь на свою сторону новоприбывшего, который стяжал себе известность силой и смелостью в делах полемики. Местные богословы старались установить, было ли у святой Анны три мужа и по одному ребенку от каждого из них, или же был у нее один муж и одна дочь. Подобно одному из своих друзей, Ле-Фэвр д'Этаплю, навлекшему на себя негодование монахов, Агриппа высказался за моногамию и его противники были побеждены в этом споре[3]. Это было первой победой Агриппы в его новой партии. Но вскоре ему пришлось выступить на совершенно ином поприще.

Из борьбы с ересью Агриппа вышел победителем; ему предстояло показать себя в процессе о колдовстве. Зная запальчивость Агриппы, его противники справедливо надеялись, что он неосторожно попадется в какую-нибудь ловко расставленную западню. Обвинение в колдовстве вело прямо на костер. Жертвой, на которую пал в 1519 г. выбор, была одна старуха из дерев-

---

[1] *Epist*. II, 19. *Prost* II, 470. *Авт.*

[2] *Epist*. III, 15. *Авт*. Друг пишет Агриппе, что познакомился с одним человеком, который восхвалял ему необыкновенные дарования одного ученого. Когда же корреспондент Агриппы спросил, как имя этого ученого, новый знакомый отвечал: «Это — Агриппа, по происхождению — из Кельна, по воспитанию — итальянец». *В. Б.*

[3] *Opera*, II, 588-693. Агриппа написал два полемических сочинения по этому вопросу. Жак Ле-Фэвр д'Этапль был профессором философии в коллегии кардинала Лемуана с 1493 по 1507 г.; в 1516 г. он был назначен главным викарием епископа города Мо, Брисоннэ, который приблизил его к себе еще в Лодэве, в 1507 г. *Авт.*

ни Войпи (Woippy)[1], бывшей тогда как бы предместьем Меца. Старуха обвинялась в ереси доминиканцем Николаем Савини, великим инквизитором. Повод к обвинению был весьма щекотлив. Мать бедной старухи была в свое время сожжена по обвинению в ведовстве. Чтобы составить себе понятие о том, как Агриппа защищал обвиняемых, которых ему от всей души хотелось вырвать из когтей Инквизиции, нужно прочесть его 38-е, 39-е и 40-е письмо II-ой книги. Вся неукротимая ненависть, питаемая автором к монахам, выливается здесь в эпитетах, отличающихся невероятной резкостью и силой. Там встречаются строчки, которые, даже будучи выхвачены отдельно, представляют собою великолепные картины жизни, и несомненно большим мужеством должно было обладать Агриппе, чтобы выступить на бой, держа перо вместо шпаги, со своими опасными противниками. Мы видим тут снова солдата имперских войн, и нетрудно вообразить себе ужас доминиканцев, познакомившихся с подобным воином.

Тем не менее, первое ходатайство Агриппы не имело желанного успеха у главного викария Меца. Дело в том, что своим запросом он поднял юридический вопрос, который отсрочивал интерес самого спора. Но благодаря своей ловкости, своей приверженности к свободе вероисповеданий и энергии своей защиты, Агриппе в конце концов удалось восторжествовать. В великолепной латинской странице он изливает перед своим другом, Клодом Шансоннеттом, всю свою злобу на притеснения монахов[2]. Но известно, и

---

[1] Деревня близ Меца, в которой историки средних веков отмечают многочисленные проявления ведовства. См. René Paquet. Histoire du village de Woippy. 1878. *Авт.*

[2] Вот как описывает Агриппа, в этом письме, начало всего дела: «Ночью, гнусная шайка крестьян, возбужденных вином и излишествами, злоумышляя против этой женщины, ворвалась в ее дом. По своей личной воле, без судебного постановления, без соблюдения юридических норм, они бросили ее в тюрьму... С наступлением дня восьмеро из этих негодяев выступают как обвинители...» Далее Агриппа рассказывает, что местные власти отдали эту женщину в руки ее обвинителям, которые в течение нескольких дней всячески ее мучили, пока ее не перевели вновь в тюрьму, где ее томили голодом и жаждой. Когда начался судебный разбор дела, против обвиняемой не могли привести иных улик, кроме того, что ее мать была колдуньей. «По совету, — пишет Агриппа, — разжиревшего, тучного брата-инквизитора, человека крайне жестокого, и на основании какой-то глупой книжонки, которую, как говорят сочинил он сам, женщину подвергают допросу под пыткой». Агриппа указывает, что преступление другого (в данном случае — матери) не может служить уликой. Ему возражают, что у всех колдуний есть обычай посвящать своих детей дьяволу. Тогда Агриппа приводит такой довод: «Вы, значит, не признаете спасительного таинства крещения, очищающего от грехов? Если женщина и была посвящена матерью дьяволу, то святое крещение очистило ее. Не верить в это — значит впадать в ересь!» Такими схоластическими доводами пришлось бороться Агриппе и, в конце концов, его настойчивость, его диалектика и сила его мысли восторжествовали. Бедная женщина, которая, конечно, ничем не могла отблагодарить своего бескорыстного защитника, хотя и истерзанная пыткой, была спасена, по крайней мере от костра. См. Epist. II, 38, 40 и др. *В. Б.*

Агриппе не впервые пришлось в этом убедиться, что нельзя безнаказанно восстановлять против себя гнев непримиримых врагов.

V

В конце 1519 года Агриппа объявляет одному из своих друзей о своем отъезде из Меца, не объясняя причин такого решения, но обещая впоследствии рассказать все подробности. По словам Агриппы, он сам добился этого разрешения от своего начальства. Следует предположить, что жизнь в Меце сделалась для Агриппы невыносимой. Он уехал оттуда со своей женой и со своим ребенком, и у нас имеется одно его письмо от 19 февраля 1520 года из Кёльна и другое, от 12-го марта того же года, к его другу Жану Рожье, известному под именем Бреннона, бывшему священником в приходе Святого Креста в Меце[1]; Агриппа в этом последнем письме просит посылать ему в Кёльн, куда он снова вернулся, известия о том, как ведут себя его враги[2] в его отсутствии. В конце письма Агриппа просит передать свой привет некоторым из своих друзей: Тильману, Шателэну, Мериану, Мишо, врагам — Рено и Фризону, нотариусу Баккара, часовых дел мастеру Тириону, книгопродавцу Жаку и другим. Эти мелочи показывают, до какой степени Агриппа умел обеспечить себе симпатию тех, с кем сближался, когда ему не приходилось иметь дело с монахами. Его переписка с Рожэ Бренноном тянется в продолжение двух лет, не без перерывов, о которых следует искренне сожалеть. В этих письмах часто попадается имя Шателэна, по поводу одного дела, заботливо поручаемого им Бреннону, касающегося, очевидно, каких-нибудь открытий в области химии, которые Агриппа и его ученики старались сохранить в тайне. Если рассматривать деятельность Агриппы с этой стороны, становится ясно, до какой степени мало были знакомы с ним Павел Иовий, Тевэ, Дельрио и подобные им биографы.

---

[1] Этого Бреннона (Brennonius) надо отличать от другого друга Агриппы, которого он называет сходным именем Бруннона (Brunnonius). Настоящее имя Бреннона было Jean Rogier, Rougier или Rougière. Настоящее имя Бруннона, который именовал себя «artium et medicinae doctor», — Jehan Bruno или Brunon de Pontigny или de Niedbruck. *В. Б.*

[2] Николь Русэ, член Парэгии; Клод Друэн, писатель; Николай Савини, инквизитор в Меце; Клод Сапини, доминиканец, настоятель монастыря Братьев проповедников; францисканец Доминик Дофин; Николай Оричи, францисканец; протоиерей Реньо и Жан Леонар, консисторский судья при дворе епископа. Но Агриппа был в дурных отношениях не со всеми монахами; в одном из многочисленных монастырей Меца, в Целестинском, в котором процветали науки, ему был оказан благосклонный прием, и там он встретил в Клоде Дьедоннэ, монахе-целестинце, истинного друга, восторженного последователя и поклонника; переписка между Агриппою и К. Дьедоне (Deodatus) заключает в себе 12 писем (1518-1521 гг.). *Авт.*

Что делает Агриппа в Кёльне? Судя по письмам, он кажется счастливым и беспрестанно предлагает Бреннону приехать навестить его, в его маленьком домике, где все улыбается, где все счастливо и где добряк Бреннон встретит самый радушный прием. Но в Кёльне также идут религиозные споры. Искушение слишком велико для Агриппы. Нападают на Рейхлина, его учителя, на того Капниона, который уже был причиной стольких неприятностей для Агриппы; он еще раз выступает на его защиту с новой страстностью и в конце концов ему приходится переселиться из Кёльна в Женеву.

Вначале у Агриппы не было намерения остаться в Женеве надолго; он надеялся, что, для переездки в Шамбери, герцог Савойский назначит ему обещанный пенсион[1], в ожидании которого Агриппа проживал в Женеве, терпя такую нужду, что не имел даже денег, необходимых на переезд из Женевы в Шамбери. К бедности присоединялось одиночество: жена Агриппы умерла в Меце, куда он заехал по дороге из Кёльна в Женеву, и это, быть может, послужило одной из главных причин, заставивших его отказаться от борьбы. В ряде писем того времени Агриппа говорит о здоровье своей жены в самых трогательных выражениях; но нет ни одного письма, относящегося к печальному событию, облекшему его в траур. Это весьма понятно: ведь в самом Меце он был окружен друзьями, которых в ином случае он не преминул бы уведомить о своей утрате.

Нам неизвестно имя этой женщины; мы знаем только, что она была уроженка Павии, что Агриппа женился на ней в конце 1514 года. В 1518 году она последовала за своим мужем в Мец, где обращала на себя внимание миловидностью и эксцентричностью своего костюма; это мы знаем по рассказам Филиппа де Виньёля, знавшего ее[2]. Бреннон схоронил ее в своей церкви Святого Креста в Меце; Агриппа благоговейно чтил память усопшей[3], молясь в годовщину ее смерти за упокой ее души. С 21 марта 1521 года по число, приближающееся к 26-му июня, произошли, судя по переписке[4], и отъезд Агриппы из Кёльна, и его трагическое временное пребывание в Меце, и его прибытие в Швейцарию и его поселение в Женеве, куда он привез с собой своего сына Теодорика, родившегося, вероятно, в Италии в начале

[1] Или же место герцогского врача: *Epist*, III, 24, 29, 30. За несколько месяцев перед этим Агриппа писал из Кельна Бреннону: «Я собираюсь провести здесь еще этот год, но на будущий год рассчитываю перебраться в Савою». *Авт.*

[2] Huguenin. Chronique de la ville de Metz, p. 756. *Авт.* Агриппа, говоря о своей первой жене, называет ее virginem nobilem bene moratam (Epist., II, 19), но нет причин понимать первое выражение буквально, в смысле знатности происхождения, — вероятно, оно употреблено в смысле духовного благородства. *В. Б.*

[3] В письмах Агриппы рассеяны восторженные похвалы его первой жене; он почтил ее память также некоторыми богоугодными деяниями. *Epist*., II, 19; IV, 20, 27 и др. *Авт.*

[4] *Epist*., Ill, 6 и 7; I, 47; II, 57. *Авт.*

1515 года, след которого теряется около 1522 года[1].

VI

Вдовство Агриппы продолжалось всего один год, так как вскоре он вступил во второй брак с уроженкой Женевы, Жанной-Луизой Тисси, юность, красоту, кротость, преданность и благородное происхождение которой Агриппа воспевает с таким же лиризмом, с которым он отзывался о своей первой жене. Жанна-Луиза родилась 9 сентября 1503 года; женился на ней Агриппа в Женеве 17 сентября 1521 года. Впоследствии Агриппа произнес торжественное надгробное слово на смерть своей новой подруги[2].

От этого брака родилось шестеро детей, из которых старший, Гэмон, родившийся в 1522 году в Женеве, был крестником оффициала[3] Евстахия Шапюи[4], ставшего вскоре посланником Карла Пятого при дворе Генриха VIII, и никогда не прекращавшего деятельной переписки с Агриппой[5]. Прожив в Женеве месяцев 18 или 20, Агриппа переехал во Фрейбург в начале 1523 г.; тут он провел год в качестве городского врача, получая 127 ливров в год, один мюйд пшена, бочку Лавосского вина и бесплатное помещение[6].

Почему же Агриппа покинул Женеву? Он жил там только в надежде на то, что герцог Савойский исполнит данное им обещание и назначит Агриппе ежегодное содержание. Чтобы достигнуть этой цели, он обратился к помощи своих самых могущественных друзей, Евстахия Шапюи, оффициала епископа Савойского, аббата Бонмонта, бывшего Женевским епископом, и принца де Люсянж; все они деятельно содействовали достижению надежд Агриппы. Но, несмотря на все их усилия, они потерпели неудачу благодаря систематическому противодействию городского канцлера, не хотевшего ничего слышать об Агриппе, так как был, без сомнения, восстановлен против

---

[1] Орсье называет первого сына Агриппы Теодориком. Надо сказать, что у нас нет прямых доказательств, что таково было его имя. Мнение, что первого сына Агриппы звали Теодориком, основано, по-видимому, на неправильном понимании одного места в переписке Агриппы (*Epist.*, II, 57; см. Prost. II, 454). *В. Б.*

[2] *Epist.*, Ill, 60; V, 81, 82, 83, 84, 85. *Авт.*

[3] Судья в духовных судах. *В. Б.*

[4] Оффициал Женевского епископства до 1523 г.; затем советник герцога Савойского; потом в 1527 г. докладчик имперском Совете, и наконец, с 1529 по 1546, посланник в Англии. Он был крестным отцом маленького Гэмона Агриппы. *Авт.*

[5] Переписка между Шапюи и Агриппой состоит из 15 писем. *Epist. fam.* III, 21, 28, 38, 39, 49, 58, 63, 68, 74, 76, 78; VI, 19, 20, 29, 33. *Авт.*

[6] В архиве города Фрейбурга от 1523-24 г. еще сохраняются счета городского казначея, в которых упоминается имя Агриппы. См. также *Manuel du Conseil*, № 40. *Авт.*

него врагами, которых тот себе нажил вспыльчивостью своего характера и резкостью своего пера. Впрочем, распутать нить этой придворной интриги нелегко, и мы просто последуем за Агриппой во Фрейбург, куда он неожиданно переехал, нигде не указывая, как он покинул Женеву и кем он был отозван.

Во Фрейбурге Агриппа, оставивший сына своего Гэмона на попечение Евстахия Шапюи, занимается медицинской практикой и живет вместе со своей женой в сравнительном достатке. О религиозных спорах нет более и помина и, кажется, что счастье, выпавшее на его долю, неожиданно смягчило неуживчивый характер бывшего капитана императора Максимилиана и пиренейского искателя приключений. Отдавшись всецело жене, друзьям и науке, Агриппа переживает полосу спокойствия, не забрасывая, впрочем, своего главного — творчества[1].

Сторонники оккультных наук пишут Агриппе со всех сторон как учителю или как гению, которому одному доступна истина, и духовенство приписывает немало колдунов школе Агриппы. Его письма и страницы его О к к у л ь т н о й ф и л о с о ф и и переписываются теми и другими и с жадностью прочитываются среди монастырского безмолвия. Оставаясь бесстрастным, величественным и сдержанным, Агриппа хранит ключ от своей тайны и доверяет его лишь тем из посвященных, которых считает достойными столь торжественного откровения[2].

Несмотря на довольство и на безмятежное счастье, какими Агриппа пользуется в Фрейбурге[3], его влекут к новым приключениям[4] потребность в переменах и тщеславное желание предоставить более достойное поприще своему таланту; его пребывание в этом городе было еще более кратковременным, чем в Женеве, так как 9 июля 1523 года прошение об отставке на-

---

[1] Вслед за Гэмоном у Агриппы родилась во Фрейбурге дочь, умершая ребенком 20 авг. 1524 г. (Epist. Ill, 60); затем четверо сыновей: в Лионе — Генрих, в 1524 г., крестный сын Henri Bohler, Лионского сенешаля (Epist. Ill, 60), в Лионе же — Иоганн, в июле 1525 г., крестный сын Лоррэнского кардинала (Epist. Ill, 76, 79), и еще двое, имен которых мы не знаем, один в Лионе, в 1527 г., другой в Антверпене, 13 марта 1527 г. (Epist. IV, 43; V, 7, 55, 67, 68). Мы знаем, что в 1528 г. у Агриппы было в живых только четыре сына. *В. Б.*

[2] Об отношениях Агриппы к магии см. наше предисловие. *В. Б.*

[3] Судя по словам одного из писем Агриппы к Шапюи (Epist., III, 38) можно подумать, что этот последний содействовал назначению Агриппы врачом города Фрейбурга. Письмо это от 20 марта 1523. *Авт.*

[4] *Epist.*, III, 55, 56 и 57. Его друзьями в Фрейбурге были нотариус Палланш, «a r c a n a r u m r e r u m m a g n u s i n d a g a t o r» (*Epist*, III, 42); главный певчий церкви Св. Николая Иоанн Ваннемахер, музыкальный композитор; Иоганн Рейф, судья Грансона и казначей республики; Фома де Гирфак и др. Из Фрейбурга Агриппа обменивается письмами с Клодом Шансоннеттом, жившим в Базеле, с Шапюи, бывшим в Женеве, с Христофором Шиллингом — в Люцерне и с Клодом Бланшрозом, бывшим городским врачом на жалованье в Аннеси, опубликовавшим свою *Терапевтику* в Лионе в 1531 г. *Авт.*

шего кочевника-врача из Кельна было принято Малым Советом. Но между Агриппой и фрейбургскими властями сохранились наилучшие отношения, так как постановлением от 8 февраля 1524 года, вынесенным за несколько дней до его отъезда, ему было выдано шесть флоринов на путевые издержки. Агриппа продлил еще на шесть месяцев свое пребывание во Фрейбурге, отказавшись от должности врача для бедных и занимаясь вольной медицинской практикой[1]. При подобных же обстоятельствах, несколько лет спустя, Раблэ обнаружил подобную же беззастенчивость; с той разницей только, что, удалившись без отпуска, он получил отказ от должности от заведующих городской больницей 5 марта 1534 года[2]. Уезжая из Фрейбурга, Агриппа оставил там друзей, о которых мог жалеть. В первом его письме, написанном из Лиона 3 мая 1524 года, после разлуки с этими друзьями, попадаются следующие строки: «apud Friburgum insuper perpetuos reliqui mihi amicos», т. е.: «во Фрейбурге я оставил также много друзей».

Он сохранил память об них.

VII

Уже с давних пор Агриппу влекло к Франции: он провел в ней некоторое время в молодости, учась в Парижском университете, который он покинул с сожалением, так же как и своих многочисленных парижских друзей. В Лионе у него также были друзья, питавшие к нему безграничное уважение и особенно заботливо прославившие его как опытного врача, вследствие чего его приезд в Лион встретил радушнейший прием. Если бы двор находился в Париже, Агриппа, без сомнения, направился бы туда, так как ему крайне хотелось выдвинуться и похвалиться своими разносторонними познаниями; но ввиду того, что двор пребывал в то время в Лионе, он поехал в этот город. В Лион Агриппа прибыл 2 или 3 мая 1524 г. в то самое время, когда Франциск I был облечен в траур по рыцаре Баярде, только что убитом имперцами при Романьяно[3]. Дела короля находились в это время далеко не в цветущем состоянии, и гордому Кельнскому бродяге пришлось вынести на себе отголоски превратностей королевской судьбы. Я приведу следующие характерные места из одного из его писем к Шапюи, помеченного Лионом, 3 мая 1524 года:

---

[1] Как мы видели выше, Агриппа не имел официального права на медицинскую практику. *В. Б.*

[2] *Epist.*, III, 41. *Авт.*

[3] 30 апреля 1524 г. *Авт.*

«Через самые разнообразные случайности, через величайшие бедствия, мы добрались, однако, до Лиона, где я наслаждаюсь близостью со старыми друзьями; в этом городе, где мне открывается множество благоприятных случаев, я начинаю наконец добиваться почета, славы и счастья. Во Фрейбурге я оставил также много друзей, которых никогда не забуду. Между прочим, я ожидаю посланного от короля, который выдаст мне золотом мое вознаграждение; и я уже получил от его казначея несколько золотых на свое устройство... Сына Гэмона, оставшегося у вас, поручаю твоим заботам... Прошу тебя также позаботиться о известных тебе моих картинах (tabulae illae meae), так как скоро я пошлю тебе денег, чтобы выкупить их и послать мне»[1].

Казалось, что Агриппа, в самом деле, добился лучшего положения. Будучи представлен ко французскому двору Симфорьеном Бюллью, уроженцем Лиона, бывшим в то время епископом в Базасе[2], он был назначен лекарем вдовствующей королевы и завел знакомство с Жаном Перреалем, королевским живописцем, с Денисом Тюрэном, Гийомом Копом и Андре Врио, королевскими медиками, с о. Жаном де ла Грэв, францисканцем монастыря Св. Бонавентуры в Лионе, и, наконец, с Жаном Шапелэном, который был, как и сам Агриппа, врачом Луизы Савойской и к которому он до конца питал самые дружественные чувства.

Для Агриппы звание врача вдовствующей королевы было лишь званием, под которым таилось другое. Мать Франциска I была, как и все женщины, живущие роскошью и страстью, доверчива и суеверна: она, несомненно, не могла не знать об отношении своего нового лекаря к магии, а для гадателей около нее была благодарная почва. Известно, до какой степени вдовствующая королева вмешивалась в политику; известно также, за что был повешен Самблаксэ. Агриппе весьма мало приходилось заботиться о здоровье Луизы Савойской, чувствовавшей себя превосходно. Но она настойчиво требовала от него, чтобы он предсказывал успехи ее сына, воевавшего под Павией с Бурбоном.

В одном письме к Шапюи, от 21 мая 1525 г., Агриппа признается, «что у него есть многое, что сказать о текущих событиях, но что этого ему нельзя

---

[1] *Epist.*, III, 58. *Авт.*

[2] 1480-1533. Он был епископом в Гландеве (1509), в Базасе (1515) и в Суассоне (1528); но главным образом ему поручались дипломатические миссии. Он был назначен губернатором Милана Людовиком XII, затем был послан к Юлию II, чтобы уладить какие-то осложнения; принимал участие во вселенских соборах, бывших в Пизе и Латеране. Франциск I поручил Бюллью руководить двумя съездами, созванными для решения вопроса о Коннетабле и об условиях Мадридского мира. Агриппа находился в частой переписке с этим прелатом (*Epist.*, IV, 9, 14, 15, 22, 24, 31, 39, 47, 49, 53, 66, 69, 74, все эти письма относятся к 1526 г.) и посвятил ему свою *De hortatio gentilis theologiae* в 1526 г. *Авт.*

сделать с тех пор, как он имеет доступ на тайные совещания государыни...» Агриппа с инстинктивным отвращением играл ту роль колдуна, которую Луиза навязывала ему. Он искал лучшего применения тех способностей, которыми наградила его природа, и отказывался (если верить его письмам), несмотря на обращаемые к нему просьбы, предсказывать судьбу по звездам или другими способами разным лицам при дворе, хотя бы то был король, герцог или принц[1]. Такая независимость характера не очень нравилась вдовствующей королеве, тем более, что Агриппа, как она знала, не обнаружил такой несговорчивости по отношению к Коннетаблю.

Здесь нужно заметить, чтобы определить точнее характер бродячего ученого, что у Агриппы не было ни политического энтузиазма, ни патриотизма, ни щепетильности. Стоило только предложить ему те почести, которых он постоянно жаждал, и деньги, которых ему никогда не хватало, как он был готов заниматься любым делом и служить любой партии; но он не любил, чтобы его принимали за гадателя[2]. Он не был ни немцем, ни швейцарцем, ни фламандцем, ни французом, ни испанцем; он был всем сразу, судя по стороне, откуда дул ветер удачи. Да и не был ли XVI век полон подобными искателями приключений, которым слово «родина» было совершенно чуждо? Продавались услуги, способности, храбрость и даже добродетель тому или иному владыке по мере того, как на них подымалась цена. Тому, кто больше платил, и служили лучше. Луиза Савойская не платила; что касается до Франциска I, то он был занят иными делами, так как перед ним стоял самый упорный из всех врагов, которых когда-либо имел король Франции, — Карл V.

VIII

Что касается Коннетабля Бурбонского, то поступить к нему на службу Агриппу уже уговаривали, когда он был во Фрейбурге, его друзья, бывшие на стороне императора. Агриппа сам склонялся к тому, чтобы стать союзником Карла V, покинув Франциска I; но все же он отказался от предложений, сделанных ему в то время. Быть может, он находил их слишком скромными; быть может, он ожидал большего от французского двора. Разочарования, постигшие его при Луизе Савойской и при короле, ее сыне, заставили Агриппу прислушаться к иным предложениям.

---

[1] *Epist.*, III, 68. *Авт.*

[2] Сам Агриппа называл себя «магом» (magus qui sum), но под магией разумел не искусство гадания, а особое философское учение о тайнах вселенной. *В. Б.*

В письмах к своим друзьям он предсказал Коннетаблю[1] несколько успешных дел, которые тот выполнил без труда. Таким образом, одной ногой он стоял в одном лагере, другой — в другом. С какой бы точки зрения ни смотреть на поведение Агриппы, по справедливости, его нельзя оправдать: однако, кое-какие извинения ему можно подыскать: тщеславный, крайне раздражительный, постоянно живший, как кочевник, без прочных корней в какой бы то ни было стране, вращаясь в той среде, где самые постыдные измены охотно принимались за ошибки, вызванные обманутым честолюбием, или за месть, когда оказанные услуги оплачивались неблагодарностью или презрением, — Агриппа должен был тем острее чувствовать оказываемую ему несправедливость и то равнодушие, с каким встречались его жалобы, его угрозы и даже его добровольное унижение. Да и не был ли он, в конце концов, немцем; следовательно, переходя на сторону Карла, он не изменял своей родине.

Для того, чтобы правильно судить о людях, не следует вырывать их из их эпохи. Тот век, в котором они живут, образует вокруг них как бы непреодолимую раму. Но по всему видно, что автор «Сокровенной философии» был довольно справедливо оценен вдовствующей королевой, вскоре ставшей Регентшей: весьма скоро она ограничилась по отношению к непокорному гадателю лишь тем, что чисто по-женски возненавидела его. Агриппу не обвинили в том, что он гадал Коннетаблю[2]: настаивали лишь на том, что он отказывался гадать Луизе Савойской.

Но и женская ненависть — вещь не пустячная; кельнский доктор, который не захотел стать колдуном, но который многое дал бы за то, чтобы глубже проникнуть в королевскую политику, убедился в этом на горьком опыте. В виде утешения в его разочарованиях у него оставались его реторты, но королева Луиза доходила до того в своем пренебрежении к нему, что не давала ему даже разводить огонь в печах. И тщетно, дабы умилостивить ее, он посвятил принцессе Маргарите свое небольшое opusculum «О таинстве брака»[3]. Это риторическое изложение далеко не понравилось приближенным принцессы, что видно из писем, написанных по этому поводу Шапелэном[4] Агриппе. Его враги не замедлили воспользоваться этим для того,

---

[1] Утверждают, что сношения Агриппы с Коннетаблем начались в 1523 г.; но точной датой надо считать 1524 год, когда Агриппе были впервые переданы предложения Бурбона (см. *Epist.*, IV, 53, 62, 65; VII, 21). Письмо Агриппы к Христофору Шиллингу от 1523 г. ничего не доказывает (*Epist.*, III, 40). *Авт.*

[2] *Epist.*, V, 4 и 6. *Авт.*

[3] Напечатано в Лионе, в 1526 г. *Авт.* Это первое печатное сочинение Агриппы, крохотная книжка, в 36 стр.; латинский текст сопровождается французским переводом, сделанным самим автором. Последнее обстоятельство дает некоторый повод французским ученым считать Агриппу писателем французским. *В. Б.*

[4] Epist., III, 2. Ср. *Herminjard*, т. I, стр. 427. Переписка Агриппы с Жаном Шапелэном состоит из 54 писем, из которых 12 принадлежат Шапелену. *Авт.*

чтобы оклеветать его перед Маргаритой в принадлежности к партии Бурбона. После этого Агриппа лишился могучей поддержки принцессы, и, оставшись без всякой помощи, впал в крайнюю нищету. Его письма того времени поочередно проникнуты то гордостью, то униженностью, смотря по тому, исполнен ли он надежд или чувствует всю горечь разочарований.

В довершение несчастий, вдовствующая королева покидает Лион в сопровождении своей дочери и большей части придворных, и отправляется к испанской границе, навстречу сыну. Несчастный Агриппа получает тогда приказание не трогаться с места[1]. Однако, чтобы эта немилость не получила слишком резкого толкования, Агриппе дали понять, что в скором времени он будет переведен в другой французский город, где ему будет дана возможность показать свои таланты. Что же касается до вознаграждения, следуемого ему за бытность медиком вдовствующей королевы, и до пенсии, обещанной Франциском I, то об этом не было сказано ни слова. Тем не менее, жить было надо. Лучшие друзья Агриппы, будучи людьми несостоятельными, могли быть ему полезными лишь в очень скромных размерах. А между тем, врачу приходилось поневоле держаться известного образа жизни, у него были жена, дети и довольно многочисленная челядь. Что было делать Агриппе, чтобы покрыть все эти расходы?

Бурбонская партия предлагала Агриппе службу у себя; но он не допускал мысли, что его отношения с французским двором кончены, и не осмеливался еще открыто изменить Франциску. Агриппа отважился только послать Бурбону свои предсказания, но сделал это так неосторожно, что их сношения ни для кого не остались тайной. Агриппа оправдывался от обвинения в измене более энергично, нежели искренно; в доказательство неправдоподобности своего вероломства, он ссылался на ту услугу, которую он будто бы оказал королю, помешав 4000 пехотинцам, которыми командовал его родственник, Илленс де Гролэ[2], перейти на сторону неприятеля. Во многих из своих писем Агриппа намекает на предложения бурбонцев и говорит, что «примет их, если его доведут до этого».

Между тем, Коннетабль по-прежнему шел от успеха к успеху и уже готовился к осаде Рима. Так как это должно было стать событием решительным в жизни этого мятежника, то он счел нужным посоветоваться с гадателями. Он обратился именно к Агриппе. Агриппа ответил ему с торжественной уверенностью, что бесстрашному завоевателю будет довольно затрубить в трубы, — чтобы пали стены Вечного Города[3]. Но предсказатель упу-

---

[1] Таким образом, Агриппа не сопровождал Регентшу в ее путешествии в Байонну, навстречу Франциску I, который тогда был освобожден из плена (18 марта 1526 г.). Но Шапелэн состоял в числе королевской свиты. *Авт.*

[2] См. заметку Charvet в *Revue Savoisienne,* 1874 г., стр. 85-88. *Авт.*

[3] *Epist.*, V, 4 и 6. Агриппа 30 марта 1527 г. предсказал успех Коннетаблю, а 6-го мая Коннетабль уже погиб при осаде Рима. *Авт.*

стил одно важное обстоятельство, именно то, что Коннетабль будет при взятии города убит. Впрочем, предсказывать такие вещи было не особенно удобно, что, конечно, не должно было ускользнуть от прозорливости философа. Без всякого сомнения, услуги Агриппы по отношении к Бурбону не были бескорыстными, и он, конечно, получал кое-что от щедрот Бурбона; но Агриппа никогда не упоминает ни о чем подобном в своих письмах, и если он и получал вспомоществования с этой стороны, то их не было достаточно, чтобы привести в порядок его дела.

То был самый подходящий случай для Агриппы применить свои алхимические познания, чтобы превращать в золото неблагородные металлы и открыть, наконец, философский камень, который он искал сам и заставлял искать своих приверженцев во всей Европе. Но даже оккультные знания оказались бессильны перед нуждой. Отложив в сторону реторты и перегонные кубы, не оправдавшие его ожиданий, Агриппа обратился к мольбам, чтобы добиться насущного хлеба, говоря, «что ему нужен всего лишь один день для того, чтобы обратить его в драгоценнейший из металлов»[1]. Эта борьба Агриппы с казначеями и королевскими плательщиками не лишена характерности для своего времени. Она показывает нам, в каком странном состоянии находились в то время финансы, как ими управляли и, в то же время, как обращались придворные банкиры со своими должниками.

IX

Вдовствующая королева, уезжая из Лиона, взяла с собой, в своей свите, большую часть придворных, и среди них Шапелэна, близкого друга Агриппы. Шапелэн, при каждом подходящем случае, напоминает об Агриппе; он неутомимо восхваляет достоинства своего забытого друга, говорит об оказанных им услугах, о его даровании писателя, о его преданности вдовствующей королеве и принцессе Маргарите; иногда его выслушивают, но все обещания, какие ему дают, оказываются пустыми словами. Похоже на то, что при дворе стараются отделаться от усердного предстателя, обещая ему на словах все, что он просит; сам Шапелэн, отдавая Агриппе отчет о своих попытках и настойчивых стараниях, не скрывает от него, что переговоры затянутся надолго в силу непостоянства Луизы Савойской[2]. Король, которому дело было доложено, решил, что Агриппе следует уплатить. Дают знать казначеям, что они в скором времени получат об этом приказ; но приказ так и не был дан, и философ, обманутый в своих надеждах, доведен был до по-

[1] *Epist.*, IV, 56. Ср. V, 3. *Авт.*
[2] Ср. *Epist.*, IV, 54, 75; V, 3, 7. *Авт.*

следней крайности. Весьма вероятно, что Агриппа получал кое-какие подарки от Коннетабля, но несомненно, что он многое и часто получал от Евстахия Шапюи, своего знаменитого друга, который, как политический агент Карла V, пользовался Агриппой для получения некоторых дипломатических сведений. Но деньги таяли в руках Агриппы; чтобы покрыть свои расходы, ему приходилось прибегать к медицинской практике, так как, по словам близко знавшего его Жана Вира[1], «он не переставал вести жизнь расточительную». Кроме того, родственник Агриппы Гийом Фюрбити, лионский сенешал Анри Сойе и его собрат Шапелэн, не считая других влиятельных лиц, не покидали Агриппу в его затруднительном положении.

Агриппа вместе с Шапелэном продолжал добиваться своего жалованья. При дворе не переставали давать обещания и в то же время не переставали откладывать решительный ответ. Была минута, когда Агриппа мог думать, что достиг своей цели: интендант Баргуэн, питавший к Агриппе глубокое уважение и вообще расположенный ко всем писателям, написал в Лион казначею Мартэну де Труа, чтобы тот уплатил следуемое. Более того, подлинным приказом вдовствующей королевы было объявлено, что должно поторопиться с решением этого дела. Уведомленный Шапелэном, Агриппа отправляется к Мартэну де Труа, но тот ссылается на то, что не получил никакого приказа. Несколько дней спустя Пьер Сала, офицер королевской службы и родственник Базасского епископа, доставляет Агриппе письмо, в котором прелат утверждает, что королевой был дан Мартэну де Труа приказ об уплате. Этот последний, под влиянием новых настояний философа, сознается, что им, на самом деле, получен приказ — выдать деньги некоторым людям, но что имя Агриппы в списке не упомянуто. После этого Агриппа получает из Ангулема известие, что деньги ему выдаст другой королевский казначей, Антуан Бюллбу. Этот чиновник находится в отлучке, но Агриппа находит на его месте брата его Томаса; тот говорит, что у него есть кое-какие бумаги, в которых, быть может, и упоминается об Агриппе, но что он должен пересмотреть их. На следующий день Агриппа приходит вновь, в сопровождении своего друга Адемара де Боже; Томас Бюллбу выходит через другую дверь и куда-то исчезает, заставляя обоих посетителей напрасно ждать его в течение многих часов. Письмо, написанное Агриппой Шапелэну по этому поводу, исполнено горестной сдержанности: он еще не смеет дать волю своему гневу.

Среди всех этих денежных забот, Агриппа не покидает научных занятий; если он на время прерывает свою переписку и как бы забывает и Шапелэна, и епископа Базасского, своих усердных покровителей, то лишь для того, чтобы побеседовать с Рожэ Бренноном, Клодом Шансоннеттом, Ле Фэвр д'Этаплем и другими старыми и верными друзьями. В письмах к ним, он

---

[1] О И. Вире см. ниже наше примечание к гл. XIII, стр. 86. *В. Б.*

не касается пошлых жизненных тревог; речь идет исключительно о дорогой для всех них науке и о надеждах, основанных на чудесных открытиях алхимии[1]. Между тем, прошло три недели, а жалованье все не было уплачено. Агриппа пишет новое письмо Шапелэну: он доведен до того, что соглашается, «если это нужно», стать астрологом, гадателем, кудесником принцессы Маргариты; теперь у него есть все, что нужно, чтобы стать превосходным гадателем. Порыв гнева вдохновляет его; он словно воссел на треножник, словно отдался во власть фурий-прорицательниц: так измучено его сердце, так он возбужден гнетущими его несчастиями. И он, действительно, принимается за прорицания: он шлет принцессе свои предсказания, уверяя, что они безошибочны, но просит в то же время Шапелэна похлопотать, «чтобы он избавил его от этой позорной чепухи, от этих пустяков, от этих шуток».

Это письмо попало в руки принцессы, но она далеко не была им удовлетворена. Шапелэн сообщил об этом Агриппе и, в том же письме, предложил ему написать для «христианнейшего короля» трактат, разбирающий какой-нибудь вопрос христианства, обещая поднести этот трактат королю через епископа Базасского. Агриппа ничего не ответил на это предложение. У него было немало других забот. Заболела его жена и он опасается, что эта болезнь перейдет в перемежающуюся лихорадку. Тем не менее, он послал еще одно письмо Шапелэну[2]; последний луч надежды виделся ему в добром к нему расположении казначея Баргуэна, о чем сообщал ему один из его друзей. Агриппе было уже ясно, что принцесса не хочет более слышать о нем; он говорит, что не особенно о том сожалеет и даже радуется, что избавился от занятий астрологией, которые мучили его совесть.

Среди всех этих тревог, Агриппа нашел все же возможность, кроме работ, названных выше, написать ряд прекрасных страниц для своего основного труда: «О недостоверности и тщете наук и искусств». Агриппа не посвятил этого своего труда королю, так как, по его словам (в письме к Шапелэну), он нашел покровителя более достойного и лучшего ценителя своего таланта. В этом письме к Шапелэну от 5 февраля 1527 года (1527 год Агриппа целиком провел еще в Лионе) мы читаем следующие строки: «Когда людьми я был покинут, ко мне явился ангел Божий, извлекший

---

[1] После немилости, в которую он впал, Агриппа понемногу пришел в себя и дух его постепенно окреп: в 1527 году он свободно трактует о наиболее сложных вопросах науки (*Epist.*, IV, 55, 60, 61, 70, 71; V, 2), особенно в области физики и физиологии; он освещает также весьма своеобразно некоторые стороны истории в вопросе о происхождении народов, главным образом, французов и германцев, подробно и искусно разбирая относящиеся сюда источники; как и всегда, он обнаруживает при этом поразительную эрудицию. *Epist.*, IV, 55, 72; V, 1, 11. *Авт.*

[2] *Epist.*, V, 22, 23. Письмо Шапелэна к Агриппе и его ответ. *Авт.*

меня из пасти Ада и давший мне увидеть вновь свет Неба. Это тот самый человек, безмерно добрый, о котором я тебе уже говорил. Благодаря ему, я в настоящее время не нуждаюсь ни в чем»[1].

Кто же он, этот ангел? Что это за неожиданная помощь? Можно предположить, что Агриппа намекает в своем письме на того богатого генуэзца, А у г у с т и н о Ф о р н а р и, о котором он уже в сентябре 1526 года говорит как о человеке, заслужившем его признательность[2]; это был крупный торговец из Генуи, имевший торговые отделения в Лионе и в Антверпене и покровительствовавший писателям. Его брат, Томас, сопровождал его в путешествиях[3], а его двоюродный брат, Николай, жил постоянно в Антверпене[4]. Среди друзей Форнари были — Аврелий д'Аквапенденте, монах из монастыря августинцев в Антверпене, Дом Лука, секретарь и Дом Бернард де Палтринериис, майордом кардинала-легата Лаврентия Кампеджи; эти трое были также друзьями Агриппы. Этот Форнари не был чужд изучению оккультных наук, из которых он надеялся извлечь пользу, и брал у философа книги для чтения. Впоследствии, будучи в Регенсбурге, он просил сохранить для него два экземпляра «О к к у л ь т н ой ф и л о с о ф и и» после ее появления в печати[5]. Несомненно, что этот генуэзский меценат много содействовал решению, принятому в 1527 году Агриппою — покинуть Францию и поселиться в Антверпене.

X

Проживая в Лионе, Агриппа занимался то «П и р о м а х и е й», то важными изобретениями военных снарядов «еще доселе невиданных», то архитектурными постройками. Несомненно, что Агриппа, посылая Шапелэну свое письмо от 5 февраля, имел в виду не только своего корреспондента, но и короля. Агриппа надеялся, что это его письмо разделит участь двух предыдущих, т. е. что оно попадет в королевские руки[6].

---

[1] *Epist.*, IV, 44. Надо заметить, что Агриппа, избегая дороговизны гостиниц, пользовался в этом году гостеприимством в епископском доме, близ монастыря августинцев. Туда он и просил (*Epis*t., V, 12) адресовать ему тайные послания. *Авт.*

[2] *Epist.*,V, 3. Ср. VII, 22. *Авт.*

[3] *Epist.*,VII, 10, 23. Авг. Форнари постоянно разъезжал между Генуей, Лионом и Антверпеном. *В. Б.*

[4] *Epist.*, V, 63. Ср. VII, 2, 7, 21. Этот Николай, в письме от 17 окт. 1527 г. торопит Агриппу, бывшего еще во Франции, приехать в Антверпен. *Авт.* A. Prost склонен думать, что этому Николаю адресовано также письмо Агриппы от 17 октября 1527 г. Но тогда надо предположить, что Агриппа не знал о родстве Николая с Форнари (A. Prost, Op. cit., II, 491). *В. Б.*

[5] *Epist.*, VII, 10. Ср. VIII, 2, 7, 15, 22. Их переписка продолжалась в течение нескольких лет. *Авт.*

[6] *Epist.*,V, 3. *В. Б.*

Агриппа (как мы видим из этого письма) не прекращает своих посещений казначея Бюллью, но выносит из них прежние разочарования. В каждом письме он пишет, что Бюллью кормит его одними буллами (игра слов). Шапелэну удалось, в конце концов, увидаться с королевой, но, к его сожалению, он может передать одни лишь дурные известия своему другу. К тому же, Луиза Савойская хворает ревматизмом, который лишает ее сна, «она кричит ночи напролет»; одним словом, у нее, говоря современным языком, «расстроены нервы» и время совершенно не подходит к тому, чтобы ей напоминали о человеке, которого она терпеть не может. Теперь не только нет речи о том, чтобы выдать Агриппе недоплаченное содержание, но недалеко то время, когда Агриппу официально лишат его жалования. Что касается причин такой немилости, то Шапелэн отзывается незнанием. Естественно, что такие известия возбуждают сильный гнев в Агриппе и, в ответном письме к Шапелэну, он требует, чтобы был назначен какой-нибудь суд. Пусть его, Агриппу, осудят, если он виноват, но пусть его оправдают, если он не сделал ничего дурного. Неизвестность слишком мучительна для него, он не может более выносить ее. Он знает, что создал себе врагов среди придворных, но он скорее гордится враждою подобных людей, расположения которых он никогда не заискивал. «Я не умею льстить», — гордо говорит он.

Ответ на это письмо не заставил себя ждать.

В следующем месяце, в октябре, Агриппа был в церкви Св. Иоанна, когда какой-то человек, одушевленный, по-видимому, наилучшими намерениями, подошел к нему и таинственно объявил, что видел имя его вычеркнутым из канцелярского реестра, т. е. из списка королевских пенсионеров. «Без труда узнаю в этом», — горестно пишет наш философ, — «обычные приемы королей и королев!» Затем он с горьким удовольствием распространяется о своих никем не признанных достоинствах, о подобострастии и лукавстве придворных. Далее, как бы примирившись со своей участью, пишет: «Ну, что же! Я поступлю, как путешественник, ограбленный разбойниками: я буду петь! Теперь, когда я потерял все, я по крайней мере никем не буду стеснен говорить и писать то, что я хочу».

Несмотря на то, Агриппа, по совету епископа Базасского, делает последнюю попытку обратиться к вдовствующей королеве; но он сам не верит в удачу и с покорностью пишет своим друзьям: «Раз вы этого хотите, я согласен; но я первый буду изумлен, если моя просьба будет иметь успех».

Прошение, действительно, в течение долгого времени оставалось без ответа. Но вот неожиданно Шапелэн получает от Агриппы следующую ликующую записку: «Привет, мой дорогой друг, трижды и четырежды привет! Прощайте, князья, прощайте, короли, прощайте, Нины, прощайте, Семирамиды, прощай, вся эта власть имущая бесчестность! Благословен Гос-

подь! Мы стали богачами, если только правдива басня»[1]. Дело идет о крупинке золота, доставленного Агриппе одним его другом, которого он именует «язычником» (vir quidem gentilitius). Друзья поместили в реторту с длинным горлышком, которую они старательно подогревали, некоторое количество «женского золота». Результат алхимического опыта был таков, что Агриппа был уверен получать в будущем груды золота, благодаря которым он станет богаче самого Мидаса: само собою разумеется, добавляет Агриппа, что Шапелэн получит свою долю[2].

Увы! вся эта тревога оказалась фальшивой. Агриппе скоро пришлось вернуться к скромной действительности, только еще более измученным.

Что надо заключить из этого случая? Должно ли говорить о наивном легковерии Агриппы или правильнее сослаться на ту упрямую веру в возможность превращения одного металла в другой, которая брала свое начало в источниках гностических, вавилонских и египетских, которая находила свое подтверждение у алхимиков всех времен и стран[3] и проходила через все писания и изыскания Средних Веков?[4] Эта обманчивая надежда на превращение металлов поддерживалась неточностью прежних познаний и опиралась на неоспоримые доказательства того, что металлы могут подвергаться неопределенному ряду химических преобразований, ни начала, ни конца которых нельзя было установить. Мечта алхимиков продержалась почти до конца XVIII века; поэтому не приходится изумляться на надежды Агриппы, всецело проникнутого средневековыми воззрениями на могущество химии.

Но можно сделать и другую гипотезу, которая будет хорошо согласовываться с тем, что говорили раньше об изобретательном уме Агриппы. Можно предположить, что он ловко пустил в ход поразительную новость, надеясь, в глубине души, сломить апатию короля и возбудить алчность его матери. Во всяком случае, безумная надежда Агриппы на богатство, основан-

---

[1] *Epist.*, IV, 56. *Авт.* Перевод этого характерного письма у Орсье крайне волен. Мы сочли нужным перевести письмо с латинского и приводим здесь подлинные выражения Агриппы: «Salve, mi amicissime Capellane, et ter quaterque salve. Valeant principes, valeant reges, valeant Nini, valeant Semiramides, valeat omnis robusta improbitas. Benedictus Dominus. Divites fact! sumus, modo vera sit fabula». *В. Б.*

[2] Ibid. *Авт.*

[3] В Парижской Национальной Библиотеке, под № 2327, хранится любопытный греческий манускрипт, — собрание 27 трактатов по алхимии, принадлежащих перу писателей разных эпох и разных периодов. Трактаты разделены на три группы: мифические, апокрифические и исторические. Остан-Маг (сочинение которого отнесено ко второй группе) выставляет такие аксиомы: «Природа любуется на природу». — «Природа властвует над природой». — «Природа торжествует над природой». *Авт.* Заметим, что новейшие открытия в области естественных наук делают некоторые мечты алхимиков менее неправдоподобными, нежели они казались несколько десятилетий ранее. *В. Б.*

[4] См. Василия Валентина (XV в.) и др. *Авт.*

ная на идее философского камня (или алхимического порошка) была решительно обманута. Раскаленная реторта ревниво хранила свою непроницаемую тайну, и Агриппа должен был снова вернуться к братьям Бюллбу, которые не питали к нему злобы за его враждебность к ним.

И сам Томас, сыгравший с Агриппой дурную шутку, лично ничего не имел против несчастного философа; он от души рекомендовал его Верану Шаленда, бывшему в то время городским сборщиком податей в Лионе. В ожидании результатов этой рекомендации, Агриппа считает своим долгом послать Шапелэну свое оправдание. Это пространное изложение не дает ничего нового: Агриппа говорит, что не служил Коннетаблю[1] и в страстных выражениях напоминает о прежних услугах, оказанных как им самим, так и его родственниками, Илленсами, из которых один был убит, а другой опасно ранен в битве при Павии. Что касается королевы-матери, то она вызывает в Агриппе нечестивые воспоминания о Иезавели, Гофолии и Семирамиде. Что сталось бы с Агриппою, если бы и это письмо попало в руки Луизы Савойской?

XI

Наконец, счастье улыбнулось Агриппе, но и эту улыбку он получил не даром; Агриппа купил ее ценою не очень добросовестной комедии. Жена офицера Петра Сала была однажды в гостях у Бюллбу, которым она доводилась двоюродной сестрой; казначей показал ей несколько писем, касавшихся дела Агриппы, к которому она относилась с сочувствием; она завладела ими и передала их своему любимцу. Среди этих бумаг была расписка в получении вознаграждения разными придворными, в том числе Робертом де Ко и Людовиком Фароном. Вне себя от гнева, Томас Бюллбу грозит Агриппе, что не даст ему получить ни обола из того, что ему следует, если он не вернет похищенных бумаг. Агриппа не уступает и с своей стороны угрожает, что перешлет письма королеве, если не будут исполнены те распоряжения, заключающиеся в них, которые касаются его, Агриппы. Пусть королева узнает, какова честность тех казначеев, которым она доверяет столь ответственное дело! Поразмыслив в продолжение четырех дней, Бюллбу, наконец, уступает, но он приготовляет нечто вроде расписки и требует, чтобы Агриппа расписался на ней в присутствии двух нотариусов. Из этого возникает крупный спор между казначеем и Агриппою, кончающийся полной уплатой следуемых денег. Каждый из них очень поздно возвращается

---

[1] *Epist.*, IV, 62. *Авт.*

домой, — Бюлльу «с о с в о и м и б у л л а м и и а м п у л а м и», Агриппа с деньгами, которые он шутя называет «п о с м е р т н ы м и».

Итак, все устроилось по желанию философа, и, когда Шапелэн вскоре сообщил ему о возвращении двора в Лион, Агриппа снова был полон надежд на будущее. Франциск I должен был прибыть в Лион, чтобы выполнить обет, данный им в плену, — приложиться, во время торжественного паломничества, к плащанице в Шамбери. К несчастью, денег, только что полученных Агриппою, достало лишь на очень короткое время: он должен был уплатить старые долги и купить много вещей по хозяйству; дни нужды скоро вернулись. Во время этого нового безденежья, Бурбон вновь делает ему предложение — занять видную должность в его войсках; Агриппа отклоняет предложение, говоря, что «теперь он хочет жить мирно среди своих книг на лоне семьи». Коннетабль настаивает; Агриппа повторяет свой отказ, но в душе он на стороне принца, которому предсказывает победы. Известно, каковы это были победы под стенами Рима 6 мая 1527 года[1].

Агриппа обратился тогда к Шапелэну с просьбой повидать королеву и попросить ее освободить его от присяги: то была единственная причина, удерживавшая его в Лионе[2]. Кроме того, ему нужен был пропуск: Агриппа собирался ехать за ним в Париж и уже готовился к отъезду. Он писал одному из своих друзей, бенедиктинцу, что через несколько дней отправляется в путь со всей семьей и со всем имуществом, сначала в Париж, а оттуда в Антверпен, куда призывают его верные друзья. Он получил приветливые письма от Аврелия д'Аквепенденте и от Августино Форнари; власти Антверпена обещали ему широкое гостеприимство и хорошо оплачиваемое место.

Вероятно, благодаря поддержке влиятельных лиц, не подозревавших его лицемерия, Агриппа покидает Лион 6 декабря 1527 года, прожив в нем 3 года. Он спускается вниз по Луаре до Бриара, где им назначено свидание его другу-бенедиктинцу. Все предосторожности приняты. Два письма, написанные в библейском стиле, посланы отсюда Агриппою: одно Аврелию д'Аквапенденте, другое Августино Форнари, его покровителям. Двенадцать дней спустя, Агриппа приезжает в Жиен. Из этого города, из гостиницы «Трех Королей», он пишет письмо своему другу-бенедиктинцу, с которым не встретился в Бриаре, назначая ему новое свидание в местечке Сен-Мартэн, возле Монтаржиса, в трактире «Золотого Пресса», где он думает расположиться для отдыха дня на два или на три. 20-го следующего декабря, переправив предварительно через Лотарингию свою библиотеку к Августино, Агриппа прибывает в Париж, откуда переписывается с Шапелэном в январе, мае и июне 1528 года, сдерживая, впрочем, едкость своего пера. Он отправляет

---

[1] Коннетабль Т. де Бурбон был в этот день убит. Как известно, Бенвенуто Челлини приписывал себе честь меткого выстрела, сразившего Бурбона. *Авт.*

[2] Письмо от 17 июля 1527 г. *Epist.*, V, 9. Ср. V, 10, 13, 22. *Авт.*

также письмо Луизе Савойской, но не получает никакого ответа: Шапелэн уверяет его, что еще не все потеряно, что он еще может вернуть себе милость королевы-матери, если поручит хлопотать за себя епископу Бургскому и сенешалю[1].

Французский канцлер, хорошо расположенный к Агриппе, дает ему понять, что за его новую службу, в случае необходимости, он будет платить ему из своих личных средств, но Агриппа, по личному опыту знакомый с «галльской хитростью», не «хочет дать себя обмануть еще раз»[2]. Он требует только одного: пропуска; он полагает, что королева-мать не чужда всем этим последним задержкам, что, в сущности, она оскорблена его отъездом и что во всех этих отсрочках и в проволочках по выдаче ему пропуска — повинно лишь одно: желание королевы заставить его переменить намерение[3]. Более того, из Германии прибыл вызванный ею знаменитый маг: это, по мнению Агриппы — военная хитрость, которой хотят задеть его всем известную обидчивость и ревность, противопоставив ему собрата. Королева-мать находится в Сен-Жермэне, Агриппа — в Париже; дни проходят и расходы все текут. Когда же удастся ему выбраться оттуда? Этого он не знает... В ожидании, он занимается медицинской практикой, чтобы жить, и зарабатывает этим кое-какие деньги, но, как он сам говорит, ему «едва хватает на покрытие ежедневных расходов». Взоры его постоянно обращены в сторону Антверпена. Там его ждет мир, счастье, может быть, — богатство.

XII

Агриппа мучительно ждет почти целых четыре месяца. Наконец, 23 февраля 1528 года, он получает от короля пропуск, годный на 6 месяцев и на 10 человек[4]. Несмотря на это, он не покоен: «некому будет защищать его от воров». Ему нужна также охранная грамота от герцога Вандомского, войска которого расположены на границах[5], и паспорт — от Маргариты Австрийской, регентши Нидерландов. Одолев, наконец, все эти препятствия, Агриппа видит перед собой новые. По его словам, «он попал из Харибды в Сцил-

[1] *Epist.*, V, 22. *Авт.*

[2] Письмо помечено 1 января 1528 г., из Парижа. (*Epist.*, V, 23) Агриппа был в Париже с 20 декабря 1527 г. *Epist.*, V, 20 и 24. *Авт.*

[3] *Epist.*, V, 23, 24, 25, 27 и 28. *Авт.*

[4] *Epist.*, V, 39, 43, 45. *Авт.*

[5] *Epist.*, V, 43. Письмо к Шапелэну от 6 мая 1528 г. Герцог Вандомский, которому представили прошение Агриппы о пропуске, объявил, что он никогда не подпишется на бумаге, на которой стоит имя Агриппы. (См. письмо Агриппы к Оронцию Финэ. *Epist.*, V, 30). Неизвестно, получил ли Агриппа от герцога litterae dimissoriae. См. Epist., V, 35, 36. Авт.

лу». Теперь, когда у него есть возможность путешествовать, у него нет больше денег. Узнав по опыту то, что он называет глупостью князей, Агриппа с горечью убеждается в неблагодарности друга; судя по негодованию Агриппы, можно подумать, что этот близкий человек, оставшийся таковым лишь до черного дня, был одним из тех, на которых имеют безусловное право рассчитывать во всех трудных обстоятельствах жизни. В отчаянии Агриппа обращается к Аврелию д'Аквапенденте, затем к Августино Форнари и красноречиво излагает им свое положение, которое было столь же бедственным, сколь и невыносимым: если они не придут ему на помощь, он погиб[1]. Его новые попытки обратиться к герцогу Вандомскому остаются столь же бесплодными, как и первые; его письма не доходят даже по назначению. Но события не позволяют медлить: Агриппа узнал, что королева-мать и принцесса Маргарита порешили уничтожить его. И вот он уезжает тайно, ночью, оставив в Париже жену, детей и имущество, и направляется в Антверпен[2], куда и прибывает 23 июля 1528 г.

Первое письмо Агриппы из Антверпена адресовано Аврелию д'Аквапенденте; Агриппа пишет, что ждет его к себе в первый же день по приезде, не желая, чтобы кто бы то ни было узнал о его прибытии раньше, чем он переговорит с Аврелием. Это весьма короткая записка, посланная второпях. Второе письмо Агриппы — к Шапелэну: оно исполнено ликования и в то же время неистовых проклятий. Королеву-мать Агриппа отныне называет не иначе, как Иезавелью; он призывает псов, которые должны ее растерзать. Но, быть может, Агриппа слишком поторопился радоваться. Он ждет Аврелия д'Аквапенденте, но тот вовсе не стремится посетить его так поспешно, как того желает Агриппа. Тогда снова возобновляются жалобы Агриппы; его впечатлительное существо снова охватывают страх и предчувствия бед. Неожиданно Агриппа получает письмо от своего родственника, Ги Фюрбити, которому он поручил в Париже, в час своего поспешного отъезда, жену и детей[3]. Истинная скорбь овладевает Агриппой, когда он узнает, что жена его захворала. Надо отдать справедливость Агриппе, что каждый раз, как он упоминает об этой преданной подруге своей жизни, Жанне-Луизе Тисси, своей второй жене, он находит выражения глубоко

[1] В начале января 1528 г., первые 12 дней жизни в гостинице, обошлись ему, по его словам, около 20 золотых крон; он поместился в гостинице Святой Варвары, на улице де Ла-Гарп. Форнари в это время путешествовал неизвестно где; тем не менее, Агриппа написал ему наудачу. В конце концов он приютился в монастыре кармелитов, из которого послано его последнее парижское письмо от 16 июля 1528 г. *Epist.*, V, 27, 28, 38, 43-48. *Авт.*

[2] *Epist.*, V, 50 и 51. *Авт.*

[3] Доминиканец Ги Фюрбити вел диспут с Фарлеем в Женеве и был монахом в монастыре Монмелиан, близ Шамбери. *Авт.*

трогательные[1].

Обремененный всякого рода делами, находясь в постоянной переписке с друзьями, беспокоясь о своем многочисленном семействе, с которым он разлучен, о любимой жене, здоровье которой пошатнулось, беспрестанно преследуемый кредиторами и беспрестанно осаждаемый учениками, обращающимися к нему с разными вопросами, Агриппа, тем не менее, работает так усердно, что заканчивает книгу, составленную в Лионе, «О недостоверности и тщете наук и искусств». Книга эта вскоре должна появиться в печати и стать для Агриппы источником как новых мук, так и новой чести. Действительно, в течение 1528 года, проведенного Агриппою в Антверпене, появилось впервые это странное произведение, которое в одно и то же время было сигналом освобождения человеческого ума и свободной критики и вызовом, брошенным человеческому рассудку[2].

---

[1] Поэт Гипарий Бертольф и Аврелий д'Аквапенденте посвятили по латинскому стихотворению ее красоте и ее любви (Agr. Opera Omnia, II, 1151). До нас дошло также письмо Бортольфа, помеченное Базелем, 11 ноября 1523 г., в котором он говорит еще об общем стихотворении, написанном им два года тому назад, когда впервые он получил доступ в семью Агриппы. Это письмо кончается так: «Во время обtда у нас зашла длинная беседа о тебе (т. е. об Агриппе), очень утонченная, одна из тех, которые столь нравятся господину Эразму; в ней блистательно восхвалялись, в твое отсутствие, твои редкие достоинства. Присутствовали: твой друг Клод Шансоннетт (Claudius Cantiuncula), Филиберт де Люсенж (Ph. a Lucingia) и великий философ Томас Зегер и многие другие». *Epist.*, III, 44. *Авт.*

[2] Книга «De incertitundine et vanitate scientiarum et artium atque excelentia Verbi Dei declamatio» была написана Агриппою в Лионе в 1526 г., напечатана в Антверпене в 1530 г. (привилегия Карла V помечена «Малин 12 января 1529 г.», по старому стилю), в формате малого in 4°, издана Иоганном Графеем (Joan. Grapheus). Это первое, не урезанное, издание большинству библиографов осталось неизвестно. В нем 170 ненумерованных стр., с знаками *А. Т.* На последней странице помещена гравюра на дереве, изображающая Милосердие. Сочинение посвящено Августино Форнари. *Авт.* Первое издание вышло в сентябре 1530 г.; в январе 1531 г. появилось уже второе издание книги (без означения места печатания), in 8°, напечатанное, вероятно, в Кельне «apud Eucharium Agripinatem», in 8°, и тогда же, т. е. в самом начале 1531 г., — третье, без означения места издания и имени издателя, напечатанное, вероятно, в Антверпене, и четвертое, с пометой «Parisiis apud Sorbonam, opera et impensa Joannis Petri, anno 1531, mense februario», in 8°. К тому же 1531 г. относятся издания — пятое, «Coloniae» M. N. (т. е. Melchior Novesianus) excudebat», in 8°, и шестое, без имени издателя, «Apud florentissimam Antverpiam». В 1532 г. появилось два издания этой книги, оба без имени издателя и обозначения места издания, — седьмое, изданное, вероятно, в Кельне, «Anno 1532, mense januario, in 8°, и восьмое, изданное, вероятно, в Париже, «Anno 1532, mense septembri,» in 8°. Известны еще два издания этой книги, не помеченные никакой датой, вышедшие, по-видимому, при жизни Агриппы, — девятое, изданное, вероятно, в Антверпене, in 8°, и десятое, изданное, вероятно, в Париже in 8°. После смерти Агриппы книга продолжала переиздаваться, и за время с 1536 по 1714 г. известно около 20 ее новых изданий. Вскоре после смерти Агриппы появились и переводы этого его сочинения на иностранные языки: итальянские в 1547, 1549, 1552 гг., английские в 1569, 1575, 1596, 1676, 1694 гг., французские в 1582, 1603, 1605, 1608, 1617 и др., голландские в 1651, 1661 гг., немецкий в 1713 г. В XVIII веке появился и русский перевод этого сочинения Агриппы. *В. Б.*

Добавим, что, несмотря на все усилия Агриппы, его денежное положение не улучшалось и ему лишь тяжелой ценой беспрерывных хлопот, молений и просьб удается собрать небольшую сумму, необходимую на переезд его семьи из Парижа в Антверпен.

XIII

Как знаменитый врач, Агриппа в июне и в июле 1529 года был несколько раз приглашен к больным в Лувэн и Малин; во время этих поездок он поддерживал деятельную переписку с Жаном Виром, своим учеником и человеком, близким к его семье[1]. По этим письмам видно, с каким нетерпением скова жаждет Агриппа скорее оказаться вновь близ своей жены, своих детей, своих слуг и своих собак[2].

Тут Агриппа появляется в совершенно новом нам свете; этот неукротимый памфлетист, живший столь буйной внешней жизнью, умел ценить простые и здоровые удовольствия семейного круга. Говоря поэтическим

---

[1] Доктор медицины Жан Вир родился в 1515 г. в Граве-на-Мезе и умер в 1588 г. Его сочинения изданы в одном томе in 4°, более чем в 1.000 стр., в Амстердаме в 1660 г. *Авт.* Жан Вир (Иоганн или Ганс Вейер) — один из замечательнейших людей своего времени. Его главное сочинение «De prestigiis daemonum et incantationibus ac veneficiis», Базель 1563 (появившееся уже в 1579 г. во французском переводе под заглавием «Histoires, disputes et discours des illusions et impostures des diables») направлено против преследования ведьм, весьма распространенного в его эпоху. Вир старался доказать своим современникам, что ведьмы — не более, как больные женщины, принимающие бред своего расстроенного воображения за сцены полета на шабаш и за сношения с дьяволом. Учеником Агриппы Вир был еще в очень молодых годах (в 1533 г., т. е. лет 18). Вир сам рассказывает, что однажды, — будучи, конечно, убежден, как большинство, что его учитель занимается заклинанием демонов, — похитил тайно у Агриппы «Сте<га>нографию» Тритгейма и списал оттуда формулы заклинаний. Орсье называет Вира «familier» Агриппы, передавая так латинское слово «famulus». Вероятно, этим словом означалось положение среднее между положением ученика и слуги, которое обычно занимали ученики выдающихся людей того времени, жившие в их доме, входившие в их семью и не гнушавшиеся иной «черной» работы по дому. Таково, вероятно, было и положение «учеников» в доме Леонардо да Винчи. Сам Вир называл Агриппу «olim hospes et praeceptor», т. е. «некогда хозяин дома, где я жил, и мой учитель». *В. Б.*

[2] Письма, которыми обменивались в это время Агриппа и его домашние, оставшиеся в Антверпене, дают возможность бросить любопытный взгляд на его домашнюю обстановку: подобные картины частной жизни попадаются редко в старинных документах. *Epist.*, V, 72-78. *Авт.* Семья Агриппы, по-видимому, состояла тогда из двенадцати человек: Агриппа, его жена, четверо детей, служанка Мария (pedissequa), четверо слуг (servuli или servi) и мальчик (puer cursor, «казачок»); под названием слуг, надо полагать, скрывались именно у ч е н и к и, хотя бы уже потому, что Агриппа вел с ними переписку на латинском языке; имена (вернее, прозвища) этих слуг нам известны: Геркулес, Аврелий, Августин, Эммануэль; позже к ним присоединился Жан Вир. К членам семьи принадлежали еще собаки, которых Агриппа очень любил. В 1529 г. у него их было пять: Tarot, Franza, Muza, Ciccionus, Balassa. См. *Epist.*, V, 43, 76, 77 и др. *В. Б.*

языком, уместным в этом случае, можно сказать, что в этих письмах перед нами открывается краешек неба, которое до сих пор над Агриппой все было задернуто мрачными тучами, и нашему удивленному взору буйный философ является в неожиданном облике доброго семьянина. Агриппа — кроткий и мирный, любящий муж и заботливый отец, — какое странное видение!

Но безжалостный Рок остается к Агриппе коварным и жестоким. Именно в эти дни Агриппе суждено потерять жену и двоих из своих детей.

В Антверпене появилась чума. Жанна-Луиза пала одной из ее первых жертв. У нас есть письмо Агриппы об этом несчастье, обращенное к Ги Фюрбити, — поразительное по силе и красноречиво-страстное излияние скорби[1]. Агриппа рисует глубоко трогательный портрет покойной, и нельзя не подумать, что было в нем самом, вероятно, что-то привлекательное, что-то в высокой степени благородное, — наряду со всеми его великими недостатками, — если его любило такое нежное, такое светлое создание...

Августинский монах, Аврелий д'Аквапенденте, доктор теологии, написал на смерть Жанны-Луизы латинское стихотворение[2]:

Многие славили раньше красу Марии-Луизы
  Дивную: (боги ее дали, Агриппа, тебе)
Или в стихах воспевали ее стыдливость. Паллада
  «Мудрая, — молвила ей, — долго, Луиза, живи!»
Кто не захочет теперь воспеть ее ум, ее скромность,
  Знатность рода ее и благородство души?
Слишком ты, Парка, была, о! слишком жестокой, что смела
  Вырвать у смертных людей этот божественный лик!
Боги бессмертные, вы сохраните душу Луизы,
  Ибо амброзия ей, ибо ей нéктар к лицу!

За письмом, посланным Агриппою Фюрбити, последовали два других: одно, адресованное Аврелию, другое Шапепэну; оба эти письма преиспол-

---

[1] *Epist.*, V, 81. Жанна-Луиза умерла 17 августа 1529 г., в Антверпене; тогда же умерли несколько человек из «слуг» Агриппы. Краткое известие о болезни жены Агриппа получил в городе Малин (*Epist.*, V, 78); он тотчас бросился в Антверпен, но уже не мог спасти жене. Смерть жены повлияла на то, что Агриппа вскоре совершенно отказался от медицинской практики, которой занимался семь лет. Он принял тогда предложение Нидерландского двора. *Авт.* Вот, между прочим, что писал Агриппа Фюрбити: «О, если бы, мой дорогой друг, я мог бы не сообщать тебе, не должен был бы тебе сообщать известия печальные, горестные, тяжкие!.. Я весь погиб, я убит, я потерялся (perii totus, occidi, perditus sum). Я потерял то, что было единственным утешением моей жизни, сладостным облегчением моих трудов, мою горячо любимую жену...» *В. Б.*

[2] *Opera*, II, 1151. Перевод сделан нами с латинского подлинника. У Орсье дан французский перевод Шарля Буа. Любопытны в этом стихотворении обращения к «бессмертным богам» (Superi, Pallas etc.), делаемые христианским монахом XVI века. *В. Б.*

нены излияний горестных чувств[1]. Но скорбь не позволяла Агриппе забыть того, что он, как врач, должен исполнять свой долг. Большинство антверпенских докторов стремительно удалилось из города при первом появлении эпидемии. Агриппа остался на своем посту. Однако ему пришлось переменить жилище и он поселился у Августино Форнари[2]. Днем и ночью Агриппа был на ногах, не щадя себя, сражаясь с чумой лицом к лицу, вырывая у нее или, по крайней мере, оспаривая у нее с благородным упрямством столько жертв, сколько позволяли ему его силы. Агриппа не боялся заразы, хотя и принимал некоторые предосторожности; но в то же время он составил, по рецептам Галена и других знаменитых врачей древности, особое лекарство, которое считал радикальным средством против чумы и которое он употреблял всюду, где считал его подходящим[3].

Когда чума прекратилась, разбежавшиеся при ее появлении врачи возвратились в Антверпен и, желая прикрыть свое позорное поведение, поспешили выставить против профессора Жана Тибо обвинение в том, что он незаконно занимался медицинской практикой. Как свидетель, был приглашен Агриппа; но он произнес перед Имперским Советом города Малин язвительную речь, в которой обличил дезертиров своего долга и горячо защищал обвиняемого, остававшегося на своем посту среди опасностей ужасной эпидемии. «Тибо сражался рядом со мной», — говорил бывший офицер первых имперских войн, и, к величайшему негодованию антверпенских гиппократов, Тибо процесс выиграл[4].

XIV

Между тем, главное сочинение Агриппы, только что вышедшее в свет, вызвало вокруг себя целую бурю. Этому обстоятельству он, может быть,

---

[1] *Epist*., V, 72 и 73. *Авт.*

[2] Aug. Prost, op. cit., note XXII. У Форнари был в Антверпене дом, которым управлял живший в нем его двоюродный брат Николай. *Авт.*

[3] Рецепт этого антидота против чумы сохранился в *Opera* Агриппы; его латинская редакция посвящена Теодорику, викарному епископу Кельна. *Авт.*

[4] «Тогда как Жан Тибо (Ioannus Theobaldus) и немногие другие, — говорил Агриппа, — смело и благородно помогали городу, эти схоластические медики, эти доктора мерой в полтора фута (sesquipedales) оплетают нас своими софизмами и о жизни и смерти, спорят с помощью рогатых силлогизмов... Но у ложа больного, где надобно не вести диспуты, а исцелять, они предоставляют место другим!» *Epist.*, VI, 7. По всему судя, Агриппа говорил не столько за Тибо (который, кажется, был шарлатан), сколько за самого себя. Агриппа также не имел официального диплома доктора медицины, и, вероятно, на его решение отказаться от медицинской практики повлияли не только чувства, вызванные кончиной жены, но и протест корпорации местных врачей. *В. Б.*

был обязан тем, что вскоре ему был сделан целый ряд разнообразнейших предложений, обращенных к нему скорее как к писателю, чем как к врачу. Такое предположение весьма вероятно. Во всяком случае, Агриппа, еще недавно доходивший до последней крайности, внезапно оказался в очень благоприятных условиях, и ему предстояло только выбрать из многих предложений более выгодное.

Что же он изберет? Отправится ли он в Англию, куда зовет его Генрих VIII чрез посредничество Канцлера Гаттинара? Или послушается он своего покровителя, просвещенного дипломата Евстахия Шапюи, советующего ему, именем Карла Пятого, взять на себя защиту Катерины Аррагонской, которой грозит скандальный развод? Шапюи, желая склонить Агриппу на свою сторону, берется за дело очень ловко. В своем письме Шапюи сначала хвалит новую книгу Агриппы, а затем подробно объясняет, какие выгоды может получить Агриппа, оказав императору услугу в трудных обстоятельствах[1]. Но Агриппа, зная по опыту, насколько можно рассчитывать на благодарность великих мира сего, понимает в то же время, что, перейдя на сторону короля Испанского, он навсегда восстановит против себя короля английского. И потому, стараясь остаться нейтральным, он не сдается на доводы посланника и, в своих письмах, всячески оспаривает их.

Перед Агриппой был выбор еще между третьим и четвертым предложением. Третье исходило от маркиза монферратского (de Montferrat), личности довольно незначительной рядом с величием императоров. Четвертое — от правительницы Нидерландов, Маргариты Австрийской, резиденция которой находится в Брюсселе. На этом последнем предложении и остановился Агриппа. Он принял от Маргариты, действовавшей именем императора, звание Библиотекаря и Историографа[2].

В доказательство своей подготовки для такого рода деятельности, Агриппа составил трактат о «Коронации Карла Пятого»[3], прекрасно написанный отрывок, ничего общего, однако, с историей не имеющий. Это — кро-

---

[1] Переписка Евстахия Шапюи с Агриппою состоит из 15 писем и относится к двум различным эпохам: к первой принадлежит одиннадцать писем с 1522 г. по 1525 г.; ко второй — четыре письма, с 26 июня по 25 ноября 1531 г. См. эту последнюю в *Epist.*, VI, 19, 20, 29 и 33. *Авт.*

[2] В Архиве департамента Nord, в Лилле, хранится собственноручное письмо Агриппы к верховному совету города Малин и финансовый отчет, из которых видно, что Карл V выдал своему историографу в 1532 г. сумму в 50 ливров «на покрытие расходов, сделанных им при назначении на названную должность». Грамота от 29 декабря 1529 г., которою император пожаловал Агриппе должность летописца и императорского историографа с ежегодным окладом в 200 ливров, находится в Королевском архиве в Брюсселе. *Авт.*

[3] «Caroli V coronationis historia». Excudebat Martinus Caesar, 1530. Это первое издание трактата было напечатано в Антверпене и посвящено Маргарите Австрийской. *Авт.* При жизни автора трактат был перепечатан вместе с некоторыми другими сочинениями Агриппы в 1535 г., в Кельне, у И. Сотера. Затем появлялись его издания в 1574 г., в Базеле, в 1614 и 1673 гг. *В. Б.*

потливый отчет о том, как проходила в XVI веке подобная церемония. Тем не менее, трактат любопытен, так как передает всю яркость, всю живописность и всю пышность коронации, которых требовал обычай и которые были связаны с множеством блестящих лиц, явившихся на торжество в силу своего положения или знатности своего рода. Впрочем, это описание было лишь вступлением к ряду серьезных работ, для которых Агриппа немедленно начал собирать материал.

После литературного подарка Карлу V, Агриппа почел долгом сделать такой же и правительнице Нидерландов. Маргарите Валуа, готовившейся к бракосочетанию с Генрихом Наваррским, Агриппа поднес небольшое сочинение «О таинстве брака» (принятое ею за насмешку); Маргарита Австрийская получила первое издание знаменитого рассуждения «О превосходстве женского пола». Оно было написано уже давно и первоначально Агриппа полагал посвятить его французской принцессе; но в свое время, после дела Катиликэ, монахи, окружавшие принцессу, воспротивились изданию этого рассуждения. Теперь Агриппа использовал его, как почтительный дар своей новой покровительнице[1].

XV

По смерти любимой жены, новоназначенному императорскому историографу не хотелось более оставаться в Антверпене; да и самая перемена в его положении требовала его пребывания в городе Малин[2]: он переехал туда и женился там в третий раз на женщине, имени которой мы не знаем и с которой он не был счастлив[3].

---

[1] Это рассуждение было написано в Доле в 1509 г. и напечатано в Антверпене в 1529 г. у Мих. Гиллениуса, в сборнике, содержащем небольшие трактаты Агриппы. Авт. Трактат «De nobilitate et praecellentia foeminaei sexus» принадлежит к числу наиболее известных сочинений Агриппы. Сбор-ник мелких сочинений Агриппы, куда входил этот трактат, был переиздан при жизни автора, в 1532 г., в Кельне (без имени издателя). Затем трактат появлялся в отдельных изданиях 1598 г. в Кельне, 1609 г. без означения места издания, в 1643 и 1644 г. в Лейдене, в 1653 г. в Гааге; издания его французских переводов появлялись в года: 1530 в Антверпене, 1537 в Лионе, 1542 г. без означения места, 1578 и 1713 г. в Париже и т. д.; кроме того, трактат был переведен на языки: немецкий (два изд.), английский (два изд.), голландский (два изд.), итальянский и русский (в XVIII в.). *В. Б.*

[2] В городе Малин (Malines — иначе Мехельн, ныне город в Бельгии) жила Маргарита Австрийская, правительница Нидерландов; там же заседал ее совет и парламент. *Авт.*

[3] На этот счет имеются только те немногие сведения, которые сообщает Жан Вир, именно, что в третий раз женился Агриппа на фламандке, в 1530 г., и развелся с нею в Бонне, в 1535 г., в самый год своей смерти. *Авт.*

Агриппа проявляет в эти годы поразительную деятельность, прилагает все старания, чтобы сколько-нибудь обеспечить свое положение и даже занимается распродажей своей библиотеки. Вслед за сборником «маленьких трактатов» он приступает к изданию двух своих крупных сочинений. А в то время, как эти последние печатаются, он издает последовательно историю коронации 1530 г., надгробное слово на смерть Маргариты Австрийской в 1531 г.[1] и в том же самом году комментарии к «Ars brevis» Раймонда Люллия[2]. Может быть, этой напряженной работой Агриппа старался отвлечь свои мысли от образа так трагически погибшей Жанны-Луизы.

Но появление трактата «О недостоверности и тщете наук и искусств» послужило для Агриппы источником новых неприятностей, которых он никак не мог ожидать. Бывшие всегда настороже его враги, зависть которых распалялась по мере того, как удачи Агриппы, по-видимому, увеличивались, вероломно выхватили из его сочинения отдельные места и представили, как содержащие опасные суждения, на воззрение Государственного Совета Малина. Члены Совета приняли эти отрывки в том виде, как они были им предложены, и не потребовали, как следовало по закону, чтобы им был представлен полностью текст всего сочинения. Началось крайне неприятное и мучительное для Агриппы дело.

Исходило нападение снова от монахов, непримиримых врагов Агриппы, но на этот раз к ним присоединились несколько лувэнских профессоров, самолюбие которых, как ученых и авторов научных и литературных произведений, было задето скептицизмом Агриппы. Он, как и всегда, энергично защищался; но Совет, хотя и оценивший доводы обвиняемого, находился под давлением свыше. Агриппа отлично сознавал это, но что же он мог сделать против целого моря вражды, выступившей из берегов. Вдобавок, в дело вмешалась Маргарита Австрийская, и не в пользу Агриппы. Целый ряд новых преследований вырастал перед Агриппой...

К счастью для него, правительница скончалась в конце 1520 года. Агриппа написал по этому поводу пышный панегирик[3] с тем большим энтузиазмом, что тогда ему не было известно следующее: если бы смерть не унесла вовремя Маргариту, он был бы не более, не менее как приговорен к смертной

---

[1] *Epist.*, VI, 11. *Авт*. Об издании этой речи см. ниже. *В. Б.*

[2] «In artem brevem Raymundi Lullii commentaria». Coloniae, opera Ioannis Soteris. Anno 1531. Следую-щие издания этого трактата появлялись в 1538, 1568 и 1617 годах. *В. Б.*

[3] «Oratio in funere divae Margaretae Austriacorum et Burgundionum principis aeterna memoria dignissimae habita». Martinus Caesar excudebat Antverpiae. Anno 1531 mense junio. Как известно, Маргарита была писательницей, сочиняла стихи, славилась своим остроумием. Собрание ее сочинений было впервые издано в 1549 г. О жизни Маргариты сложились целые легенды, одна из которых передана в известной эпитафии:

Cy gist Margot la gente damoiselle.
Qu'eut deux maris et si morut pucelle. *В. Б.*

казни... столь опасными и еретическими казались идеи Агриппы членам государственного совета Нидерландов. Одно время Агриппа, как мы видим из его писем, собирался обратиться с жалобами к императору, но передумал, так как один из друзей предупредил его, что Фердинанд Австрийский и Карл Пятый разделяют относительно его творчества предубеждения Маргариты[1].

Вместо того, чтобы дать забыть о себе и склониться перед бурей, Агриппа бросил новый вызов своим противникам, выпустив в свет свою «Сокровенную философию». Впрочем, как человек опытный, вопреки той своей обычной беспечности, которая у него не раз переходила в браваду, он позаботился поставить свою новую книгу под покровительство Кельнского курфюрста-архиепископа, посвятив ему свое сочинение в самых льстивых выражениях[2]. Архиепископ ответил ему письмом, в котором выражается восторженное преклонение перед гением Агриппы и содержатся изъявления благородно-наивной благодарности. Благодаря этому покровительству «Сокровенная философия» Агриппы увидела свет[3].

---

[1]Агриппа сам предвидел, что издание сочинения «О недостоверности и тщете наук и искусств» вызовет сильную бурю. Когда она разразилась, подготовленная происками монахов, Агриппа объявил, что предвидел ее и указал в письме к одному другу, что она даже предсказана в его предисловии (*Epist*., VI, 15). Хотя у Агриппы была привилегия на издание его книги, он подвергся, как мы видели, сильным преследованиям, но, по счастью, нашел двух могущественных защитников в лице кардинала Кампеджи и кардинала Ла-Марка, Льежского епископа. Кардиналы могли смягчить жестокость неудач Агриппы, но не в силах были вернуть ему расположение двора. Правда, звания императорского историографа у него не отняли, но жалованье платить перестали. По этому поводу Агриппа говорил: «Я — кредитор Цезаря». *Авт.*

[2] Архиеписком и курфюрстом Кельнским был тогда Герман фон Вид, один из просвещеннейших людей своего времени, лично знавший Агриппу и умевший ценить его дарования. Поэтому «льсти-вое посвящение» никак не было единственной причиной, почему архиепископ взял на себя защиту сочинения Агриппы, по самой теме своей казавшегося в ту эпоху подозрительным. *В. Б.*

[3] «Сокровенная философия», бесспорно, то сочинение, которое первым вспоминается при имени Агриппы; в историю он перешел, скорее всего, как автор этого трактата, в течение двух столетий считавшегося основным компендиумом всего, что относится к магии. Сам Агриппа утверждал, что это — труд его юности, и что он решился опубликовать это сочинение лишь потому, что в публике ходят искаженные и чужой рукой дополненные списки его. Едва ли это, однако, верно. Действительно, около 1510 г. Агриппою было написано сочинение о «Сокровенной (оккультной) философии», и рукопись его послана аббату Тритгейму. Однако, после того сочинение подверглось самой радикальной переработке. В одном письме 1524 г. Агриппа прямо пишет, что прибавил к свое-му труду целый ряд новых глав (Epist., IIIl, 56). В 1527 г. Агриппа пишет Аврелию Аквапенденте, что над книгой предстоит еще большая работа (Epist., V, 14). В 1531-32 г. Агриппа снова видоизменил свое сочинение (Epist., VI, 12; VII, 15). Причины, заставлявшие Агриппу выдавать свой труд за юношескую работу, достаточно явны. С одной стороны, то была осторожность: Агриппа предвидел преследования по обвинению в чернокнижии. С другой стороны (что было важнее), Агриппа, добросовестно излагая правила практической магии, с а м в н и х н е в е р и л. Для него занятия магией были интересным умственным упражнением, не более, и он не желал, чтобы его друзья и соперники, из лагеря гуманистов, почли его «магом» в вульгарном смысле слова. Но была в книге и такая часть, в которой Агриппа излагал свои подлинные убеждения: это именно его «оккультная

Агриппа, определяя магию, пишет, что это «совершеннейшее и высшее знание, самая возвышенная и самая священная философия, живое осуществление всех благороднейших умствований»[1] Но издание этого сочинения только отягчило положение философа. Его материальное положение и так было крайне зыбко: жалованье ему, как императорскому историографу, перестали выдавать со времени появления в продаже I выпуска «Сокровенной философии»; медицинская практика стала невозможной в силу враждебного возбуждения населения; кредиторы осаждали его; помощи было ждать неоткуда; его друзья были бессильны; на его книги был наложен арест; нетрудно было предвидеть, что его романтическая жизнь должна окончиться тюрьмой. Так и случилось.

Утром, 21-го августа, в доме Агриппы появляются бельгийские стражники; они хватают философа и ведут по городу, среди толпы возмущенных

метафизика», занимающая почти всю первую книгу, — учение, до сих пор, в своих основных чертах, разделяемое оккультистами всех стран. Само издание шло крайне медленно. Книга печаталась одновременно в Антверпене у издателя Иоанна Сотера и в Париже у Христиана Вехеля. К февралю 1531 г. была отпечатана п е р в а я к н и г а (из общего числа трех) сочинения и тогда же выпущена отдельно, в обоих городах, и на этом издание временно приостановилось. В конце 1531 г. кельнский издатель Петр Квентель думал предпринять полное издание сочинения Агриппы, но предприятие не осуществилось. В 1533 г. другой кельнский издатель, Гитторпий, приступил, наконец, к этому изданию в типографии Иоанна Сотера. Изданию воспротивился кельнский инквизитор Конрад Ульм, но благодаря привилегии, в свое время полученной Агриппою, и защите Генриха фон Вида, дело удалось довести до конца. Это издание существует в двух вариантах, отличающихся одно от другого поправками опечаток, украшениями и отсутствием, в одном из них, портрета Агриппы. Итак, мы имеем следующие издания «Сокровенной философии»: 1) Henrici Cornelii Agrippae ab Nettesheym «De occulta philosophia libri tres». Joan. Grapheus excudebat. Anno 1531 mense februario. Антверпен (одна1 книга). 2) Henrici Cornelii Agrippae. «De occulta philosophia» liber primus. Parisiis excudebat Christianus Wechelus. Anno 1531. 3) Henrici Cornelii Agrippae ab Nettesheim. «De occulta philosophia» libri tres. Anno 1533, mense Julio. Без означения издателя и места издания (Иоанн Сотер, Кельн). Издание в двух вариантах, а может быть, два отдельных издания. При жизни Агриппы «Сокровенная философия» более не переиздавалась. После смерти Агриппы, кроме перепечаток в его Собрании сочинений (о чем см. ниже) «Сокровенная философия» появлялась отдельными изданиями в 1541 г., без означения места издания и издателя, в 1550 г. в Лионе, у братьев Берингов, в 1565 г. в Базеле, в 1567 г. в Париже, у Ж. Дюпюи, без означения года (1567?) в Лионе, и в 1713 г. в Лионе. Французский перевод появился в 1727 г. в Гааге, у Р. Ш. Альбера (перепечатан в 1910-1911 г. в Париже у Шакорнака), английский в 1651 г. в Лондоне. В 1565 г. отдельным изданием, без означения места издания и издателя, появилась IV книга «Сокровенной философии», содержащая практические рецепты по вызыванию демонов и нисколько не напоминающая по стилю первые три. Все авторитеты признают эту IV книгу подложной. Она была переиздана отдельно в 1567 г., тоже без означения места издания и издателя, но еще в годы своего первого появления, т. е. в 1565 г., присоединена к трем первым книгам «Сокровенной философии» в Базельском издании, и с тех пор стала входить во все новые ее издания. Во французское издание «Сокровенной философии» IV книга включена; на английском языке IV книга была издана в 1655 и 1665 г. *В. Б.*

[1] Haec perfectissima summaque scientia, haec altior sanctiorque philosophia, haec denique totius nobilissimae philosophiae absoluta consummatio. D e o c c u l t a p h i l o s o p h i a, I, 2. *В. Б.*

людей, не скупящихся на оскорбления. Агриппу отводят в брюссельскую городскую темницу. Подавленный своими несчастьями, Агриппа из заключения сначала обращается с мольбами к Лаврентию Кампеджи, бывшему в то время легатом Климента VII в германском сейме. Но потом, глубоко чувствуя нанесенное ему оскорбление, Агриппа находит в себе силы воспрянуть духом и вновь начать борьбу с той энергией и с той прямотой, которая не покидает его никогда, даже в самых затруднительных обстоятельствах. Агриппа принимается за составление исполненного негодования обращения к своим судьям, в котором он восстает против незаконности своего ареста, говорит о чистоте своих намерений, язвительно бичует своих врагов и гордо учит своих судей тому, что такое правосудие, которого они не знают. Такие диатрибы не могли улучшить судьбу Агриппы, и неизвестно, что бы с ним сталось, если бы архиепископ Кельнский, которому была посвящена «Сокровенная философия», не вмешался бы в это дело вместе с кардиналом Бергардом де Марком; вдвоем им удалось освободить Агриппу из тюрьмы.

XVI

Во время пребывания Агриппы в заключении, он получил от Евстахия Шапюи, бывшего императорским посланником в Лондоне (Карл V поручил ему противодействовать знаменитому разводу, занимавшему тогда всю Европу), письмо, в котором этот дипломат снова обращался за помощью к бойкому перу опального философа для защиты Катерины Арагонской. На этот раз Агриппа, не знавший куда деваться, радостно соглашается.

Выйдя на свободу, Агриппа тотчас же посылает письмо императору, который не дает ему никакого ответа. Затем Агриппа шлет Эразму экземпляр своего сочинения «О недостоверности и тщете наук и искусств», надеясь на сочувствие Эразма и полагая, что публичное одобрение со стороны писателя, вызывающего во всем мире восторг и преклонение, послужит ему защитой от новых преследований. Но знаменитый автор «Похвалы глупости» прямо объявляет Агриппе, что «ему хочется жить спокойно, что его жизнь и без этого была слишком бурной и что он не имеет ни малейшей охоты снова браться для защиты постороннего человека за литературную полемику, с которой он выступал столько раз, защищая себя и своих друзей, но в которых он не всегда выходил победителем». По этому поводу Эразм напоминает о печальной участи честного Бергуэна, сожженного в Париже за то, что он перевел одно из его произведений. Утомленному борьбой Агриппе не приходится даже и посвятить свое перо Катерине Арагонской: Евстахий Шапюи уже не заговаривает с ним о своем предложении, и оно упразд-

няется само собой, — так, по крайней мере, приходится судить по перерыву, наступившему в переписке двух друзей.

У Агриппы был другой могущественный покровитель в лице архиепископа Кельнского. Архиепископ, действительно, приглашает Агриппу к себе[1], но мы очень мало что знаем о пребывании Агриппы в Кельне. В его переписке с кардиналом Кампеджи, Эразмом и одним из регенсбургских друзей, Меланхтоном, говорится лишь о спорах, которые ему приходится вести с лувэнскими «теософистами» из-за слишком вольных взглядов, изложенных в сочинениях Агриппы[2].

Агриппа не отказался, однако, от надежды, впрочем, весьма естественной, на то, что ему удастся получить плату за услуги, оказанные им в качестве историографа и библиотекаря Маргариты Австрийской и императора[3]. Агриппа настаивает на этом, тем более что «он весьма опасается своих кредиторов, мешающих всем его движениям». Что касается его третьего брака, заключенного в городе Малин, то он нисколько не улучшил положения Агриппы, так как после этого союза, малоудачного во всех отношениях, он стал еще беднее, чем прежде. Об этом браке даже не упоминается в письмах Агриппы.

Летом 1532 года, Агриппа снова на короткое время появляется в Брабанте; затем в сентябре приезжает во Франкфурт, потом в Бонн, где и поселяется[4]. В этом городе Агриппа провел большую часть трех последних лет своей жизни. Живя там, он деятельно занимается переизданием своих произведений, имеющих шумный успех. Агриппа возлагает большие надежды на эти новые издания, но он забывает принять в расчет великого инквизитора Конрада Ульма. Инквизитор налагает запрет на переиздание произведений Агриппы и причиняет ему вновь немало тревог. Горячо протестуя против этого veto, Агриппа ссылается на имеющееся у него письменное разрешение, скрепленное императорскою печатью: он обращается к кельнскому сенатору с умело и бурно составленной жалобой[5], являющейся, впрочем, лишь повторением фраз, о которых мы уже поминали. Кроме того, он

---

[1] В письме Агриппы к Эразму, посланном из Кельна 17 марта 1531 г., сказано: «Я пробуду здесь еще месяц, затем вернусь в Брабант». *Авт.*

[2] «Apologia adversus calumnias propter declamationem de vanitate scientiarum et excellentia Verbi Dei, sibi per aliquos Lovanienses theologistas intentatas» впервые издана в 1533 г., без означения места издания и издателя (Кельн). *В. Б.*

[3] См. Архив города Лилля, Comptes des finances, за 1532, folio 216. *Авт.*

[4] В большом доме, сохранившемся до наших дней. Это последнее жилище Агриппы, которое нам достоверно известно (*Epist.* VII, 14, 15, 16, 18). Отсюда Агриппа снова переписывается с Домом Лукою Бонфием, секретарем кардинала Кампеджи, и также с Домом Бернардом де Палтринериисом, его майордомом (*Epist.*, VI, 30; VII, 2, 3, 7, 8, 14, 15, 22). *Авт.*

[5] «Epistola apologetica ad clarissimum urbis Agrippinae Romanorum Coloniae senatum contra insaniam Conradi Coelin de Ulma, ordinis praedicatorii monachum». Ex Bonna 11 Januarii. Argentorati apud Petrum Schoeffer. 1535. *В. Б.*

шлет королеве Венгерской, Марии, длинный доклад[1], род панегирика своей собственной жизни, написанного им самим, в котором он, с величайшей дерзостью и не без некоторого, порою возвышенного, красноречия, выражает свою глубокую преданность империи, говоря, что всю жизнь предпочитает служить ей, несмотря на «исключительные преимущества», которые настойчиво предлагал ему французский двор. Была ли королева тронута этими лицемерными жалобами? Во всяком случае, она, как кажется, не пришла к нему на помощь. И, по-видимому, постоянные враги Агриппы, монахи, постарались настроить против него новую правительницу Нидерландов, как они сделали это с Луизой Савойской, с Маргаритой Австрийской, с императором Фердинандом II «Католиком» и Карлом Пятым.

Кельнский архиепископ, Герман фон Виде, к которому Агриппа обратился за поддержкой в своем споре[2], не посмел вмешаться в него, хотя и был одним из преданнейших защитников Агриппы. Агриппа обращался к Эразму, но этот старый хитрец только посоветовал, с дурно скрытой осторожностью, «отказаться от новых неприятностей, если только еще есть время»; если же Агриппа уже настолько впутался в это дело, что не может его оставить без ущерба для своей чести и своего имени, Эразм советовал ему «сражаться издали, как бы с башни, и наносить удары более меткие». Потому ли, что Агриппа решил последовать этим советам, или потому, что он чувствовал себя морально крайне утомленным, только он, действительно, предпочел уклониться от борьбы. Он уехал из Бонна. Несколько времени спустя, мы находим его возле архиепископа Кельнского, на водах в Вертрижи[3]. Этим местом помечено последнее из его писем. Что же сталось с ним дальше?

XVII

Следуя, вероятно, дружеским советам, а может быть, и чувству истинной симпатии, которую он с самой юности питал к Франции (где, между

[1] Целью этого мемуара было — получить недоплаченное жалованье, которое следовало Агриппе, как состоящему на императорской службе, и добиться отсрочки уплаты долгов своим кредиторам. Но Агриппа воспользовался случаем, чтобы в общих чертах изобразить всю свою жизнь в благоприятном для себя освещении. Он приложил к мемуару письма Шапюи и передал это все Крейттеру с тем, чтобы он прочел королеве. Письмо к Крейттеру и прошение к правительнице Нидерлан-дов не датированы, но мемуар и письма Шапюи написаны раньше Рождества 1532 г. См. *Opera*, II. *Авт*. Мемуар озаглавлен: Serenissimae principi Mariae Hungariae et Bohemiae reginae epistola. Opera II. *В. Б.*

[2] Переписка Агриппы с Г. фон Виде относится к годам 1531-1533. *Авт.*

[3] Иначе: Бертрише (Bertrich). *Авт.*

прочим, у него были родственники), Агриппа приходит к гибельной мысли — вернуться в Лион. Это было все равно, что броситься очертя голову в раскаленную печь. Правда, прошло немало времени с тех пор, как своими едкими сочинениями, своими угрозами, злыми сатирами на двор Луизы Савойской он навлек на себя во Франции общую упорную ненависть. До некоторой степени, Агриппа имел право считать эту ненависть если не вполне угасшей, то, по крайней мере, несколько успокоившейся. Однако, на горе неудачника-философа, память об этой ненависти, в действительности, была еще жива. Едва Агриппа успел приехать в Лион, как его взяли под стражу и бросили в тюрьму. Только благодаря настойчивому вмешательству некоторых знатных лиц, Агриппе удалось выйти на свободу.

Освободившись из тюрьмы, Агриппа удалился в Гренобль, где и скончался внезапно в 1535 году, 49 лет от роду, в доме Франсуа де Вашона де ла Рош, бывшего тогда председателем парламента в Дофинэ. Его дом стоял на улице des Clercs.

Так закончилась эта грустная жизнь разнообразнейших приключений, — жизнь, вся прошедшая в блужданиях по свету, от одного королевского двора к другому...[1]

Порицаемый одними, восхваляемый другими, несчастный писатель был благоговейно погребен в церкви Братьев-Проповедников. В 1562 году эта гренобльская церковь была разрушена протестантами; но при жизни Ги Аллара, четырехугольная каменная плита еще указывала место, где был схоронен друг Эразма и Евстахия Шапюи. Преждевременная кончина Агриппы создала немало самых нелепых легенд, которые были опровергнуты Бейлем и более поздними биографами, старавшимися выяснить истинный облик знаменитого авантюриста. Нам кажется, что этот облик скорее всего можно уяснить из обширной переписки Агриппы, что мы и пытались сделать.

Что касается до его репутации чародея, то лучшей защитой ему могут послужить следующие слова другого философа, на которого он походил характером, приключениями и идеями, Луция Апулея, прославленного автора «Золотого осла»: «Я признаю, что человеческая душа, особенно детская и юношеская, может быть, при помощи призывания заклинаниями и соблазна особыми запахами, усыплена и выведена из тела до полного забвения настоящего; постепенно потеряв память о теле, она может быть возвращена к своей сущности, которая бессмертна и, следовательно, божественна, и, в таком состоянии, как бы в некоем сне, предсказывать будущее»[2]. Наука Апулея начинается там, где кончается наука врача. Истинный взгляд

---

[1] О смерти Агриппы см. подробнее ниже, в нашем очерке «Легенда о Агриппе». *В. Б.*
[2] Apul. Apologia. Перевод цитаты сделан нами о латинского подлинника. *В. Б.*

Агриппы на эти вещи чувствуется в одном из его писем к Аврелию д'Аквапенденте, в котором он учит «не доверяться книгам».

«О, как часто приходится читать, — восклицает Агриппа, — о неодолимом могуществе магии, о чудодейственных астрономических таблицах, о невероятных превращениях, достигаемых алхимиками, о знаменитом и благословенном философском камне, одним прикосновением которого можно будто бы, подобно Мидасу, все в одно мгновение превращать в золото и серебро! Но все это оказывается пустым, выдуманным и лживым, если принимать сказанное буквально. А ведь все это передается и пишется великими и прославленнейшими философами и святыми мужами, свидетельства которых не всякий посмеет назвать лживыми! Даже кажется нечестивым верить в то, что они в указанных сочинениях писали ложь. Но дело в том, что в писаниях их есть иной смысл, чем тот, который мы видим, принимая их слова буквально: смысл, закрытый различными тайнами, и до сих пор не раскрытый вполне никем из учителей. Я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь был в силах проникнуть в этот смысл без помощи знающего и добросовестного учителя, через одно чтение книг, если только, конечно, он не просветлен свыше Божеством, что дается лишь очень немногим. Поэтому большинство работает тщетно, стараясь проникнуть в эти сокровеннейшие тайны Природы, довольствуясь одним голым чтением книг... (Но, в конце концов) то, что осмеливались обещать нам наиболее смелые из математиков, наиболее значительные из магов, изучающие Природу алхимисты и некроманты, имеющие дело с низшими демоническими силами, — все это мы можем исследовать и совершить, и притом безо всякого греха, без оскорбления Божества, без преступления против религии. В нас самих, говорю я, скрыт тот таинственный делатель чудес:

> В нас, а не в Тартаре он живет; не небесные звезды, —
> Дух, обитающий в нас, сильный, о н чудо творит»[1].

---

[1] *Epist.*, V, 14. Письмо помечено Лионом, 24 сентября 1527. *Авт.* Это письмо принадлежит к числу наиболее замечательных во всей переписке Агриппы, так как вскрывает его истинное мировоззрение. Как видно из приведенного отрывка, Агриппа стоит на точке зрения анимизма, противопоставляя ее — грубому магизму. Ввиду важности этой цитаты, мы сочли нужным ее значительно дополнить по подлиннику, так как у Орсье приведено из этого письма лишь несколько отрывочных фраз. *В. Б.*

ЛЕГЕНДА О АГРИППЕ

Статья Валерия Брюсова

Современники знали Агриппу преимущественно как чародея. С ранней юности за ним утвердилось имя «мага», и надо сказать, что он и сам не старался разрушить такого представления. Хотя в своих серьезных сочинениях он решительно восставал против «оперативной магии», но эти его книги были мало кому доступны. Большинство продолжало считать его чародеем, и даже короли обращались к нему с просьбами о предсказаниях. Изданием «Сокровенной философии», в истинный смысл которой нелегко было проникнуть, окончательно было утверждено такое мнение.

Это обстоятельство, в связи с особенностями жизни Агриппы, замкнутой, непоседливой, исполненной самыми разнообразными приключениями, повело к тому, что личность Агриппы оказалась окруженной целым роем самых фантастических легенд. Об нем рассказывали удивительные вещи, к нему относили басни, сложенные про всех других чернокнижников, и не было такой нелепой истории, которой не дали бы веры, если она была применена к Агриппе. Агриппа, в народном представлении, долгое время оставался олицетворением чародея, и только слава Фауста (бывшего, кстати сказать, младшим современником Агриппы) несколько поколебала авторитет Агриппы как мага.

Старые биографы Агриппы заполняли свои сочинения преимущественно этими фантастическими легендами, приурочивая их, с большей или меньшей возможностью, к различным эпохам жизни философа.

Вот некоторые из этих рассказов:

Генрих Говард, граф Шерри, даровитый поэт, придворный Генриха VIII, короля английского, оплакивал смерть своей горячо любимой жены, прекрасной Жиральдины, дочери лорда Кильдара. Говард обратился к Агриппе с просьбой вызвать ему дух умершей. Чародей не отказался и показал Говарду лик его жены в магическом зеркале[1].

Во время испанского похода Антонио де Лейва Агриппа, участвуя в его войске, чародейством способствовал будто бы успеху всех предприятий имперской армии. Антонио де Лейва после того представил Агриппу Карлу V, и чародей осмелился предложить императору снабдить его большими средствами с помощью магических операций. Конечно, Карл V с негодова-

[1] Вальтер-Скотт воспользовался этой легендой в своей балладе «The Lay of the Last Minstrel».

нием отверг это предложение, и Агриппа должен был спастись бегством от справедливого гнева императора.

Часто, во время своих переездов, Агриппа расплачивался в гостиницах деньгами, которые имели все признаки подлинных. Конечно, по отъезде философа монеты превращались в навоз. Одной женщине Агриппа подарил корзину золотых монет; на другой день с этими монетами произошло то же самое: корзина оказалась наполненной лошадиным навозом[1].

Во время пребывания Агриппы в Лувене, один из учеников философа проник, с помощью его жены, в его кабинет. Там, пользуясь книгой магических заклинаний, он вызвал демона. Но ученик не имел никакой власти над демоном, и тот в ярости бросился на юношу и задушил его. В эту самую минуту Агриппа вернулся. Поняв, что ему грозит обвинение в убийстве юноши, Агриппа немедленно приказал демону войти в тело убитого и, выйдя из дому, отправиться на людную площадь. Там демон покинул тело ученика, и оно пало на землю бездыханным. Многочисленные же свидетели этого явления могли подтвердить с полным убеждением, что бедный юноша умер скоропостижно и что Агриппа в его смерти не повинен[2].

Рассказывали, что однажды Агриппа читал лекцию во Фрейбурге в 10 час. утра, и в тот же самый час он же начал чтение другой лекции в Понт-а-Муссоне (Pont-a-Mousson, в латинизированной форме Pontimussi), на расстоянии многих миль[3].

Агриппе приписывали способность вычитывать на диске луны о событиях, совершавшихся на всех концах света, или получать об них сведения через своих домашних демонов. Жан Вир, ученик Агриппы, объясняет эту осведомленность гораздо проще: обширной перепиской, которую вел Агриппа с учеными всех стран. Смерть Агриппы также окружена легендой. Павел Иовий рассказывал, что у Агриппы была собака с кличкой Monsieur, которая была не что иное, как демон, обращенный чародеем в образ собаки. Чувствуя приближение смерти, Агриппа подозвал собаку к своей постели, снял с нее ошейник, на котором были каббалистические знаки, и сказал: «Поди прочь, проклятое животное, из-за тебя я погиб!» Собака тотчас выбежала из дома, бросилась в реку и утонула. Вир объясняет, что Monsieur был самым обыкновенным псом, так же как и другая любимая собака Агриппы с кличкой Madame.

---

[1] Все эти истории передает Del Rio, «Disquisitionum magicarum libri sex», lib. II, sec. I, quaestio XXIX. (Цитируем по изд. 1640, Venetiis; первое изд. книги появилось в 1599 г.

[2] Поводом к этой легенде послужил случай с Жаном Виром (см. выше, наше примечание к гл. XIII < :«Учеником Агриппы Вир был еще в очень молодых годах (в 1533 г., т. е. лет 18). Вир сам рассказывает, что однажды — будучи, конечно, убежден, как большинство, что его учитель занимается заклинанием демонов, — похитил тайно у Агриппы “Стеганографию” Тритгейма и списал оттуда формулы заклинаний».>

[3] Это сообщает Thévet; в книге «Les vrais portraits» он же повторяет многие рассказы Дель-Рио.

О смерти Агриппы исторические известия современников расходятся. Есть, напр., совершенно недостоверное известие (Thévet), будто он умер в Лионе. Оно опровергается категорическим свидетельством Вира. Другие биографы Агриппы (Jovius) говорят, что он умер в Гренобле, в гостинице. Согласно исследованиям Ги Аллара (Guy Allard, р. в 1645 г., ум. 1716 г.) Агриппа умер (с чем согласен и Орсье) в Гренобле, в доме Франсуа де Вашона. По исследованиям же некоего Шорье, жившего одновременно с Алларом, Агриппа скончался в Гренобле, но в другом доме, на улице des Clercs, принадлежавшем тогда члену парламента Феррану, где в 1457 г. умер известный юрист Ги Пап[1].

Легенда об Агриппе с течением лет все разрасталась. Рабле изобразил своего современника в злой карикатуре, в лице шарлатана Her Trippa. Сирано де Бержерак, в одном из своих писем, заставлял даже дух Агриппы творить чудеса[2]. Отголоски этих сказаний доходят до начала XIX века.

Блогодаря трудам новых историков, личность Агриппы начинает выходить из тумана долго окружавшей его легенды. Прочтя хотя бы биографический очерк Орсье, уже нельзя видеть в Агриппе ни чародея, всю жизнь проведшего в общении с нечистой силой, ни только шарлатана, тридцать лет морочившего и простой народ, и королей хитрыми проделками и искусными фокусами. Мы знаем теперь не того Агриппу, которым пугали детей в XVI веке, не чернокнижника, водящего на привязи дьявола в виде собаки, но Агриппу, неутомимого трудолюбца, энциклопедически образованного ученого, бесстрашного и честного мыслителя, прекрасного стилиста и язвительного памфлетиста. Агриппа не был чужд предрассудков своего времени, — но кто же в силах вполне от них освободиться? Агриппа вел жизнь искателя приключений, был неуживчив, надменен, любил споры и не уступал своим противникам ни в чем, — но таков был дух эпохи, той славной эпохи, когда конквистадоры завоевывали Новый Свет, когда создавались новые империи, когда жили Кортец и Бенвенуто Челлини. Желчность Агриппы, непримиримость его ненависти искупались его нежной любовью к жене, к «ангелоподобной» Жанне-Луизе, и к семье; некоторое лицемерие, которое случалось проявлять Агриппе, его некоторая неразборчивость в выборе покровителей, оправдывается тяжелыми условиями его жизни, постоянной нуждой, доходившей порой до нищеты, гонениями со стороны сильных врагов, черной неблагодарностью, какой ему платили люди, пользовавшиеся его услугами. А все «чародейства» Агриппы, право, искуплены его беспощадной критикой шарлатанства современных ему магов и тем благородством, с каким он, рискуя собственным благополучием, — а, мо-

---

[1] Aug. Prost, «Corneille Agrippa», II, 404-6.
[2] Приведено у Collin de Plancy, «Dictionnaire Infernal», I, 41-46.

жет быть, и жизнью, — бросился на защиту бедной крестьянки из деревни Войпи, обвиненной в колдовстве.

СОЧИНЕНИЯ АГРИППЫ И ИСТОЧНИКИ ЕГО БИОГРАФИИ

Агриппа был одним из наиболее видных писателей своего времени. Его книги, еще при жизни автора, появились в нескольких изданиях и постоянно переиздавались после его смерти. Большинство его сочинений было вскоре после их появлений переведено на все европейские языки. В течение трех столетий Агриппа почитался непререкаемым авторитетом, и длинный ряд поколений искал в его сочинениях ответа на величайшие вопросы человеческого ума.

При жизни Агриппы были изданы следующие его сочинения, один перечень которых показывает, как разносторонни и всеобъемлющи были его понятия и интересы[1]:

1) О таинстве брака (латинский текст и французский перевод, сделанный самим автором.) Брошюра в 36 стр. Лион, 1526 г.

2) Астрологические предсказания. Брошюра. Лион, 1526 г.

3) Собрание маленьких трактатов: I) О благородстве и превосходстве женского пола; II) О чудодейственном слове (De verbo mirifico); III) О таинстве брака (2-е изд.); IV) О троичном пути к постижению Божества; V) Опровержение языческого богословия; VI) О первородном грехе; VII) Против вредных учений. 84 стр. Антверпен 1529. — Второе издание: Кельн 1532 г. В нем к перечисленным сочинениям были присоединены: VIII) Две речи о монашеском житии.

4) Коронование Карла V. Антверпен 1530. — Второе издание: Кельн 1535 г. Во 2 изд. описание коронования распространено и прибавлены стихотворные эпиграммы Агриппы.

5) О недостоверности и тщете наук и искусств. Книга в 170 стр. Антверпен 1530. — Следующие издания в 1531 (6 изданий в один год), 1532 (2 издания) и около 1533-34 (2 издания).

6) Сокровенная философия. В 3 книгах. Антверпен и Париж 1531 г. (первая книга). Кельн 1533 г. (все три книги). Том в 362 стр.

7) Надгробное слово Маргарите Австрийской. Антверпен 1531 г.

8) Комментарий на Ars Brevis Раймунда Люллия. Кельн 1531 г. — Второе издание: Кельн 1533 г.

9) Апология и жалоба против Лувэнских богословов. Кельн 1533 г.

10) О единобрачии пресвятой Анны. 1534 г.

11) Апологетическое письмо к кельнскому сенату. Страсбург 1535.

[1] Подлинные латинские заглавия большинства из них (с библиографическими данными), а также указания на переводы этих сочинений даны нами выше, в примечаниях.

Всего, при жизни Агриппы, появилось, — считая и переиздания, — двадцать шесть книг с его именем: число немалое и для современного писателя.

Вскоре по смерти Агриппы было приступлено к изданию полного собрания его сочинений. Но, по-видимому, впервые[1] это издание появилось лишь 15 лет спустя смерти философа, в 1550 г., в Лионе, у издателей братьев Годефруа и Марселя Берингов:

Henrici Cornelii Agrippae ab Nettesheim, armatae militiae equitus aurati et iurius utruisque ac medicinae doctoris — Opera — in duos tomos. Lugduni, per Beringos fratres. 1550.

Это издание было повторено в 1565 г. и после того издавалось еще несколько раз, но проследить все его издания затруднительно, так как издатели большею частью не помечали таких книг определенными датами.

В это «Полное собрание» было включено многое из сочинений Агриппы, что при его жизни не было напечатано, а начиная с издания 1565 г., в него вошли также как подложные сочинения Агриппы (напр., IV книга «Сокровенной философии»), так и значительное число сочинений его современников, писавших о магии, в том числе — Петра Абанского, Пиктория Виллиндген, фон Герарда Кремонского, аббата Тритгейма и др.

Из сочинений, безусловно принадлежащих Агриппе, в «Собрании сочинений» мы находим, кроме 11 перечисленных выше, следующие:

12) Вступительная лекция о «Пимандре» Гермеса Трисмегиста (1515 г.).
13) Речь о «Пире» Платона (1515 г.).
14) Вступление к диалогу о человеке, как подобии Божием (1515 г.).
15-18) Четыре речи, произнесенные по разным поводам в Меце (1518-1519 г.).
19) Антидот против чумы (1518-1519 г.).
20) Речь, обращенная к одному из родственников, по поводу его вступления в число парижских профессоров (1528).
21) Послание к Максимилиану Трансильвану по поводу трактата о превосходстве женского пола (1529 г.).
22) Речь о Иоанне Датском (1530 г.).
23) Начало истории Итальянской войны (1531 г.).
24) Мемуары, посланные Марии Венгерской (1532-33 г.).
25) Полемический трактат против братьев-проповедников (1533 г.)
26) Предисловие к сочинениям Годешалка Монкордия (1533 г.).
27) О монашеском житии (год составления неизвестен).

[1] Существуют издания Полного собрания сочинений Агриппы с датами 1531 и даже 1510 г., но эти даты — фиктивны. Сомнительно также издание, помеченное 1535 г., годом смерти Агриппы. См. A. Prost, op. cit., II, 517-519.

28) Рассуждение об обретении останков святого Антония (тоже).
29) Рассуждение о праве (тоже).
30) Несколько прошений, поданных Агриппою властям и судьям по поводу своих дел (1531-1534).

К этому списку надо присоединить многие предисловия и посвятительные письма, которыми Агриппа сопровождал свои сочинения и которые часто являются самостоятельными трактатами. Некоторые письма Агриппы также в сущности являются маленькими трактатами по различным научным вопросам. Наконец, мы достоверно знаем, что некоторые сочинения Агриппы не дошли до нас[1] и мы имеем лишь упоминания об них в переписке философа.

Среди сомнительных сочинений, с большей или меньшей вероятностью, Агриппе могут быть приписаны:

31) Трактат о геомантии.
32) Сокращенная таблица к Ars Brevis Раймонда Люллия.
33) Комментарий к сочинению Плиния младшего о естественной истории мира.

Огюст Про, включая в число сочинений Агриппы все, о которых сохранились известия и принимая за отдельные сочинения предисловия и посвятительные письма, а также его эпиграммы, насчитывает восемьдесят произведений, написанных философом за его сравнительно короткую жизнь (он не дожил до 50 лет).

«Собрание сочинений» прибавляет к этим трудам Агриппы драгоценнейшее дополнение в виде собрания писем Агриппы и к Агриппе, разделенное на 7 книг: Epistolarum ad familiares et eorum ad ipsum libri septem.

В это собрание входило свыше 450 писем, дающих материал исключительной важности для знакомства с жизнью Агриппы, его воззрениями, его современниками и его эпохой. Эти письма еще раз показывают нам, каким неутомимым деятелем был Агриппа, в течение всей жизни ведший огромную переписку с десятками людей по самым разнообразным (большею частью научным) вопросам. Разумеется, далеко не все письма Агриппы дош-

---

[1] Таковы, напр.: Комментарии на послание апостола Павла к римлянам (1510 г.); речь о богословии (1510 г.); комментарий к Сокровенной философии (1515 г.); Диалог о человеке, как подобии Божием (1516 г. — сохранилось только вступление); комментарий к «Пимандру» Гермеса Трисмегиста (1516 г. — сохранилось только вступление); речи в честь графа Савойского (1518 г.); Пиромахия, трактат об огнестрельном оружии (1526 г.); история войны с турками (1532 г. — сочинение, по-видимому, было только начато); трактат о добывании металлов; история царств (Regnorum omniam initia); рассуждения на богословские темы (Placita theologica quae quodlibeta dicuntur) и др.

ли до нас и в действительности его переписка была еще обширнее (некоторые полагают, что сохранились только письма, писанные по-латыни, а писанные по-французски и по-немецки были исключены из собрания).

Таков «литературный багаж» великого чародея XVI века.

Первыми биографами Агриппы были его злейшие враги, постаравшиеся все-таки очернить его память. Таково писание об Агриппе известного инквизитора, похвалявшегося, что он сжег на своем веку несколько сотен людей, Дель Рио. Жан Вир тщетно защищал память своего учителя. В 1577 г. появилась книга Павла Иовия[1], в которой впервые была дана биография Агриппы и собраны все легенды о нем. Несколько позже появилась книга А. Тевэ[2], повторившая их с новыми дополнениями.

Защиту Агриппы, после Вира, взял на себя Г. Нодэ, издавший в начале XVII века книгу, в которой хотел оправдать великих людей от обвинения в чародействе[3]. Но Г. Нодэ, желая защитить Агриппу, выставляет его ловким мошенником, обманщиком и шарлатаном, пользовавшимся легковерием современников. Гораздо серьезнее защита Л. Фреера[4], опровергшего многие из легенд, сложившихся вокруг имени Агриппы. Наконец, с решительным опровержением ходячего представления об Агриппе выступил «великий скептик» Бэйль[5].

Исследованиями, касающимися отдельных сторон жизни Агриппы, в XVII веке занимались еще Ги Аллар и Шорье[6] и др. В XVIII веке появилось два стоящих внимания сочинений об Агриппе: одно Равиуса, другое анонимное[7]. Оба не содержат ни новых материалов, ни особенно новых точек зрения. В XIX веке Агриппе посвятили статьи: Гизо, Гофер, А. Даге, Л. Шарвэ, Шпренгель и Теннеман, Монэн, Кизеветтер и др., разъяснившие немало спорных вопросов в биографии философа[8].

Наконец, в XIX веке, появились два капитальных труда, разработавших биографию Агриппы согласно со всеми новейшими требованиями исторической науки, один в середине века — английский, другой, в конце века — французский:

---

[1] Pauli Jovii Novocomensis episcopi Nucerini. Elogia virorum litteris illustrium. 1577.

[2] A. Thévet. Les vrais portraits et vies des hommes illustres, 1584.

[3] G. Naudé. Apologie pour tous les grands personnages qui ont été faussement soupsonés de magie. 1625.

[4] Pauli Freheri. Theatrum virorum eruditione clarorum. 1688.

[5] P. Bayle, Dictionnaire historique et critique. 1697.

[6] См. выше «Легенда о Агриппе».

[7] Ravius. Dissertatio de H. C. Agrippae eruditione portenti, vita, fatis et scriptis. Wittemb. 1726. — Agrippaeana oder H. C. Agrippa’s merkwürdiges Leben und Schriften. S. 1. 1722.

[8] Другие библиографические указания можно найти в известном труде Эттингера: Oettinger, Bibliograhie biographique universelle. См. также Aug. Prost, op. cit., II, 535-36.

H. Morley. The Life of H. C. Agrippa von Nettesheim. London 1856. 2 vol.
Aug. Prost. Corneille Agrippa, sa vie et ses oeuvres. Paris 1881. 2 vol.

Особенно ценным мы считаем второе сочинение, дающее, кроме жизнеописания Агриппы, подробное изложение его идей и ряд экскурсов по различным вопросам, связанным с биографией философа.

Статья Жозефа Орсье, появившаяся в «La Revue des Idées» 1910 г., дополняет эти исследования рядом мелких деталей. Она основана почти исключительно на переписке Агриппы, но местами автор пользовался и неизданными архивными материалами (Лилля, Парижа и др. городов).

На русском языке мы не знаем никаких работ о Агриппе, если не считать краткого биографического очерка, принадлежащего перу пишущего эти строки и помещенного в «Новом Энциклопедическом Словаре» Брокгауз-Эфрона.

Нельзя, однако, сказать, чтобы жизнь и характер Агриппы были теперь выяснены окончательно. В биографии философа осталось еще немало эпизодов, разъясненных недостаточно; свидетельства современников об Агриппе еще никем не были разобраны во всей полноте; из самих сочинений Агриппы еще можно извлечь немало данных, объясняющих различные события его жизни. Еще больше остается сделать для характеристики Агриппы. Замкнутый в себе, не любивший излишней откровенности, порой сознательно высказывавший мысли, которых он не разделял, Агриппа задал историкам трудную загадку, над разъяснением которой еще предстоит потрудиться. Наконец, учение Агриппы, в своей полноте, может быть понято только из сопоставления его с учением оккультистов всех времен, с преданиями древнего Египта (сохранившими для нас традиции Атлантиды), с эзотерическим учением орфиков, с книгами Гермеса Трисмегиста, с идеями неоплатоников, Прокла и их единомышленников, с указаниями, рассыпанными у Горация, Овидия, Апулея, с сочинениями современников Агриппы, напр. аббата Тритгейма и Парацельса, наконец, с новыми трудами XVIII века, каковы сочинения Клода де Сен Мартена, Сен-Виктора и др. и XIX века, каковы труды Фабра д'Оливэ, Станислава де Гуайта, Элифаса Леви, Мишеля Фиганьера, Сент Ива д'Альвейдра и др. Эта работа еще предстоит будущему, когда современная наука (а это неизбежно) своими путями и методами подойдет к вопросам, занимавшим всех этих исследователей, и поймет, как неосторожно она поступала, смешивая их с шарлатанами и чародеями и целые столетия пренебрегая их открытиями.

Фрэнсис Йейтс

ОККУЛЬТНАЯ ФИЛОСОФИЯ И МАГИЯ: ГЕНРИХ КОРНЕЛИЙ АГРИППА

Репутация Генриха Корнелия Агриппы (1486-1535) была запятнана в эпоху ведовских процессов шестнадцатого и семнадцатого веков, когда его повсеместно изображали князем чернокнижников и колдунов. В эпоху Просвещения черный маг веков суеверия стал нелепым и абсурдным шарлатаном, недостойным серьезного внимания. Тот же процесс и с тем же результатом произошел и в случае Джона Ди: фигура большой исторической значимости исчезла в XIX столетии в тумане насмешек, откуда ученым XX века пришлось ее постепенно извлекать. Что же касается Агриппы, то его *De occulta philosophia* [«Сокровенная философия»] видится сегодня незаменимым справочником по «магии» и «Каббале» Возрождения, соединившим натуральную магию Фичино и каббалистическую магию Пико в рамках единого удобного компендиума; в качестве такового книга сыграла очень важную роль в распространении ренессансного неоплатонизма с его магическим ядром[1].

Книга Чарльза Науэрта об Агриппе[2] поставила изучение его жизни и трудов на научные рельсы; эрудированные статьи Паолы Замбелли[3] добавили новый и интересный материал. «Маг» начинает видеться нам неким евангелическим эразмианцем, соединившим дореформационный гуманизм с попыткой создать «действенную» философию для сопровождения евангелистской реформы. В этих своих попытках Агриппа несомненно вдохновлялся христианской Каббалой Рейхлина. Собственно говоря, *De occulta philosophia* Агриппы можно отнести к христианской Каббале: в третьей книге, посвященной горнему миру, имя Иисуса описано как всемогущее[4] и заключающее в себе силу Тетраграмматона, «как то подтверждено иудеями и каббалистами, искусными в науке Божественных Имен». Агриппа цитирует каббалистические заключения Пико. Христианская Каббала приводит его к своеобразному евангеличеству, опирающемуся на оккультную философию. Попытка сочетания эразмианского евангеличества[5] (в некоем индивидуальном понимании) с магически действенной философией превращает Агриппу в странного и любопытного реформатора.

Новый образ Агриппы очень далек от чернокнижника с черным псом, преследуемого охотниками на ведьм и колдунов и олицетворявшего позднее, в XIX веке, идею некромантии. Далее я попытаюсь — по необходимости вкратце и недостаточно подробно — обрисовать жизнь и труды Агриппы в этой новой перспективе.

Интерес Агриппы к оккультизму восходит, очевидно, к его ранним годам в Кельне; он пишет, что одним из первых оккультных текстов, которые он изучал, был *Speculum* Альберта Великого*, также уроженца Кельна. В его жизни с самого начала проступает поведенческая модель, состоящая в постоянных странствиях и таинственных связях с разными группами людей в

---

* Т. е. *Speculum astronomiae* («Зерцало астрономии»). *Здесь и далее подстраничные прим. перев.*

самых различных местах. Науэрт предположил, что Агриппа и его единомышленники составляли некое тайное общество[7]. Паола Замбелли также придерживается мнения, что Агриппа мог являться центральной фигурой ряда тайных обществ[8]. Доказать подобные связи всегда трудно; но остается тот факт, что во время бесконечных путешествий Агриппы постоянно находились группы людей, готовые его принять и оказать ему поддержку, а это может намекать на некую организацию. Эти люди, насколько можно судить, занимались алхимией, а также изучением герметической, неоплатонической и каббалистической литературы. Имеются сообщения, что уже в молодые годы Агриппа читал лекции о Рейхлине[9].

В 1509-10 гг. Агриппа гостил в Германии у ученого аббата Тритемия, и примерно в это время он написал первый вариант *De occulta philosophia*[10]. Сохранилась рукопись этой первой версии[11]. Книга посвящена Тритемию, оказавшему, вне сомнения, значительное влияние на ученые занятия Агриппы.

На этой важной стадии, когда идеи Агриппы достаточно выкристаллизовались для написания первого варианта *De occulta philosophia*, одно из загадочных путешествий привело его в Англию.

Как свидетельствует посвящение, Агриппа оказался в Англии в 1510 году[12]. Генрих VIII не так давно взошел на престол. Эразм также находился в Англии; развивалось раннее гуманистическое движение, сформировавшееся вокруг Томаса Мора и Джона Колета. Агриппа, вероятно, провел в Лондоне не более нескольких месяцев; нам не известно, встречался ли он с Эразмом, но он был определенно знаком с Джоном Колетом и изучал с ним *Послания* св. Павла. Связующим звеном между ними могла послужить Каббала, которой Колет безусловно интересовался. По мнению Науэрта, совместное изучение *Посланий* Павла с Колетом показывает, что Агриппа достаточно рано познакомился с библейским христианством, характерным для Колета и всего эразмианского реформистского движения в целом. Науэрт также предполагает существование прямой связи между библейскими штудиями Агриппы в Лондоне и его увлеченностью оккультизмом; общий знаменатель он усматривает в «методах каббалистической экзегезы»[14].

Примерно в 1511 году Агриппа отправился в Италию, приобретя таким образом столь важный для северного гуманиста итальянский опыт. За несколько лет до него, в 1506-9 гг., в Италии впервые побывал Эразм. Любопытно сравнить два визита[15]. К моменту прибытия в Италию Эразм обладал всем запасом итальянских гуманистических знаний и годами их использовал; в Италии он увидел гуманизм в действии в венецианском кружке Альда Мануция. Подобно ему, Агриппа ко времени итальянской поездки обладал всем запасом ренессансных знаний о магии и Каббале, исходящих от Фичино и Пико, и годами применял их в своей работе. И все же поездка в Италию была равно и по одинаковым причинам важна для обоих: здесь они

могли воочию увидеть и впитать последние достижения уже известных им традиций. Для Эразма то была традиция классических исследований, воплощенная теперь в Альде и его издательстве; для Агриппы — оккультная философия в той форме, в какой она развивалась в Италии в начале XVI века.

В Италии Агриппа изучал герметическую философию и Каббалу с учеными, считавшими себя наследниками Фичино и Пико. Его итальянские связи включали кардинала Эгидия да Витербо и еврея-выкреста Агостино Риччи; оба примыкали к движению католических реформаторов и применяли для этой цели достижения христианской Каббалы[16]. Агриппа также опосредованно контактировал с Франческо Джорджо, венецианским монахом и христианским каббалистом[17]. Все эти итальянские каббалисты ревностно изучали и использовали каббалистические книги и манускрипты, ставшие гораздо более доступными в Италии в те годы.

Так немецкий реформатор-каббалист познакомился с деятельностью итальянских христианских каббалистов. Идеи Франческо Джорджо, по сути, довольно близки к взглядам Агриппы, хотя не столь радикальны и окрашены более «мягким» итальянским духом.

Агриппа, никогда не сидевший на одном месте, объявился затем в северном городе Мец. Город бурлил под растущим влиянием Лютера. По выражению Науэрта, захватывающая и энергичная культура Италии времен Возрождения сменилась здесь для Агриппы столь же захватывающей и живой культурой северной Европы накануне Реформации[18]. Агриппа и его друзья внимательно следили за работами Лютера; некоторые из них позднее стали протестантами-лютеранами. Из Меца Агриппа отправился к своим друзьям-оккультистам в Женеву. Отдельные историки, изучавшие истоки протестантизма в Женеве, считали Агриппу и его кружок начала 1520-х гг. «рассадником реформированной веры»[19].

В 1524 г. Агриппа уехал во Францию, где у него также имелось немало друзей. В 1526 г. он опубликовал здесь одну из двух своих знаменитых книг, *De vanitate scientiarum* [«О тщете наук»]. В этой книге говорилось о пустоте и ничтожности всех наук, включая оккультные. Другой знаменитый труд Агриппы, *De occulta philosophia*, уже существовал в первом варианте, но напечатан был лишь в 1533 г. Решение Агриппы отложить публикацию ранее написанной оккультной книги и выступить с трудом о тщете всех наук остается одной из многочисленных загадок его жизни и деятельности.

Во Франции[20] Агриппа поддерживал контакты с французскими врачами (он хорошо разбирался в медицине), гуманистами, учеными, алхимиками, луллистами (луллизм был одной из его специальностей) и т. п. В этом мире раннего французского гуманизма Агриппа, вероятно, чувствовал себя, как дома. Новое просвещение, испытывавшее заметное влияние Эразма, продвигалось громадными шагами; развивались идеи религиозной рефор-

мы; подспудно действовали влиятельные герметические течения. Контакты с Агриппой поддерживал знаменитый французский ученый и герметик Лефевр д'Этапль; у Рабле упоминается «герр Триппа»[21].

В 1528 г. Агриппа перебрался в Антверпен, где подготовил к печати *De occulta philosophia* (1533) и новое издание *De vanitate*. Публикация этих книг способствовала росту его славы. Имперский посол при английском дворе сообщил Агриппе в письме, что все ученые мужи Лондона пришли в восторг от его трудов; он уговаривал Агриппу встать на защиту королевы Екатерины Арагонской, развода с которой добивался король Генрих VIII[22]. Утверждается, что и сама королева Екатерина желала видеть Агриппу в числе своих защитников[23]. В отличие от Франческо Джорджо (занявшего, как мы видели, сторону короля), Агриппа уклонился от участия в полемике. Судя по опыту Джорджо, сторонники королевы предполагали воспользоваться гебраистическими познаниями Агриппы, так как вопрос требовал обращения к иудейским законам о разводе.

Примерно к этому времени относятся свидетельства контактов между Эразмом и Агриппой. В письме к Агриппе Эразм просил того проконсультировать некоего студента оккультных наук, чьи запросы он (Эразм) не мог удовлетворить. Эразм прибавлял, что благодаря *De vanitate* имя Агриппы стало широко известным, хотя сам он слышал, что труд был довольно смелым. Агриппа охотно откликнулся, возразив, что он является эразмианцем и послушным сыном церкви; при этом он попросил Эразма высказать мнение о *De vanitate*. Эразм ответил лишь в 1533 г., книгу похвалил, но предупредил, что Агриппе следует вести себя осторожнее. Эразм добавил, что не имеет никакого желания вмешиваться в те или иные споры о трудах Агриппы, поскольку у него и без этого немало недоброжелателей[24].

Хотя Эразм изначально поддержал Рейхлина и восхищался его познаниями как ученого, его взгляды на Каббалу впоследствии изменились и он, не без примеси антисемитизма, стал выражать резкую антипатию к «иудаизации» науки. Эразму была особенно не по душе попытка оккультных философов усилить элемент магии в христианских церемониях, в чем виделся способ укрепления религии с помощью более «действенной» философии[25]. Собственно, это и есть тема третьей книги *De occulta philosophia* Агриппы, где говорится о «церемониальной магии». Цели, которые ставили перед собой оккультные философы-реформаторы в расширении роли «церемониальной магии», были диаметрально противоположны «христианской философии» эразмианской реформы. Вполне возможно, однако, что сам Агриппа и некоторые его последователи не слишком ясно понимали различие между своими и эразмианскими взглядами на реформу.

Эразм, Лютер, Агриппа представляли собой различные грани духовного течения, сметавшего прошлое и возвещавшего будущее.

(1) Труды Агриппы: *De vanitate scientiarum*[26]

В этом поразительном сочинении Агриппа обозревает все интеллектуальные потуги человека и приходит к выводу, что все — тщета, все познания человечества ничтожны, никакое знание о чем-либо не может быть точным. Подобно проповеднику Екклезиаста, которого он цитирует, Агриппа заключает, что все — суета сует и нет ничего нового под солнцем. Был ли он выразителем тотального скептицизма? Некоторые современные ученые так и считают, но это ошибка. Как показывает более внимательное чтение его труда, скептиком Агриппа не был.

Первая глава открывается в атмосфере герметического «Египта», с отсылкой к «Тевту» и «Тамусу» и герметическому диалогу о египетских мистериях[27]. Далее говорится, что в книге пойдет речь о сомнительности всех человеческих познаний. Список «тщетных» наук включает грамматику, поэзию, искусство памяти, диалектику, луллизм, арифметику, музыку, геометрию, космографию, архитектуру, астрономию, магию, Каббалу, физику, метафизику, этику, монашеское суеверие, медицину, алхимию, юриспруденцию. Выбор их свидетельствует о любопытной широте труда. Он направлен не только против оккультных наук, как например магии, Каббалы и алхимии. Автор выступает также против наук, связанных с числами — арифметики, геометрии, архитектуры, астрономии; против физики и метафизики и интеллектуальной структуры схоластической традиции. Упоминание «монашеского суеверия» говорит нам о том, что труд писался в те годы, когда уже поднималась буря Реформации.

Последующие главы посвящены детальному разгрому наук, причем Агриппа выказывает немалую образованность в указанных сферах знания. Он подробно останавливается на магии и ее видах. Существует, говорит Агриппа, натуральная магия и математическая магия. Есть порочная магия, что обращается к зловещим демонам, и благотворная магия, взывающая к ангелам посредством Каббалы. Существует натурфилософия, обсуждающая такие вопросы, как «Возможна ли многочисленность миров?» и «Что есть душа?». Отсюда Агриппа переходит к метафизике и моральной философии. К тому времени, как читатель XVI в. добирался до сотой главы, ему казалось, вероятно, что Агриппа охватил все существующие в мире науки. И все — тщета, за исключением одного: Слова Божьего в Писании, ведущего нас к Иисусу Христу. Сотая глава носит название *De verbo Dei* [«О слове Божьем»].

Агриппа не атеист, он — евангелический христианин. Он часто цитирует *Послания* апостола Павла, и слова одного из них могли бы послужить эпиграфом к его проповеди: «Я рассудил быть у вас незнающим ничего,

кроме Иисуса Христа»[28]. Евангелические убеждения Агриппы отражаются не только в впечатляющих формулировках сотой главы, но и в других местах трактата. К примеру, в главе 54 говорится, что только Христос может наставлять в моральной философии; это евангелическая реакция против схоластики. В главе 97, посвященной схоластической теологии, утверждается, что этот предмет, прежде разрабатывавшийся достойными людьми, превратился в набор софизмов и должен быть упразднен. В главе о живописи и скульптуре (гл. 25) критикуется использование визуальных образов в Церкви: истина должна познаваться не благодаря им, а Писанию, где запрещается идолопоклонничество. Но и без того книга проникнута духом реформы — эразмианской евангелической реформы. Утверждения в сотой главе лишь подводят итог этой темы.

Нет иного ключа к познанию, говорится в этой главе, кроме Слова Божьего. Проповедник Екклезиаста был прав, считая все знания тщетой. Мы должны признаться в своем невежестве и уподобиться ослам. Далее следует знаменитая похвала ослу. Христос въехал в Иерусалим на осле. У Апулея в *Золотом осле* герой допускается к посвящению в мистерии Изиды лишь после превращения в осла[29]. Эти христианские и герметико-египетские примеры священного невежества резюмируют тему неадекватности мирского знания. Тема в основе своей мистическая, ее можно найти в средневековых сочинениях наподобие *Облака незнания**, где описан негативный мисти-ческий опыт. Агриппа, несомненно, отсылал читателя к замечательной философской обработке темы в трактате Николая Кузанского *Об ученом невежестве*. Но ближайший аналог *De vanitate* Агриппы гораздо ближе к нему по времени и принадлежит как раз к движению эразмианского евангеличества: это сочинение самого Эразма, знаменитая *Похвала глупости*. Агриппова *Похвала ослу* параллельна *Похвале глупости* его великого современника.

Эразм написал *Похвалу глупости* (*Encomium Moriae*)[30], когда жил в лондонском доме Томаса Мора во время знаменательного визита в Англию в 1508-1513 гг. Как мы помним, Агриппа в 1510 г. побывал в Лондоне и поддерживал связи с членом кружка Мора, Джоном Колетом. Свидетельств встреч Агриппы с Эразмом во время этой лондонской поездки не имеется, как и того, что Агриппа знал о работе Эразма над *Похвалой глупости*. Однако, как мы видели, в более поздние годы Агриппа был очень заинтересован в отзыве Эразма на *De vanitate*; возможно, он надеялся, что Эразм заметит параллель между его Тщетой и Глупостью. Во всяком случае, весьма полезно сравнить эти два сочинения.

---

* Анонимный мистический трактат, написанный на староанглийском языке во второй половине XIV в.

Глупость Эразма смеется над всеми науками, как то Грамматикой, Риторикой, Математикой, Астрономией, Физикой; она игнорирует все науки, а идеи, построения и доводы философов кажутся ей абсурдными. Хотя в основном Глупость разоблачает пустоту ортодоксальных познаний, она также упоминает ничтожность некоторых оккультных наук, а именно магии и алхимии. Недоверие Глупости к научному познанию тесно связано с ее преформаторскими взглядами. Она издевается над квестариями и индульгенциями, над проповедями монахов и священников. В этом блестящем сочинении, получившем громадную известность и выразившем накопившееся раздражение против старого порядка вещей и стремление к реформе, как нельзя лучше отразилось все остроумие Эразма. Его Глупость цитирует Екклезиаста, говорившего о суете сует, и апостола Павла, осуждавшего надменность знания*. Христианство — это доктрина простоты, утверждает Глупость, и человек, охваченный любовью к небесному, может показаться глупцом.

Мораль эта весьма близка к выводам Агриппы в *De vanitate*. Обозрев все науки, Глупость понимает, что доверять можно лишь Писанию. В обеих книгах критика тщеты познания является также сатирой на монашескую науку. Эразм, в сравнении с Агриппой, уделяет существенно меньше внимания оккультным наукам, но все же включает их в свой список. Агриппа критикует не одну только тщету оккультных наук, но и схоластической науки в целом. В обоих случаях авторы заключают, что доверия заслуживает лишь простота Писания.

Эту параллель разглядел Филип Сидни, заметивший в Защите поэзии:

> Агриппа столь же весело разоблачает тщету науки, как Эразм защищает глупость. Ни один человек или предмет не избегают внимания сих улыбающихся шутников... И однако, у Эразма и Агриппы имелась иная основа, нежели явствует из внешней стороны их трудов[31].

Я полагаю, что под «иной основой» подразумевается Писание — единственное, что избежало скептических нападок как Эразма, так и Агриппы.

Написав *Похвалу глупости*, Эразм отнюдь не отбросил за ненадобностью свои научные и религиозные познания и не отказался от жизненного пути ученого-гуманиста. Агриппа, восхвалявший осла, не отказался от оккультных наук. Напротив, через несколько лет после *De vanitate* он опубликовал *De occulta philosophia* — полноценное и позитивное изложение своей оккультной философии.

---

* «Знание надмевает» (1 Кор. 8:1).

(2) Труды Агриппы: *De occulta philosophia*[32]

В других книгах[33] я уже пыталась изложить в относительно доступной форме содержание этого странного труда; теперь я постараюсь сделать это снова.

В первых двух главах Агриппа излагает основные принципы устройства мироздания. Вселенная разделяется на три мира — элементальный, небесный и интеллектуальный*. Каждый из миров испытывает влияние мира вышестоящего; достоинства Творца нисходят к ангелам в интеллектуальном мире, звездам в мире небесном и далее к элементам и всему сотворенному из них в мире земном. Согласно этой схеме, сочинение Агриппы подразделяется на три книги. В первой говорится о натуральной магии, или магии в элементальном мире; Агриппа учит, как подбирать вещества в соответствии с их оккультными притяжениями для проведения операций натуральной магии. Вторая книга посвящена небесной магии, или привлечению и использованию влияний звезд. Агриппа именует эту магию математической, так как ее действия основаны на числах. Третья книга отведена под церемониальную магию, то есть магию, направленную на горний мир ангельских духов, превыше которого — лишь Единый создатель или сам Творец.

Агриппа резюмирует в своем сочинении дисциплины ренессансной магии — герметической магии Фичино и магии каббалистической, введенной Пико делла Мирандола.

Как показал Д. П. Уолкер, магия Фичино была в конечном итоге основана на учении предположительно жившего в Египте мудреца Гермеса Трисмегиста; Фичино считал его современником Моисея и пророком христианства. Свою магию Фичино описал в книге *De vita coelitus comparanda* [«Стяжание жизни с небес»], наиболее популярном и широко читавшемся его сочинении. В значительной степени, как продемонстрировал Д. П. Уолкер, *De vita* основывается на трактате *Асклепий*, приписываемом Гермесу Трисмегисту, где описывается, как египтяне вселяли небесных духов в статуи своих богов[34].

Фичино разъясняет способы привлечения планетных влияний путем подбора веществ, инкантаций и талисманов, украшенных изображениями планет и привлекающих или содержащих в себе силу влияний последних. Агриппа в первой книге описывает магию Фичино, но проявляет гораздо большую смелость. Магия вызывала у Фичино беспокойство: он всемерно старался ограничиться «натуральной» магией, занятой веществами в их

* Т. е мир ангельских «разумов».

отношении к звездам, избегая при том «звездных демонов» или связанных со звездами духов. Агриппа понимал, что астральная магия едва ли возможна без привлечения астральных демонов — и смело принял вызов.

Во второй его книге говорится о небесной магии, построенной не только на влияниях звезд на элементы, но и восхождении в «срединный» небесный мир. Этот процесс основан на числах, и небесная магия становится магией математической. Агриппа настаивает на том, что математическая магия требует обращения к математическим дисциплинам. Магические статуи в *Асклепии*, говорит он, зависели от чисел. Магических эффектов можно добиться при посредстве геометрии и оптики. Пифагор подчеркивал важнейшее значение чисел; в основе физики лежит математика. Фичино, старавшийся избегать «звездных демонов», не обсуждал «математическую магию», но Агриппу она глубоко привлекала.

В третьей книге Агриппа смело вторгается в интеллектуальный и ангельский мир и разрабатывает методы привлечения ангелов и духов с помощью каббалистической магии. Подобные операции строятся на манипуляциях с древнееврейскими буквами, имеющими числовые значения, так что перед нами вновь математическая магия, но ставящая перед собой куда более амбициозные цели. В книге описываются религиозные церемонии. Маг, достигший в своих занятиях подобного уровня, оставляет далеко позади как натуральную, так и математическую магию. Он приближается к самому Творцу и умеет пользоваться Именами Бога.

Не приходится сомневаться, что Агриппа считал себя христианским каббалистом: третья книга ведет к последней тайне, Имени Иисуса. В каббалистических заключениях Пико делла Мирандола утверждал, что с открытием тайн Каббалы каббалист может оперировать лишь именем Иисуса. Агриппа слово в слово повторяет это заключение[35]. Этот знаменитый маг безусловно верил, что соответствовал, как и Пико, определению христианского каббалиста.

В сущности, как я считаю, Агриппа задался именно целью описать технические процедуры более действенной и «чудотворной» философии, к которой призывал Рейхлин, философии внешне неоплатонической, но включающей магическую герметическо-каббалистическую сердцевину. В *De occulta philosophia* Агриппа не устает упоминать Платона, Плотина, Прокла и других неоплатоников и, разумеется, «Гермеса Трисмегиста». В практичном и деловом стиле учебника он излагает понятия того «чудотворного» неоплатонизма, которым Рейхлин мечтал заменить сухую и бесплодную схоластику в качестве философии христианства.

Внимательно перечитывая в этом свете *De occulta philosophia*, мы обнаружим, что в описаниях каждого из трех миров Агриппа использует древнееврейские термины и формулы. Это относится как к магии элементального и небесного миров, так и магии мира наднебесного, к которой, естест-

венно, принадлежит Каббала. Агриппа был убежден, вероятно, что путем контакта с могучей иудейской магией одновременно усиливал и очищал натуральную и небесную магии, защищая их с помощью священных каббалистических влияний. Магия, связанная со священными влияниями, как и у Рейхлина (и Пико), становится безопасной. Агриппа говорит лишь о привлечении добротворных и святых ангельских влияний, защищенных таким образом от звездных демонов. Его оккультная философия призвана служить исключительно белой магией. По сути, это религия, претендующая на доступ к высшим силам, причем религия христианская, так как главенствующим среди чудотворных Имен признается имя Иисуса.

Как уже говорилось, взгляды Агриппы кажутся очень близкими к идеям Франческо Джорджо, хотя в *De harmonia mundi* Джорджо несколько более осторожен (он высказывается смелее в *Problemata*). Несомненно, благодаря принадлежности к францисканцам Джорджо вызывал меньше опасений, нежели Агриппа, этот загадочный странник, лишенный религиозной родины.

Агриппа видел роль Каббалы не только в высшей «горней» магии, но и в защите мага от демонов на всех уровнях магических процессов. Фичино преследовал страх перед демонами, но для Агриппы Каббала рассеивала этот страх. Она служила страховкой от демонов, гарантией того, что смелые поиски бесконечного знания и силы не приведут к вечным мукам в аду.

Хотя подобная интерпретация Каббалы в духе ангельской белой магии, возможно, вызвала бы оторопь у истинного иудейского каббалиста, трактовка Агриппы была призвана поддержать искателя на пути к интеллектуальным и духовным свершениям.

Примечания

1. См. Yates, *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition*, London, 1964, гл. VIII. Об Агриппе, см. в частности D. P. Walker, *Spiritual and Demonic Magic from Ficino to Campanella*, London (Warburg Institute), 1958, с. 90-9.

2. Charles G. Nauert, *Agrippa and the Crisis of Renaissance Thought*, Urbana, University of Illinois Press, 1965.

3. Подробнее см. ниже, прим. 5, 8.

4. *De occ. phil.*, Lib. III, Cap. XII. Имя Иисуса, говорит Агриппа, содержит в себе Тетраграмматон, и потому без него невозможны никакие операции. Агриппа, однако, не приводит каббалистическое доказательство того, что «Иисус» — имя Мессии.

5. Относительно Агриппы и Эразма, см. важную статью Паолы Замбелли, «Cornelio Agrippa, Erasmo e la teologia umanistica', *Rinascimento*, XX (1969), с. 1-59; также введение Замбелли к ее изданию неопубликованных произведений Агриппы: *Cornelio Agrippa: scritti inediti e dispersi*, ed. P. Zambelli, *Rinascimento*, XVI (2-я серия), 1965.

6. Nauert, *Agrippa*, с. 9-11.

7. Nauert, *Agrippa*, с. 17-19.

8. Zambelli, «Umanesimo magico-astrologico e raggrupamenti segreti nei platonici della preriforma», Centro Internazionale di Studi Umanistici, Padua, 1960.

9. Nauert, *Agrippa*, p. 26.

10. Nauert, *Agrippa*, p. 30.

11. Würzburg, Universitätsbibliothek, MS. M. ch. q. 30. Эта ранняя рукописная версия факсимильно воспроизведена в качестве одного из приложений к изданию *De occulta philosophia* под ред. Карла Антона Новотного (Graz, 1967). Она значительно отличается от печатного издания 1533 г. См. ниже, с. 62 и далее.

12. Nauert, *Agrippa*, с. 31.

13. *Ibid*.

14. *Ibid*. Согласно Перл Хогрефе (*The Sir Thomas More Circle*, Urbana, University of Illinois Press, 1959, с. 224), в период сотрудничества с Колетом, Агриппа опубликовал *Речь... о превосходстве Слова Божьего*, призывавшую к простому библейско-

му христианству. Мне не удалось найти это сочинение, которое могло бы подтвердить другие указания на то, что Агриппа являлся евангелическим христианином и что весь громадный аппарат *Сокровенной философии* прилагался к подобному «простому библейскому христианству».

15. Nauert, *Agrippa*, с. 35 и далее.

16. *Ibid*., с. 42 и далее.

17. Контакт был, как уже сказано, опосредованным: друг Агриппы сообщил, что виделся с Джорджо и говорил с ним об Агриппе. См. Nauert, *Agrippa*, с. 53.

18. Nauert, *Agrippa*, с. 56.

19. *Ibid*., с. 73.

20. *Ibid*., с. 88 и далее.

21. *Tiers Livre*, гл. XXV.

22. Nauert, *Agrippa*, с. 108.

23. *Ibid*. See also *Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII*, V, 204-5.

24. Nauert, *Agrippa*, p. 110. Письма Эразма к Агриппе содержатся в *Opus epistolarum Erasmi*, ed. P. S. Allen and H. W. Garrod, Oxford, 1906-11, X, 203, 209-11.

25. См. важную статью Чарльза Зика, «Reuchlin and Erasmus: Humanism and the Occult Philosophy», *Journal of Religious History* (Sydney), IX (1977), с.223-46.

26. *De incertitudine et vanitate omnium scientiarum et artium*, 1526 и многочисленные последующие издания.

27. *Асклепий*. См. *Bruno*, с. 35 и далее.

28. 1 Кор. 2:2.

29. Apuleius, *The Golden Ass*, trans. W. Adlington. См. Bruno, с. 173-4.

30. Erasmus, *Praise of Folly*, trans. T. Chaloner, Early English Text Society, 1965.

31. Philip Sidney, *A Defence of Poetry*, ed. J. A. Van Dorsten, Oxford, 1966, с. 49-50.

32. Лучшим современным изданием является факсимиле публикации 1533 г. под ред. Новотного (см. выше, прим. 11).

33. *Bruno*, с. 130-43; Yates, *Theatre of the World*, London, 1969, с. 23-4; Yates, *Shakespeare's Last Plays*, London, 1975, с. 94-5.

34. Walker, *Spiritual and Demonic Magic*, с. 36 и далее.

35. См. выше, прим. 4.

Пер. С. Старосельского

КОММЕНТАРИИ

Первые русские переводы сочинений прославленного гуманиста, натурфилософа и эзотерика Генриха Корнелия Агриппы из Неттесгейма (1486-1535) были опубликованы в семидесятых-восьмидесятых годах XVIII века. С тех пор переводы произведений Агриппы на русский язык не издавались на протяжении двух с лишним столетий (хотя надо отметить, что в масонских кругах с XVIII в. ходил в рукописях перевод «Сокровенной философии», осуществленный, видимо, с французского издания 1727 г.).

В начале XX века В. Я. Брюсов (1873-1924), для которого Агриппа выступал своеобразным *alter ego*, задумал роман о немецком оккультисте, превратившийся затем в «Огненного ангела» (1907-1908); Агриппе в этой книге было отведено почетное, но второстепенное место. В 1913 г. по очевидной инициативе Брюсова был издан перевод исследования французского ученого Ж. Орсье «Агриппа Неттесгеймский: Знаменитый авантюрист XX века».

Отрывки из «Сокровенной философии» и трактата «О недостоверности и тщете наук и искусств» (в пер. с немецкого В. В Соколовой) были опубликованы в 1999 г. в антологии «Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII-XIX вв.». В 2010 г. в Москве была издана «Речь о достоинстве и превосходстве женского пола» в весьма вольном переводе с латинского М. Шумилина.

Вышедшее в 1912 г. издание «Магия Арбателя», приписанное Агриппе (Агриппа. Магия Арбателя. Пер. с франц. А. В. Трояновского. СПб., 1912; переизд.: Магия Арбателя: Книга магических гримуаров. Н. Новгород, 2013) является переводом гримуара XVI в., не имеющего никакого отношения к немецкому эзотерику. Не стоит и напоминать, что перу Агриппы также не принадлежит так называемая IV книга «Сокровенной философии», приложенная к изд. «Практической магии» Папюса (М., 1992). Самодеятельные русские «переводы» «Сокровенной философии» — «Оккультная философия» (М., 1993) и «Философия естественной магии» (М., 2014) — в лучшем случае представляют собой жалкие поделки.

Все включенные в настоящий том произведения публикуются без сокращений по означенным ниже первоизданиям. Орфография и пунктуация текстов приближены к современным нормам. Имена и фамилии оставлены без изменений.

В оформлении обложки использована виньетка с тит. листа немецкого издания сочинения «О благородстве и преимуществе женского пола» (Франкфурт-на-Майне, 1540).

Рассуждение о монашеской жизни

Публикуется по: Генриха Корнелия Агриппы Рассуждение о монашеской жизни. Пер. с латинского [Л. М. Максимовича]. М., в привилегированной тип. у Мейера, 1783.

Вторично книга была издана Н. И. Новиковым (М., в тип. Компании типографической, 1787). В том же году в связи с гонениями на Новикова 1227 экз. книги из московских книжных лавок попали под временный арест.

О благородстве и преимуществе женского пола

Публикуется по: О благородстве и преимуществе женского пола. Сия книга переведена в Москве под руководством Московского Архангельского собора протоиерея Петра Алексеева. В СПб., ижд. Императорской Академии Наук, 1784.

Как сообщает «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725-1800», «появление этой книги вызвало недовольство со стороны Екатерины II. Отрицая свое участие в ее переводе, Петр Алексеев писал духовнику Екатерины II Иоанну Памфилову, что книгу перевел не он, а его покойный брат Иван Алексеевич Алексеев, и что рукопись перевода он переслал Е. Р. Дашковой в 1783 г. не для напечатания, а “для одной куриозности”, “без одобрения моего, но еще со внушением о имеющихся в самом оригинале оного нелепостях”. В типографском паспорте от 17.VII 1783 г. <…> записано, однако: «Напечатать 600 экз. на академический счет переведенной Моск. Архангельского собора протоиереем Петром Алексеевым книги под названием “О благородстве и преимуществе женского пола”».

О недостоверности и тщете наук и искусств

Отрывки из трактата публикуются по: Парнасский щепетильник: Ежемесячное издание 1770 года. [N 2], июнь; [№ 4], август.

«Парнасский щепетильник» — журнал, издававшийся в мае-декабре 1770 г. писателем, этнографом и историком М. Д. Чулковым (1744-1792).

Ж. Орсье. Агриппа Неттесгеймский

Публикуется по: Орсье Ж. Агриппа Неттесгеймский: Знаменитый авантюрист XVI в. Критико-биографический очерк. Пер. Брониславы Рунт. Под ред., с введением и прим. Валерия Брюсова. С прил. трех статей редактора: «Оклеветанный

ученый», «Легенда о Агриппе» и «Сочинения Агриппы и источники его биографии». М., 1913.

Исследование французского историка Ж. Орсье (1843-1923) «Un adventurier célèbre du XVI siècle: Cornélis Agrippa» было впервые опубликовано в журн. «La Revue des Idées» от 15 сентября 1910 г. Отдельное книжное издание, к которому были приложены многочисленные документы — Orsier J. Henri Cornélus Agrippa: Sa vie et son oeuvre d'apres sa correspondance (1486-1535) — вышло в Париже в 1911 г.

Появление журнального издания очерка Орсье, совпавшее с переизданием французского перевода трудов Агриппы, впервые выпущенного в XVIII в., вновь — уже после журнальной и двух книжных (1908, 1909) публикаций «Огненного ангела» — вернуло В. Я. Брюсова к размышлениям о немецком ученом и эзотерике.[1] Первыми результатами их стала рецензия «Агриппа Неттесгеймский» («Русская мысль». 1911. № 2, в кн. Орсье с сокращениями и изменениями под загл. «Оклеветанный ученый») и статья об Агриппе в «Новом энциклопедическом словаре» (1911). Не приходится сомневаться, что именно по инициативе Брюсова его свояченица Б. М. Рунт (в замуж. Погорелова, 1885-1983) взялась за перевод исследования Орсье, которое и вышло в 1913 г. в издательстве «Мусагет».

Ф. Йейтс. Оккультная философия и магия: Генрих Корнелий Агриппа

Перевод С. Старосельского выполнен по: Yates F. The Occult Philosophy in the Elizabethan Age. London-Boston-Henley, 1979. Полный перевод данной книги в настоящее время готовится нами к изданию.

Дама Ф. Йейтс (1899-1981) — британский историк, исследовательница духовной культуры Возрождения и западного эзотеризма; с начала 1940-х гг. работала в Институте Варбурга. Работы Йейтс легли в основу целого направления историко-культурных исследований, однако в последние десятилетия ее концепции подверглись существенной ревизии. На русский язык переведены ее книги «Джордано Бруно и герметическая традиция», «Искусство памяти», «Розенкрейцерское Просвещение» и др.

[1] Подробнее касательно образа Агриппы у Брюсова и значении для поэта его личности см. в кн.: Брюсов В. Спиритический дневник: Медиумизм и эзотерика (Salamandra P.V.V., 2020).

ОГЛАВЛЕНИЕ